VISIT…

ПЕРВАЯ ДИВИЗИЯ

ПЕРВАЯ ДИВИЗИЯ

ПЕРВАЯ
дивизия РОА

МАТЕРИАЛЫ
к истории освободительного движения народов России

(1941 -1945)

-1974-

ВЯЧЕСЛАВ П. АРТЕМЬЕВ

Все права сохранены за автором

Copyright by Author

ПЕРВАЯ ДИВИЗИЯ

Издательство
Союза Борьбы за Освобождение Народов России
(СБ О Н Р)
– 1974 –

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работа В.П.Артемьева – 1-ая Дивизия РОА, в дополненном формате написана в 1971 г.

Во многих отношениях – это интересный груд, так как В.П.Артемьев принимал непосредственное участие в Освободительном Движении.

Вячеслав Павлович Артемьев родился в Москве 27 августа 1903 года. С юных лет, он поступил в советскую армию и, посвятив себя военной службе, окончил военное училище, высшую офицерскую школу и военную академию имени Фрунзе. Свой жизненный путь он направил по военному делу, пройдя все его стадии от рядового солдата и до командира полка.

В.П.Артемьев участвовал во второй мировой войне и имел отличия за боевые заслуги. В сентябре 1943 года, командуя гвардейским кавалерийским полком на центральном участке советско-германского фронта, с группой оперативного прорыва, вошёл в немецкий тыл, с задачей нарушения коммуникаций и воспрепятствования подходу вражеских резервов. В бою с преобладающими силами противника был взят в плен немецкими войсками.

До июня 1944 года находился в Особом допросном лагере при штабе Восточного фронта в городе Лоетцев в Восточной Пруссии.

В июне 1944 года В.П.Артемьев вступил в Русское Освободительное Движение и в ноябре, с началом формирования Первой Дивизии РОА, был назначен генералом Власовым командиром Второго полка. По окончании войны, работал при армии США в Европе в области исследования и аналитики. С 1950 года состоит на службе Института Армии США Повышенной Специализации по изучению русских и восточноевропейских вопросов, в качестве профессора военных наук.

В.П.Артемьев имеет свои многочисленные труды, опубликованные в США и в

Европе, а также рукописи и консультации, хранящиеся в различных научно-исследовательских институтах и международных организациях ОН.

Труд В.П.Артемьева «1-ая Дивизия РОА» является первым подробным описанием эпопеи 1-ой Дивизии.

Учитывая факт, что большинство оставшегося в живых рядового и офицерского состава 1-ой Дивизии попало в руки советских военных частей и, впоследствии, было выдано в Особые Лагеря МВД, – чрезвычайно трудно, если не сказать невозможно, в настоящее время восстановить все точные факты происшествий в последние дни существования 1-ой Дивизии.

На основании свидетельств нескольких, находящихся з эмиграции, офицеров 1-ой Дивизии РОА, а также и некоторых архивных документов, Издательство СБОРН считает, что труд В.П.Артемьева является одним из наиболее фактических и полных описаний событий того времени.

Издательство СБОНР

Дорогой мой друг Вячеслав!

Твою ПЕРВУЮ ДИВИЗИЮ прочёл с большим интересом и с полным удовлетворением добросовестно выполненного тобой патриотического долга. Написано ярко и правдиво. Чувствуется, что ты в своё повествование вложил не только много труда, но и свою душу. Благодаря этому, читая описываемые тобой события, целиком переносится в прошлое, в ту тяжёлую и сложную обстановку давно минувших военных лет, при которых создавалось наше движение и, наконец, последний его трагический акт.

Я больше чем уверен, что твой труд явится серьёзным материалом при изучении истории Русского Освободительного Движения. Пусть эта книга послужит венком на могилы наших соратников погибших во имя освобождения своей Родины.

Константин Кромиади

Кромиади, Константин Григорьевич.
Полковник. Бывший начальник канцелярии
генерала Власова.

Уважаемый и дорогой Вячеслав Павлович!

Вашу Первую дивизию прочел, не отрываясь и, пожалуйста, не примите за лесть, считаю исключительно интересной и ценной. Основное достоинство труда– сухость и ясность: – вот так было, и точка. Читая Ваше повествование, я снова пережил всю трагичность того безумного времени, на которое я до сих пор всё ещё не могу оглянуться без внутреннего волнения. Всё, от первой до последней главы, очень хорошо изложено. Очень чувствуется, что всё происходившее в Первой дивизии Вы знаете совершенно точно.

Искренне Ваш ***Р. Редлих***

Доктор Редлих Роман Николаевич.
Радиостанция Свободная Россия.

Господину В.П.Артемьеву:

Мой покойный муж – генерал А.И.Деникин и я провели все годы немецкой оккупации Франции в глухой деревни на юге страны. Там мы впервые встретились с власовцами.

И вот, совершенно, неожиданно, знакомство это почти тотчас же перешло в обоюдное тёплое чувство. Какое то неотразимое сердечное влечение связывало нас – пожилых людей другой эпохи, с этими юными русскими парнями...

Ваша книга ПЕРВАЯ ДИВИЗИЯ, вновь оживила в памяти эти незабываемые встречи и в душе боль ... Вашу трагедию я восприняла как нашу собственную.

И мы, и вы шли умирать за спасение России. И если мы не победили, то виноваты в этом не только многие обстоятельства, но и люди, которые до сих пор не поняли в чём мировая драма. Я верю, что беспристрастная история разберёт и воздаст должное самоотверженным сынам России шедшим в бой с мировым злом.

Ксения Деникина

Деникин, Антон Иванович.
Генерал-лейтенант. Бывший главнокомандующий
объединёнными вооружёнными силами
Белого Движения в период гражданской войны
в России (1918-1922 г.г.)

Дорогой Вячеслав!

Прочёл твою ПЕРВУЮ ДИВИЗИЮ. Изложено хорошо. Коротко и ясно. Ничего выдуманного или искажённого не нашёл. Приношу тебе искреннюю благодарность за написанную тобой книгу. Лично для меня эта книга будет служить путеводителем в прошлое и справочником на будущее. Ещё раз большое тебе спасибо, дорогой друг.

А.Д.Архшюв

Архипов (Гордеев), Андрей Дмитриевич.
Полковник. Бывший командир 1-го полка 1-й дивизии РОА.

Перевод **с** английского

Дорогой Вячеслав Павлович:

На основании семнадцатилетнего близкого общения с различными бывшими советскими офицерами и ветеранами Власовского движения, и как интересующийся изучением Русской Освободительной Армии во Второй мировой войне я, тем не менее, должен сказать, что мне никогда раньше не приходилось встречать более точного и значительного описания свидетелем основ, философии, действий и последствий этой единственной в своём роде военно-политической организации.

Ваша книга свидетельствует, что это Движение представляло собой не организацию запятнанной, разношёрстной группы изменников и предателей, но армию бывших советских граждан, которые индивидуально и коллективно посвятили себя возрождению человеческой свободы на русской земле.

Поздравляю Вас с авторством важного исторического документа.

С искренним уважением ***Вильям Г. Паттерсон***

Полковник США Армии

Господин полковник,

Как литературный работник и бывший офицер царской Русской и Освободительной армии, должен сказать, что ваша рукопись о первой дивизии РОА заслуживает большого внимания, читается с непрекращающимся интересом.

С большим уважением,

Лев Дувинг

Дувинг, Лев Николаевич,
Литературный секретарь
журнала литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли «ГРАНИ». Издательство ПОСЕВ.

Командир Второго полка первой Дивизии Р.О.А. В.П.Артемьев

Сыну моему Владимиру
и его сверстникам посвящаю.

От автора:

В Первой дивизии я был командиром 2-го полка с начала формирования, до последнего дня её существования.

Историю Первой дивизии я написал ещё в 1946 году. Тогда все события были свежи в моей памяти, а сохранившиеся у меня записи и полевые карты дали мне возможность с точностью изложить многие детали. Это были только мои воспоминания. Описывая события, я старался с полной беспристрастностью излагать их и именно так, как они происходили перед моими глазами, как воспринимались мною. Я не умалчивал ни о предосудительном, ни об ошибках той или другой из сторон. Что было, то было...

При всём этом следует признать проявленное мною доброжелательное отношение к той стороне, на которой я находился. Это совершенно естественно – я не исследователь и не посторонний наблюдатель, а непосредственный участник происходившего.

Самое же важное и, сказал бы, ценное это то, что мои личные чувства, какие бы они не были, не отразились на правдивости моего повествования. Важно и то, что теперь, по прошествии свыше 25 лет, написать этот очерк я был бы не в состоянии. Давность изгладила бы из памяти многое.

Я приношу искреннюю благодарность заслуживающему глубокое уважение господину Вильфриду Штрик-Штрикфельду за его помощь, которая дала мне возможность разобраться в той части событий, которые изложены во вступительном разделе моей книги.

В.П.Артемьев

Примечание: Как профессор СШ-Армии Русского Института, по существующему правилу, должен заявить, что взгляды автора не имеют целью распространение официальной политики Института, Департамента Армии или Министерства Обороны США.

В. П. А.

ВСТУПЛЕНИЕ. ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ В НЕМЕЦКОЙ АРМИИ

С первых же дней войны между Германией и Советским Союзом в немецкой армии стали появляться добровольцы из числа советских военнопленных и гражданского населения занятой немцами советской территории. С течением времени наплыв добровольцев принимал всё большие и большие размеры. Стремление бывших подсоветских людей участвовать в борьбе против коммунистического режима превращалось в массовое явление. К сожалению, нацистское правительство не хотело понять истинных побуждений своих недавних врагов, относилось к ним с недоверием, считая чуть ли не каждого советского человека приверженцем коммунизма и всячески препятствовало организации российских антибольшевистских сил. Рассчитывая только на силу своего оружия, на своё мнимое военное превосходство, нацистское правительство совершенно игнорировало политический элемент в войне с Советским Союзом. Нацисты недооценивали ту колоссальную силу, которая заложена в участии народов России, в их возможной борьбе против коммунистического режима, за своё освобождение. Однако, несмотря на это и даже на чинимые препятствия, количество добровольцев в немецкой армии было огромное.

Следует отметить, что в вопросе использования бывших подсоветских людей в борьбе с коммунистическим режимом среди верховного немецкого командования и даже в правительственных кругах существовало два противоположных мнения. Одно из них основывалось на принципиальной точке зрения самого Гитлера. Проводниками этой точки зрения в Германских вооружённых силах были ярые приверженцы и последователи Гитлера, в том числе генералы ставки верховного командования Кейтель и другие. Эта точка зрения категорически отрицала все доводы в пользу привлечения советских людей к борьбе с коммунизмом. И только впоследствии, под давлением военных обстоятельств и всё усиливающихся противоположных доводов, Гитлер вынужден был пойти на некоторые уступки, разрешив использовать бывших советских людей в действующей армии, но лишь, как вспомогательную силу – добровольных помощников:– *(«HlWI – Hilfswillige*).

Противоположная точка зрения отражала в основном мнения части офицеров фронтового ко-

мандования *(«OKW»– Wehrmacht*).

Она базировалась на политически-правильной оценке антинародной политики коммунистического режима с одной стороны, и чаяний народов России с другой. Кроме того, использование большой массы бывших советских людей диктовалось интересами фронта. При осуществлении этой точки зрения, в первую очередь, ставился вопрос об общем улучшении положения советских военнопленных и восточных рабочих (*Ostarbeiter*), находящихся в Германии, а также резкого изменения отношения к населению бывшей советской территории, занятой немцами, и вообще отказа от их так называемой «восточной политики».

Конечно, были и иные точки зрения, которые ограничивались компромиссными решениями и половинчатым мероприятиями. Однако, они в то время не стояли на достаточной высоте и не поддерживались авторитетами.

Несмотря на нерешённость этого вопроса и на продолжавшуюся борьбу мнений в действующей армии, в решении русского вопроса дело шло своим особым порядком. Воспользовавшись санкцией Гитлера на использование бывших советских людей в действующей армии, как «*HlWI»*, фронтовое командование в короткий срок, под их видом, создало целые войсковые подразделения, обмундировывая и вооружая их, обеспечивая питанием наряду с немецкими солдатами по фронтовым нормам. Но вскоре это делать стало невозможно, ибо свыше семисот тысяч человек «*HlWI*» надо было содержать на нелегальном или полулегальном снабжении. Стало необходимым узаконить существующие добровольческие национальные войсковые части.

Только после больших усилий, несмотря на возражения со стороны нацистского генералитета и только благодаря явным доказательствам о высоком боевом духе и боеспособности этих добровольческих частей на фронте, сторонники союза с русскими добились некоторых успехов. В 1942 году был создан – «**Штаб Генерала Восточных Войск**». Позднее он был преобразован в «**Штаб Восточных Добровольческих Войск**». Командующим был назначен немецкий генерал ***Hellmich***, а впоследствии генерал ***Köstring***;. Таким образом, были узаконены национальные части в германской армии. Эти добровольческие войска, созданные по национальным признакам, не представляли собою самостоятельных войсковых соединений, а существовали в виде многочисленных, отдельных батальонов. К тому же, приказом Гитлера из национальных частей были изъяты все

офицеры этих национальностей, а на их место были назначены немецкие офицеры, в большей части не владевшие родными языками своих солдат. Во многих случаях из немцев были и унтер-офицеры. Обучение производилось по немецким уставам и применялись немецкие команды. Можно сказать, что в этих частях производилась не подготовка солдат, а их дрессировка, ибо солдаты, не владея немецким языком, заучивали звуки произносимых чужих команд и механически их исполняли.

Такие части были из различных национальностей, составляющих советскую Россию. Все они, однако, были безличными. Это были просто части немецкой армии.

На командные должности добровольцы не допускались, и не потому, что в их числе не доставало офицеров, а потому, что немцы не доверяли им. Нередки были случаи, когда бывшие советские офицеры, поступив добровольцами в такие национальные части, состояли в них рядовыми солдатами. С течением времени немецкое фронтовое командование (***Oberkommando des Heeres***), вопреки запрету гитлеровской ставки, стало использовать этих офицеров на командных должностях, но с большими ограничениями, под постоянным наблюдением и контролем немецких офицеров.

На особых правах находились казачьи формирования. Они создавались в виде крупных кавалерийских соединений и командный состав в них был также из самих казаков. К таким соединениям относились: казачий корпус, под командованием немецкого генерала ***v. Pannwitz***, казачьи соединения генералов Доманова и Краснова, а также эмигрантский корпус генерала Штайнфона, и другие.

Вообще же, восточные добровольческие части разрозненно придавались немецким войскам действующей армии и использовались по усмотрению их командующих. Хотя генерал ***Hellmich***, а затем ***Köstring***, формально числились командующими этими войсками, но фактически и они не командовали ими. Они занимались только вопросами формирования, пополнения и назначения личного состава.

Кроме добровольческих формирований в составе немецкой армии существовали и другие части на оккупированной немцами советской территории. Это были иррегулярные части, создаваемые из местного населения по территориальному принципу в составе отдельных батальонов и даже отдельных полков под командованием своих же командиров. Они вели борьбу с советскими партизанами и несли службу по охране железных дорог

и военных объектов. Наиболее крупным из этих формирований на оккупированной немцами советской территории была бригада Каминского, носившая название – «РОНА» – Русская Освободительная Народная Армия. (Необходимо отметить, что эта бригада никакого отношения ко власовской армии не имела).

Бригада Каминского была сформирована во время оккупации советских областей из местных жителей, преимущественно крестьян. Солдаты этой бригады были мало обучены, многие из них раньше не служили в армии. Подготовленных офицеров также было мало и на командные должности нередко назначались лица, совершенно не имевшие военного образования. Даже командиры полков назначались из бывших младших офицеров Советской армии. Бывшие кадровые советские офицеры в составе бригады Каминского были исключением. Сам Каминский также не был военным человеком. С приходом немцев он организовал небольшой отряд по борьбе с советскими партизанами, который в короткий срок разросся в бригаду. В 1944 году Каминский был произведён немцами в чин генерала и вскоре после этого был убит, под видом нападения на него советских партизан, инсценированного распоряжением Гиммлера (*Reichsfuhrer Heinrich Himmler*).

В Югославии, с начала войны существовал так называемый Русский Охранный Корпус, который состоял из русских эмигрантов, оставивших Россию после революции и окончания гражданской войны, еще в начале 20-х годов. Независимо от своих прежних чинов, они несли службу солдат, унтер-офицеров, офицеров. На командных должностях в этом корпусе состояли также бывшие русские офицеры царской армии. Все существовавшие на немецкой стороне, до конца 1942 года, добровольческие войска не имели к и своей единой самостоятельной организации, ни централизованного управления, ни единого подчинения. И только с появлением генерала Власова, как возглавителя Освободительного движения, начиная с конца 1942 года, стало вырисовываться понятие – «Русская Освободительная Армия», «Русское Освободительное Движение»...

Генерал Власов вложил идейную основу з эти многочисленные национальные воинские формирования.

Добровольческие части стали носить на правом рукаве отличительные знаки в виде национальных эмблем, с надписями – Русская Освободительная Армия, Украинская Освободительная Армия; «Туркестан» – для формирований среднеазиатских народов; расцветки национальных флагов При-

балтийских государств с надписями: «Латвия», «Эстония», «Литва» и другие. Немецкие офицеры, состоявшие в этих национальных войсках, носили такие же отличительные знаки.

Трудно судить о том, знал ли вообще Гитлер все подробности того, что происходило с добровольческими национальными формированиями, как в то спорное при решении этого вопроса время, так и особенно впоследствии. Вероятно, нет, а если и да, – то очень мало. Вряд ли Гитлер допустил бы, чтобы фронтовые генералы делали то, против чего он возражал, чему был противником, чего не желал признавать. По всей вероятности от него многое скрывалось, и не только военным командованием, но даже и его приближёнными генералами нацистского духа. Скрывая от Гитлера многое, генералитет действовал в интересах боевых операций германской армии на фронте. Состояние же фронта всё больше и больше колебалось, предвещая назревающие серьёзные военные неудачи и полное поражение.

Фигура генерала Власова признавалась Гитлером лишь в пропагандных целях против Сталина, против коммунизма, но и при этом в очень ограниченной степени. К печальному подтверждению этого может быть отнесён весьма характерный приказ генерал-фельдмаршала Кейтеля от 17-го апреля 1943 года:

«Ввиду неправомочных наглых высказываний военнопленного русского генерала Власова, во время его поездки в Северную группу войск, осуществлённую без того, чтобы Фюреру, а также и мне было известно об этом, приказываю немедленно перевести русского генерала Власова, под особым конвоем, обратно в лагерь военнопленных, где и содержать безвыходно. Фюрер не желает слышать имени Власова ни при каких обстоятельствах, разве, что в связи с операциями чисто пропагандного характера, при проведении которых может потребоваться лишь имя Власова, но не его личность. В случае нового личного появления Власова, предпринять шаги к его передаче тайной полиции и обезвредить».

(Немецкий оригинальный текст)[1]

[1] "Angesichts der unqualifizierten, unverschamten Ausserungen des kriegsgefangenen russischen Generals Wlassow auf einer Reise zur Heeresgruppe Nord, die ohne Wissens des Fuhrers und ohne mein Wissen durchgefiihrt worden ist, wird befohlen, dass der russische General Wlassow mit sofortiger Wirkung unter Sonderbewanhung' wieder in ein Kriegsgefangenenlager zu uberfuhren ist und dieses nicht mehr zu

После такого приказа, отданного из Ставки диктатора тоталитарного государства, не останавливавшегося перед любой расправой, даже над собственными гражданами, не только Власов, но и связанные с ним немецкие капитаны и подполковники должны были бы исчезнуть с лица земли. Но в обстановке сложившейся уже к тому времени круговой поруки, этого не случилось. Власов продолжал жить по-прежнему в выделенном для него доме в Берлине (Далем, Кибитцвег), а дом этот стал считаться лагерем. Приказ Кейтеля ничего не уничтожал, но тормозил дальнейшее развитие Русского Освободительного Движения.

Можно предполагать и то, что часть происходившего в этом деле, которая становилась Гитлеру известной, вынужден был оставлять без внимания, как бы не замечая.

Неблагополучная ситуация на фронте и неослабевающие доводы Верховного командования германским войском на восточном фронте, где в основном и действовали добровольческие национальные части, заставляли Гитлера терпеть и не противодействовать уже совершившемуся.

В конце концов, получилось так, что вопреки желанию и намерениям нацистского руководства, «ХИВИ» из вспомогательных команд в немецкой действующей армии превратились в боеспособные части, которые с оружием в руках, в одних рядах с немецкими солдатами дрались против Красной армии. Получилось так, что генерал Власов из пропагандной фигуры, каким его хотели видеть сам Гитлер и его сподвижники, превратился в руководителя Русского Освободительного Движения.[1]

Таким образом, военные формирования добровольцев (из СССР) и их упорство в боевых действиях на фронте дали возможность Власову, с одной стороны, развернуть в какой то степени всю последующую антикоммунистическую деятельность под флагом Русского Освободительного Движения, а с другой – защищать интересы миллио-

---

verlassen hat. Der Fuhrer wiinscht deri Namen Wlassow in keinen Zusammenhang mehr zu horen, es sei 4enn zu reinen Propagandaaktionen, zu deren Durchfuhrung man wohl des Namens, aber nicht der Person des Generals Wlassow bedarf. Sollte General Wlassow noch einmal per-sonlich in Erscheinung troten, ist dafiir Sorge zu tragen, dass er der Geheimen Staatspolizei iibergeben und unschadlich gemacht wird."

[1] НАШИ ДНИ, №5, 1961 – «Из истории недавнего безумия». Р.Редлих

нов своих соотечественников, находившихся в нацистском рабстве.

Все эти разрозненные войска, несмотря на их многочисленность (свыше 700 000 человек), нельзя было назвать Освободительной Армией, которой фактически не существовало. Это были русские, украинские, белорусские и. других национальностей Советского Союза солдаты и офицеры, которые очутились на службе в немецкой армии. Сюда привело их стремление к борьбе с коммунистическим режимом для освобождения своей Родины.

Генерал Власов непреклонно стремился создать организационную форму Освободительному Движению и направить его в соответствующее политическое русло, в условиях войны Германии с Советским Союзом.

Верховное командование «Вермахт», совместно с Верховным командованием германскими войсками на восточном фронте, неоднократно предлагало Гитлеру создать «**Комитет Русского Освободительного Движения** под руководством генерала Власова. Это предложение было решительно отвергнуто. Гитлер тогда еще раз заявил, что – «... **не желает иметь с русскими ничего общего**».

Сам же Гиммлер, который являлся главным уполномоченным Гитлера в решении вопроса о русском освободительном движении и о военных формированиях «восточных добровольцев», совершенно игнорировал генерала Власова м не желал с ним встречаться. В среде своего окружении Гиммлер не называл Власова иначе, как – «Свинья и изменник! ...» – намекая, тем самым, ка измену генерала Власова коммунистическому режиму. Такие отзывы Гиммлера доходили до генерала Власова.

Тем не менее, именем генерала Власова нацисты пользовались для поднятия духа немецкого населения и в целях пропаганды на фронте среди своих войск и среди войск советской армии.

На самом же деле, генерал Власов не имел никакого отношения ко всем этим добровольческим национальным батальонам и прочим формированиям, кроме подконтрольного идейного призыва. Он не мог оказывать своего влияния ни на положение личного состава, ни на боевое использование этих войск. Нередко именем генерала Власова нацисты пользовались для проведения мероприятий, с которыми он не соглашался и против которых категорически возражал. Были случаи, когда генерал Власов узнавал о проведении немцами от его имени тех или иных мероприятий, только впо-

следствии. Например, уже в 1944 году, перед переброской добровольческих батальонов с восточного фронта на западный, для обороны атлантического вала, генерал Власов, возражавший против этого, под благовидным предлогом был изолирован. Его не выпускали и не давали ему возможности поддерживать связь с добровольческими частями. Тем временем, нацистами было сфабриковано «Обращение генерала Власова» к добровольческим частям с приказом продолжать борьбу на западном фронте. Когда генерал Власов узнал об этом, он стал протестовать против переброски добровольческих батальонов на запад. Нацистское командование объявило, что добровольческие батальоны перебрасываются на запад в более спокойную обстановку для отдыха от боевых действий на восточном фронте.

Генерал Власов был не в состоянии оказывать свое влияние на политику Германии. Нацисты делали то, что они считали нужным, совершая ошибки за ошибками в русском вопросе и меньше всего думая об интересах русского дела. Генерал Власов и его ближайшие соратники сознавали, что при таком положении в миллионной среде советских военнопленных, «ост» – рабочих и среди населения оккупированных немцами областей СССР – теряется вера в Русское Освободительное Движение и в возможность борьбы с большевизмом в союзе с Германией. Больше того, такая политика нацизма была достаточным поводом к незаслуженному обвинению «Освободительного Движения» и лично генерала Власова в деятельности, направленной только в пользу нацистской Германии, а не на пользу народов России.

Генерал Власов, несмотря на все предыдущие неудачи, продолжал настаивать на резком изменении «Восточной политики», ставя свои требования обязательным условием для успеха в антикоммунистической борьбе. Он постоянно добивался улучшения положения остовских рабочих и советских военнопленных. Несмотря на неуспехи, генерал Власов не терял надежды, что, в конце концов, он сможет достигнуть соглашения. Эта надежда с течением времени у него возрастала, так как он видел, что всё чаще и чаще добивался некоторых уступок.

Больших трудов стоило генералу Власову отстаивать свои требования. Нужно было иметь исключительную настойчивость и выдержку, применять громадные усилия и гибкость в тех трудных условиях, чтобы защищать интересы своих соотечественников. Как бы то ни было, и как бы ни называли Власова его политические враги, но справедливость требует признать, что буквально

Генерал - лейтенант Андрей Андреевич Власов

миллионы советских военнопленных, остовских рабочих, а также населения на оккупированной немцами территории Советского Союза многим обязаны генералу Власову. Все они обязаны ему улучшением своего положения, а многие и многие сотни тысяч из них сохранением своей жизни. В этом генерал Власов и видел свою первоочередную задачу. Особой трудностью положения генерала Власова было то, что его борьба должна была вестись одновременно на две стороны – открыто против коммунизма и скрыто против нацизма. В этой борьбе должна была проявляться не только исключительная настойчивость, но и искусная эластичность.

Деятельностью генерала Власова руководили его расчёты на будущее. Генерал Власов постоянно говорил немцам: «Мои соотечественники будут мне верить и пойдут за мной только в том случае, если они будут видеть, что я веду их на борьбу с коммунизмом по правильному пути, направленному к достижению интересов моей Родины и её народа.,.» Генерал Власов неоднократно доказывал невозможность плодотворной деятельности и освободительной борьбы при существующей «Восточной политике» нацистов. Не один раз, он, терял веру и надежду, в отчаянии высказывал своё намерение отойти от руководства «Русским Освободительным Движением», невзирая ни на какие лично для себя последствия. Но он видел и то, что отойти от руководства и даже погибнуть было значительно легче, чем добиваться защиты интересов своих соотечественников. Он видел также и то, что его защита и влияние были необходимы для миллионов людей, судьба которых всецело зависела от нацистов. Ценою больших жертв, даже ценою проливаемой крови добровольцев на фронте, достигалось улучшение условий жизни и спасение миллионов людей.

Генерал Власов, при поддержке части немецкого генералитета, постоянно настаивал на создании объединенной Освободительной Антикоммунистической Армии под русским командованием, сведенной в крупные войсковые соединения. Боевое использование такой армии, по идее генерала Власова, должно было быть только в цельном ее составе и исключительно на восточном фронте. На это он часто получал принципиальные согласия. Ему поручали составлять проекты таких формирований и вести подготовительную работу, перенося, однако, окончательное решение этого вопроса на будущее. Дело же с места не двигалось.

Доброжелательно относившиеся к генералу Власову, к его идее и намерениям немецкие, генералы и офицеры «ОКХ» и «ОКБ», всячески стара-

лись поддержать его морально, вселить в него уверенность на лучшие будущие возможности. Власову часто говорили такие слова, что: «... это светлое будущее остается ждать уже не долго»..., на что намекали немцы – доброжелатели Власова и всех русских? Ясно было только то, что они не хотели, чтобы генерал Власов отказался от руководства Освободительным Движением... На постоянные вопросы Власова, кто же препятствует развитию этого большого дела, он, от дружески расположенных к нему немцев, неизменно получал, один ответ – Ставка Фюрера!.. Власову говорили, что нацистское руководство, и в частности Гиммлер, считает, что добровольческие батальоны, находящиеся в немецкой армии, должны доказать свою твёрдость и преданность, доказать, что они действительно намерены и способны бороться с коммунизмом. И только, мол, тогда можно будет целиком решить вопрос о создании Русского Освободительного Движения и приступить к созданию Русской Освободительной Армии ...

– «...Сколько же крови наших добровольцев должна быть пролито и через какие еще испытания, как сталинского режима в России, так и гитлеровского в Германии, должны пройти мои соотечественники, чтобы доказать свое искреннее и горячее стремление бороться с коммунизмом и освободить Родину?..» – отвечал Власов.

Многие имена немецкого генералитета и офицеров, признававших идею Русского Освободительного Движения, с достойным чувством оставались в сердцах Власова, его ближайших соратников и многих других власовцев. Они хорошо знали, что еще в 1941 году фельдмаршал фон Бок, который в то время командовал центральной группой армий, предложил Ставке Гитлера проект о создании на занятой немцами территории Советского Союза Российского правительства. Они знали, что полковники фон Тресков, фон Гернсдорф и капитан Штрик-Штрикфельдт дополнили этот проект предложением создать, на первое время, двухсоттысячную национальную освободительную армию. Формированию такой армии, из военнопленных и местного населения колоссальной территории СССР, уже занятой немцами, в то время, представлялась полная возможность. Власов и власовцы знали, что бывший главнокомандующий германской армией, фельдмаршал фон Браухич, и начальник тыла центральной группы армий генерал-полковник фон Шенкендорф также энергично поддерживал эти предложения и проекты. Хорошо знали Власов и его соратники и то, что фельдмаршал Кейтель и Йо-

дль, из ставки фюрера, не только противились таким проектам, но и запретили фронтовому командованию заниматься этими вопросами. Для Гитлера это было неприемлемо!..

Всё это было ещё до появления генерала Власова. Он тогда, ещё на советской стороне, командовал армией, оборонял Киев, Москву, награждался Сталиным, заслуженно и успешно приобретал ореол героя отечественной войны.

Во имя справедливости и в интересах исторической истины следует признать, что в усилиях генерала Власова по улучшению положения бывших советских людей, оказавшихся под гнётом национал-социалистической политики, в труднейших условиях упорного непризнания со стороны Гитлера, доброй памяти заслуживают многие немецкие генералы и офицеры. Многие из них, подчас с большим риском для самих себя, отстаивали интересы остовских рабочих, военнопленных, населения оккупированных советских областей. Они делали всё возможное, чтобы создать условия плодотворной деятельности в деле освобождения России от коммунизма, именно освобождения ...

В историю Русского Освободительного Движения должны войти многие немецкие имена, а особенно: фельдмаршала фон Клейст, генералов Кёстринг, Гельмих, Линдемаи, Гелен, полковников графа Штауффенберг, фон Ренне, Мартин, Герре, подполковника Фрейтаг-Лорингхофен, капитанов фон Троте, фон Деллингсхаузен, Дюрксен, фон Рихтгофен. Особое признание во всех этих событиях заслуживает активный участник в создании первоначального проекта о Временном русском национальном правительстве и русской освободительной армии, еще в ноябре 1941 года, упорный и неутомимый капитан Штрик-Штрикфельдт. Он до самого конца национал-социалистической гегемонии оставался верным идее Русского Освободительного Движения. Он настойчиво и последовательно, всеми возможными средствами, нередко с риском для самого себя, вместе с генералом Власовым старался превратить идею Русского Освободительного Движения в действительность.

Капитан Вильфрид Штрик-Штрикфельдт пользовался у генерала Власова полным доверием. Власов с ним делился своими самыми сокровенными мыслями и Штрик-Штрикфельдт это доверие полностью оправдал. Он был очень популярен среди всех слоёв бывших советских людей, находившихся в Германии и они заслуженно называли его «другом русских»...

Конечно, вышеперечисленными именами далеко не исчерпываются все те честные и деятельные немцы, которые проявляли свое понимание, сочувствие и делали всё от них возможное в пользу Русского Освободительного Движения.

Время шло... События развивались, всё более и более отягощая положение нацистской Германии. На фронтах немцы терпели одно поражение за другим. Исход войны был явно предопределён в пользу западных союзников и СССР. Поражение Германии становилось очевидным...

После покушения на Гитлера 20-го июня 1944 года Гиммлер отказался от своего упорства и яростного сопротивления в разрешении русского вопроса. Он, наконец, решил впервые встретиться с генералом Власовым. Кроме ряда высокопоставленных лиц обычного немецкого окружения генерала Власова, во время встречи с Гиммлером его сопровождал и капитан Штрик-Штрикфельдт, который, однако, в последний момент, по приказу Гиммлера, к участию на совещании допущен не был. Аудиенция продолжалась меньше часу. Гиммлер дал согласие на создание «Комитета Освобождения Народов России» – «КОНР», в который в первую очередь должны были войти все существовавшие в Германии и раньше, нередко только формально, Национальные комитеты народов СССР. Гиммлер дал согласие на формирование, так называемых, Вооружённых Сил Народов России в составе 10 дивизий... Главнокомандующим был объявлен генерал Власов.

Конечно, это решение исходило исключительно из утилитарных соображений.

Поспешно созданный Штаб Вооруженных Сил Комитета Освобождения Народов России, начальником которого был назначен бывший советский генерал-майор Трухин, немедленно приступил к составлению плана формирования войск. По этому плану, выработанному совместно с германским командованием, к 1-му февраля 1945 года предполагалось закончить формирование трёх пехотных дивизий первой очереди. Следом за этим намечали формирование остальных семи дивизий второй очереди, а параллельно специальные авиационные, танковые, парашютно-десантные части; офицерские школы и разного рода вспомогательные части – инженерные, связи и прочие. В общей сложности, Освободительная Армия генерала Власова, по истечении полугода, должна была иметь в своем составе свыше ста тысяч человек. В дальнейшем формирования должны были продолжаться. Вот в таком плане стали вырисовываться перспективы после встречи генерала Власова с Гиммлером.

Начальник Штаба Вооружённых сил К.О.Н.Р. генерал-майор Ф.Трухин

В создаваемую Освободительную Армию должны были войти, прежде всего, все существовавшие к тому времени добровольческие национальные части, находившиеся в немецкой армии. Офицерский состав должен был быть также тех национальностей, из которых состояли части войск. Ни ;одного немецкого офицера, кроме офицеров связи при соединениях, не должно было быть во власовской армии. Все назначения и переводы чинов армии должны были производиться самостоятельно штабом власовского командования.

Генерал Власов рассчитывал, что пополнение должно будет поступать и из числа военнопленных и «остовских рабочих». Кроме того, были расчёты на то, что в процессе боевых действий пополнение будет происходить и за счёт вновь поступающего контингента советских солдат и офицеров, которые будут переходить на сторону Освободительной Армии, конечно, при условии успеха боевых действий.

Несмотря на упущенное время и потерю многих возможностей, такой план формирования армии мог бы быть в то время осуществлён. Использование хотя бы уже существующих в немецкой армии добровольческих национальных частей в очень короткие сроки дало бы нужное количество войск для создания Освободительной Армии. (В немецком плену тогда находилось несколько миллионов советских солдат и офицеров и несколько десятков генералов). Планы генерала Власова шли значительно дальше. Он предвидел возможность создать независимый от нацизма фактор объединенной силы в борьбе с коммунизмом, и не только из народов России, но и других славянских народов Восточной Европы.

Источником пополнения офицерскими кадрами при формировании частей первой очереди являлась, главным образом, так называемая «Школа Пропагандистов РОА», существовавшая ещё с 1942 года: Эта школа находилась Недалеко от Берлина, на станции Дабендорф.

В эту школу поступали добровольно, главным образом, офицеры из лагерей советских военнопленных. Её формальной задачей являлась подготовка пропагандистов для лагерей советских военнопленных, восточных рабочих и добровольческих частей. Обучение в школе длилось полтора месяца, по истечении которых, бывшие офицеры из военнопленных восстанавливались в своих прежних военных званиях и направлялись в качестве пропагандистов в лагеря советских военнопленных и в русские добровольческие части немецкой армии. К моменту начала формирования

Освободительной Армии (ноябрь 1944 год) эта школа произвела уже 12 выпусков, в среднем по 350 человек каждый, что составляло, в общей сложности, около 4 500 человек офицеров в разных чинах, до полковников включительно.

Все офицеры, выпускаемые из Дабендорфской школы, состояли на скрытом учёте в штабе школы на случай необходимости использовать их при создании Освободительной Армии. Кроме того, при этой школе существовал, так называемый, резерв офицеров, главным образом старших званий. Постоянный командный состав школы тоже представлял собою резерв старших офицеров будущих формирований. Например: ротами командовали бывшие командиры полков и батальонов, а в офицерском резерве состояли бывшие командиры дивизий, бригад, полков и батальонов советской армии. Как этот резерв, так и специальный учёт офицеров, ранее выпущенных по окончании школы, и работающих в различных местах пропагандистами, до поры до времени держались в секрете от немцев, кроме очень ограниченного круга доверенных лиц.

По существовавшему с немцами соглашению предполагалось, что по окончании формирований первой и второй очереди, Освободительная Армия под командованием генерала Власова должна была выйти на восточный фронт и приступить к боевым действиям. Введению в бой Освободительной Армии должна была предшествовать продолжительная широкая пропагандная подготовка на фронте и в тылу советских войск. Пропаганда тоже не должна была находиться в немецких руках, как было до того времени, а должна была быть передана полностью в руки Комитета Освобождения Народов России.

Предшествующая боевым действиям пропагандная подготовка на фронте должна была закончиться обращением *к* солдатам, офицерам и генералам советской армии о прекращении защиты коммунистического режима и принятии участия в освободительной борьбе.

Несмотря на уже предопределённое поражение нацистской Германии, при более правильном подходе немцев к русскому вопросу вообще, и к вопросу Освободительного Движения в частности, – его размах мог был бы быть грандиозным, а сила и значение его могли бы сыграть решающую роль в борьбе с коммунизмом. Но нацистское правительство, официально объявляя о создании Освободительной Армии и заключая соглашение об этом с генералом Власовым, не собиралось выполнить обязательства, которые брало на себя, якобы в интересах народов России.

О начале создания Российской Освободительной Армии было широко опубликовано во всех русских, украинских, белорусских и других национальностей России газетах в Германии. Эта радостная весть быстро облетела все добровольческие части в немецкой армии, все лагери остарбочих и военнопленных, внеся в души подневольных людей небывалый подъём.

Буквально сотни тысяч военнопленных, остовских рабочих, добровольцев в немецких частях – горели желанием, под своими национальными знаменами, в рядах Освободительной Армии, встать на борьбу с коммунистическим режимом. Даже те, которые до того времени скептически относились к обращениям Власова, к его призывам включиться в Освободительное Движение, теперь, перед реальным делом, горячо откликнулись на призыв. В лагерях советских военнопленных многие офицеры и солдаты, стоявшие ранее на неодобрительной к генералу Власову платформе и осуждавшие Освободительное Движение на базе нацистской Германии, расценивавшие сотрудничество с нацизмом, как сотрудничество с врагом Родины – после создания «Комитета Освобождения Народов России» и сообщения о формировании Освободительной Армии, изменили своё отношение и стали благожелательно относиться к новым формам и предполагаемому размаху Освободительного Движения. Сотни: тысяч людей теперь стремились принять в нем участие.

Но наряду с этим, многие продолжали оставаться на враждебной Власову платформе. Пережив мучительные годы в ужасной обстановке немецкого плена и предвидя скорое окончание войны и поражение нацизма, они не имели никакого желания вступить в новую сомнительную борьбу и обрекать себя на суровые испытания.

В то время армии союзников в успешных боях продвигались вперёд. Поражение Германии можно было ожидать в ближайшие месяцы, но, тем не менее, как ни парадоксально, тяга в освободительную армию была невероятно велика. Верилось, что после поражения Германии начнётся настоящая освободительная война, в которой и советский народ будет на стороне освободителей.

На имя Комитета Освобождения Народов России со всех сторон Германии и других оккупированных немцами западных стран ежедневно поступали тысячи писем с просьбами о зачислении в Освободительную Армию.

Характерным показателем отношения людей к Освободительному Движению в его новых формах могут послужить, например, такие факты, как массовые добровольные денежные взносы в

«Фонд Народной Помощи». Пожертвования поступали от разных лиц и организаций и выражались суммами от десятков и сотен тысяч марок от русских организаций и добровольческих воинских частей, до 3-5 марок от остовского рабочего. Дорог и ценен был вклад из последних средств бедного остовца, присланный вместе с письмом, в котором он извинялся за малую сумму своего взноса и передавал свои пожелания успеха начатому делу. За короткий срок в фонд народной помощи было собрано несколько миллионов марок, которые использовались для помощи нуждающимся, находившихся в немецких лагерях.

Несмотря на всё это, немцы повсеместно тормозили приём добровольцев, запрещали производить их набор в лагерях и продолжали удерживать в своих войсках разрозненные добровольческие части. Казалось непонятным такое противоречие слов и дела. В конце концов, создание Российской Освободительной Армии ограничилось только тремя дивизиями, из которых вторая дивизия так и не была окончательно сформирована, а третья осталась до конца войны в зачаточном состоянии.

Единственной, целиком сформированной, вооруженной и сколоченной в боевом отношении дивизией была только Первая Дивизия под командованием генерала Буняченко – (600 пехотная дивизия по немецкой номенклатуре.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ. СОЗДАНИЕ ПЕРВОЙ ДИВИЗИИ

I

В германской провинции Вюртемберг, в военных городках, расположенных близ города Мюнзингена, 14 ноября 1944 года начала формироваться Первая Русская Дивизия Вооружённых Сил Народов России. (Русской Освободительной Армии). Командиром дивизии был назначен полковник Буняченко, впоследствии произведённый в генерал-майоры.

Сергей Кузьмич Буняченко, один из ветеранов офицерского корпуса советской армии. Он попал в плен к немцам в 1942 году. Несмотря на то, что он много лет состоял членом компартии, он был противником коммунистического режима и в то же время он с ненавистью относился к нацизму, ошибочно отожествляя его со всем немецким народом. По натуре это был человек сильной воли, с решительным, твёрдым характером. Он был отлично подготовлен в военном деле, был опытным и способным военачальником.

Состав дивизии предусматривался в соответствии со штатами немецких соединений, но без третьих батальонов в полках. К окончанию формирования Первая дивизия состояла из следующих частей: Штаб дивизии и при нём штабная рота и жандармский взвод; три гренадёрских полка с полковой артиллерией и ротами тяжёлого вооружения в батальонах; артиллерийский полк девятибатарейного составя; отдельный разведывательный батальон в составе: одной танковой роты, одного конно-пулемётного и двух кавалерийских эскадронов; полк снабжения; отдельный учебный батальон; отдельный сапёрный батальон; отдельный батальон связи и медицинский батальон.

Численность дивизии первоначально составляла около 10 тысяч человек. Впоследствии, независимо от штатной положенности, численность дивизии незаконно возросла до 20 тысяч.

Командир дивизии и командиры полков были назначены лично генералом Власовым. Офицерский состав прибывал, как из добровольческих русских частей, находившихся в в немецкой армии, так и из скрытого офицерского резерва при Дабендорфской школе РОА. Комплектование сол-

датским и унтер-офицерским составом производилось также из расформировываемых для пополнения дивизии русских частей немецкой армии и из расформированной дивизии Каминского. (Антипартизанское иррегулярное соединение – РОНА – Русская Освободительная Народная Армия).

Значительно хуже обстояло дело с унтер-офицерским составом. Добровольческие батальоны, прибывающие для пополнения дивизии из немецких частей были без унтер-офицеров, так как таковыми состояли немцы. Командование дивизии было вынуждено принять срочные меры для ускоренной подготовки унтер-офицеров в учебном батальоне, отобрав для этого кандидатов из лучших солдат.

Обозы частей дивизии состояли преимущественно из конного транспорта, пополнение же конским составом происходило очень плохо. Лошади прибывали в жалком состоянии – истощённые, больные и в недостаточном количестве. Для приведения лошадей в работоспособное состояние требовалось усиленное питание, а зачастую и лечение. Фуражное довольствие строго лимитировалось и выдавалось по очень ограниченным нормам. Снабжение дивизии вооружением, снаряжением, обмундированием, обозным имуществом и автотранспортом производились чрезвычайно медленно, с большим опозданием по сравнению с планом. Всё эго тормозило формирование и отражалось на обучении частей дивизии.

Особенно плохо было поставлено снабжение тяжёлым вооружением – материальной частью артиллерии и миномётов, которое поступало в течение почти трёх месяцев, что затрудняло подготовку артиллеристов.

Отсутствие обмундирования и, главным образом, обуви, в первое время лишало возможности выводить части на обучение в полном составе, тем более, что зима была суровая, снежная. До января 1945 года солдаты донашивали старое, пришедшее в негодность обмундирование. Из-за отсутствия обуви до 15% личного состава дивизии не могло выходить из казарм, солдаты выводились на учения поочерёдно, а с разутыми занятия производились в помещениях. Только в январе полностью было получено новое обмундирование и стало возможным, с полным охватом всего личного состава, проводить систематически нормальную боевую подготовку частей дивизии.

В Первой дивизии не было ни одного солдата или офицера, которые прибыли бы непосредственно из лагеря военнопленных. Все были обученные, обстрелянные фронтовики с большим боевым опытом.

Со стороны личного состава дивизии было исключительно ревностное отношение к службе, к занятиям. Нередко можно было встретить на учениях в поле, в ненастную погоду солдат в рваном обмундировании, с обмотанными в тряпки ногами, добровольно вышедших на занятия, хотя и имевших право оставаться в казармах. Несмотря на вес трудности и лишения – не было ни ропота, ни выражения недовольства. Все, от генерала до солдата, сознавали, что от степени боеспособности дивизии зависит ее сила и способность к защите своих интересов при любой ситуации. У всех была одна цель, одно стремление, одни враги и одна судьба. Общность эта сплотила личный состав дивизии, укрепляла его и придавала ему ещё больше силы в преодолении трудностей. Солдаты и офицеры дивизии понимали, что полученное оружие нужно было крепко держать в руках, что они с оружием в руках представляют собою ту силу, которая резко изменила положение, как их самих, так и положение их соотечественников в нацистской Германии. Несмотря на вынужденный союз с гитлеровской Германией, нацисты всё же оставались врагами, в чём они были виноваты сами.

Через два месяца, в январе 1945 года, в 60 километрах от места расположения Первой дивизии, в городе Хойберг начала формироваться Вторая русская дивизия под командованием бывшего советского полковника Зверева, также впоследствии произведённого в генерал-майоры. В то же время в Хойберг прибыл из Берлина генерал Власов со штабом Освободительной Армии.

Формирование Второй дивизии происходило ещё с большими затруднениями. Она укомплектовывалась преимущественно из лагерей военнопленных. Но, тем не менее, сознание того, что по соседству существует другая русская дивизия, поднимало настроение и внушало ещё большую уверенность в свои силы. В Мюнзингене находилась и офицерская школа РОА.

В феврале 1945 года формирование Первой дивизии было полностью закончено, и немецкое командование решило в торжественной обстановке отметить формальное вступление генерала Власова в командование русскими войсками.

II

16 февраля 1945 года в Первую дивизию приехал генерал Власов с членами своего штаба и командующий восточными добровольческими войсками генерал от кавалерии Кёстринг в сопровождении свиты немецких генералов и офицеров.

Перед построенными для парада полками дивизии был объявлен приказ о передаче Первой дивизии в состав Вооружённых Сил Народов России и вступление генерала Власова в командование «Армией».

Вступление генерала Власова к командованию Освободительной Армией, которой не существовало и которую нацистское правительство и не намеревалось создавать, было устроено исключительно в пропагандных целях. Тем не менее, это событие воодушевило людей.

Генерал Кёстринг поздравил офицеров и солдат Первой дивизии с началом создания Русской Освободительной Армии и выразил свою уверенность в том, что под командованием генерала Власова русские войска смогут вести освободительную борьбу под русским командованием для достижения своей цели.

Долго не смолкаемым «Ура!» ответили части дивизии на слова генерала Власова и в тот момент на трибуне и во всех гарнизонах частей дивизии взвились трехцветные бело-сине-красные русские национальные флаги, впервые без нацистского флага со свастикой.

Высок был подъём духа у солдат и офицеров в этот торжественный день... Парадным маршем прошли части дивизии мимо трибуны. Чёткими шагами, с винтовками наперевес шли солдаты мимо генерала Власова, стоявшего на трибуне и принимавшего парад. На него смотрели эти русские солдаты, одетые в немецкую форму, смотрели с любовью и с надеждой. Все они готовы были бы сложить свои головы в борьбе за великое дело освобождения России. Но одновременно с этим чувством не покидало их сомнение – не поздно ли? .. Так чувствовали, так думали...

В этот же день генерал Власов отдал приказ о снятии с мундиров и фуражек нацистских орлов со свастикой. После этого торжественного дня жизнь дивизии пошла обычным порядком. В частях продолжалась упорная боевая подготовка ... К этому времени дивизия уже была полностью снабжена всем необходимым вооружением и боеприпасами.

Солдаты и офицеры не обманывались в обстановке. Они сознавали ограниченные возможности и неясные перспективы. Люди реально смотрели на положение, в котором оказалась Германия, а вместе с ней и войска генерала Власова. Все понимали бесполезность своей борьбы с коммунистическим режимом в условиях уже почти поверженной Германии... Нужно было думать только о сохранении людей для будущего. Поражение Германии мало кого беспокоило. Все были полны

Командир I дивизии Д.О.А. генерал - майор С.К.Буняченко 16 февраля 1945 года в Мюзингене.

надеждой, что со стороны Соединенных Штатов Америки будет понимание того, что заставило бывших подсоветских людей пойти на союз с нацистской Германией для своего освобождения от большевизма. Думали так, что если на первое время западными союзниками и не будет оказана поддержка Освободительному Движению, то, во всяком случае, сочувствие и право убежища на стороне свободного мира получит каждый участник Освободительного Движения. В этом последнем ни у кого не было ни малейшего сомнения. Поэтому люди были спокойны, никто не чувствовал за собой вины перед родиной и перед своим народом.

Отношение к западным союзникам со стороны власовских солдат и офицеров может быть охарактеризовано хотя бы таким случаем, имевшим место в Мюнзенгене: – В середине февраля вблизи района расположения Первой дивизии немецкой зенитной артиллерией был сбит американский самолет. Лётчик – французский офицер, выбросился с парашютом и приземлился недалеко от одного из полнов дивизии. Власовские солдаты нашли французского лётчика, привезли к себе, скрыли от немцев и спрятали в казарме. Командование полка и дивизии знало об этом случае, но не подавало виду, что это им известно. Только через несколько дней, узнав о местонахождении французского лётчика немецкие власти потребовали его выдачи.

III

Прошло ещ` две недели, и второго марта немецкий офицер связи, полковник генерального штаба Герре, вручил командиру дивизии генералу Буняченко приказ германского командования о подготовке дивизии к выступлению на фронт. (Местом назначения был указан район Штеттин в Померании. Одновременно был вручён план перевозки дивизии по железной дороге). Этим приказом роль генерала Власова, как командующего, совершенно игнорировалась. Нарушалось данное обещание о создании и использовании частей Русской Освободительной Армии только после её формирования и в цельном составе.

В это время Вторая русская дивизия находилась ещё в состоянии полной небоеспособности. Имелся только личный состав изнурённых в немецких лагерях солдат и офицеров, без оружия и, большинстве своём, без обмундирования. Третья дивизия едва формировала свои штабы.

Генерал Буняченко был поражён полученным приказам, который был передан ему, обойдя генерала Власова. Выразив полковнику Герре своё недоумение по поводу полученного приказа, генерал

Буняченко немедленно связался с Власовым, который был в это время в Хойберге в 60 километрах от Первой дивизии. Если раньше немецкое командование могло безответственно бросать русские части в бой по своему усмотрению, то теперь, когда дивизия была в руках русского командования, дело обстояло несколько иначе.

В тот же день генерал Буняченко вызвал к себе командиров полков и отдельных частей дивизии и объявил им полученный приказ. Он заявил при этом в самой резкой форме, что расценивает действия немецкого командования, как обман и предательство и что будет говорить с генералом Власовым. Командиры частей полностью разделяли мнение генерала Буняченко, и на этом же совещании был намечен план особых мероприятий в дивизии на случай возможного возникновения конфликта с немцами. Впервые возник вопрос о неподчинении, вплоть до вооружённого сопротивления.

Генерал Буняченко продолжал вести переговоры с полковником Герре, ожидая приезда генерала. Власова. Части дивизии проводили подготовку, приводя себя в боевую готовность, и принимали меры на случай необходимости оказать сопротивление силой. Для охраны штаба дивизии от полков был выделен сводный батальон автоматчиков с ручными пулемётами и противотанковым оружием, который в полном вооружении с боеприпасами демонстративно продефилировал мимо здания немецкого штаба связи. В гарнизонном театре, недалеко от штаба дивизии, батальону был дан «большой концерт», продолжавшийся в течение пяти часов, пока генерал Буняченко вёл переговоры, выигрывая время до приказа генерала Власова.

В частях дивизии царило напряжение, все были готовы, если это потребуется, в любую минуту приступить к боевым действиям. Было организовано круговое сторожевое охранение и выслана разведка. В полках снаряжались обозы. Дивизия готовилась и к походу, и к обороне. Настроение солдат и офицеров было таким, что достаточно было одной команды, чтобы они в неудержимом стремлении ринулись в бой. Солдаты наперебой задавали своим офицерам волнующие их вопросы: «Где генерал Власов?», «Когда начнём действовать?», «Нельзя ли захватить немецкие склады оружия и вооружить Вторую дивизию?». Приходилось удерживать горячий воинственный бунтарский порыв бойцов, внушать необходимость сохранять хладнокровие и выдержанность. Нельзя было давать повода к возникновению конфликта с

немцами, который неизбежно принял бы самые острые формы.

Переговоры генерала Буняченко с полковником Герре протекали в очень сдержанном тоне. Они оба, кажется, не доверяли друг другу, но оба пытались придавать переговорам корректную форму.

Генерал Буняченко настаивал, чтобы приказ о выступлении дивизии на фронт был от генерала Власова. Он требовал, чтобы сам генерал Власов объяснил дивизии причину нарушения обещания по созданию и использованию Освободительной Армии. При этом генерал Буняченко подчёркивал свою уверенность в том, что командиры частей и все офицеры и солдаты дивизии воспримут приказ немецкого командования, отданный помимо генерала Власова, как незаконный и несоответствующий подчинённости Русской Освободительной Армии. Генерал Буняченко в категорической форме отказался подчиниться приказу немецкого командования. Он заявил со всей решительностью, что это означало бы его соучастие с немцами в обмане своей дивизии...

На следующее утро генерал Буняченко вновь собрал командиров полков. Было принято решение, что в случае, если германское командование попытается применить военную силу против дивизии, то дивизия немедленно снимается с места и форсированным маршем, если нужно, то и с боями, пойдёт в годы, к швейцарской границе, расстояние до которой было всего несколько десятков километров. Укрывшись в горах, генерал Буняченко полагал связаться с войсками западных союзников. Допускался и такой оборот событий, что немецкое командование примет меры к разоружению дивизии или к изъятию ее командования. Такая попытка должна была бы послужить сигналом к началу боевых действий против немцев, с той же целью проникновения в горы...

Опасения того, что со стороны немцев могут быть применены репрессивные действия, были, может быть даже преувеличенными, но возникшие в воспаленных умах, порождали отчаянные планы сопротивления. Предпочитали умереть с оружием в руках, сопротивляясь, чем разоруженными за проволокой нацистских лагерей или в застенках Гестапо ...

Наконец, генерал Власов приехал в дивизию. Здесь он впервые узнал о полученном приказе на выступление дивизии и обо всем происшедшем за последние двое суток. Переговоры с полковником Герре он отложил на следующий день.

При обсуждении создавшегося положения, узнав о намерениях дивизии, генерал Власов высказал генералу Буняченко свое несогласие действо-

вать против немцев. Генерал Власов считал, что это повлечёт за собой массовые репрессии по отношению к другим русским войсковым частям, а также и ко всем русским людям, находящимся в лагерях Германии.

Генерал Буняченко упорствовал и продолжал отстаивать свое решение. Развивая свои планы, он предлагал генералу Власову, на случай возникновения открытого конфликта, вооружить из немецких складов Вторую дивизию и офицерскую школу, которая также находилась в Мюнзингене. Это составило бы уже до 20 тысяч человек. Но к этой крайней мере генерал Буняченко предлагал обратиться только в том случае, если будет угрожать действительная опасность.

Генерал Власов считал возможным урегулировать вопрос мирным путем. На другой день, после переговоров с полковником Герре, генерал Власов выехал в ставку германского командования.

Дивизия оставалась в ожидании... Она была в полной боевой готовности...

Пятого марта генерал Власов вернулся в дивизию. В результате его переговоров были сделаны некоторые изменения. – Дивизия всё же должна была выступить, но не в район Штеттина, а в район Люббен, Франкфурт на Одере, Коттбус, юго-восточнее Берлина. Туда, по заверению немецкого командования, несколько позже должны будут прибыть Вторая дивизия, казачьи соединения и некоторые другие русские войсковые части.

В ставке генерал Власов получил заверение, что в этом районе будут объединены все русские добровольческие части и что после этого они будут введены в бой под командованием генерала Власова. Инцидент с генералом Буняченко немцами был оставлен без последствий, как бы незамеченным. Упорство и отчаянная решительность Буняченко, готовность дивизии к сопротивлению, – вероятно, были благоразумно учтены. Немецкое командование не хотело отягощать обстановку беспорядками в тылу.

План перевозки дивизии по железной дороге вызвал категорическое возражение генерала Буняченко. Этот плач, составленный в немецком штабе, представлял собою чрезвычайно любопытный документ. На нём следует остановиться. Переброска дивизии по железной дороге была намечена отдельными эшелонами и таким образом, что все части дивизии во время перевозки нарушали цельность своей организации и выходили из подчинения своих командиров. Так, например, штаб дивизии, штабы всех полков и других частей, а также штабы всех батальонов полков должны были следовать вместе в одном железнодорожном

эшелоне. Остальные железнодорожные эшелоны были составлены так, что в них должны были перевозиться подразделения частей дивизии не в соответствии с их организацией – по полкам и батальонам, а по родам оружия. Это означало, что стрелковые подразделения всех полков дивизии должны были смешанно перевозиться в одном, двух эшелонах, артиллерийские подразделения всех полков дивизии в особых эшелонах; дивизионные и полковые подразделения связи и сапёрные подразделения все вместе, в особых эшелонах; тылы и части снабжения также в особых эшелонах и т.д.

Этим самым нарушалась организационная структура дивизии, управление частями и подразделениями. Части и подразделения, вышедшие на время следования из подчиненности своих командиров были бы дезорганизованы, а между эшелонами нарушилась бы всякая связь. В этих условиях не было боеготовности, и разоружить дивизию не представляло никакого труда.

Генерал Власов, не успевший раньше ознакомиться с этим планом, поддерживал возражения генерала Буняченко. Немецкое командование очень быстро изменило приказ. Дивизия из Мюнзингена до Нюренберга должна была следовать походным маршем, но с тем, чтобы по прибытии в Нюренберг, погрузилась бы в железнодорожные эшелоны для дальнейшей перевозке в район Франкфурта на Одере.

Уступки, на которые Германское командование согласилось по настоянию генерала Власова, дали возможность дивизии сохранить свою боевую способность, а может быть и свое существование

Седьмого марта генерал Власов отдал приказ о выступлении дивизии походным порядком в направлении на Нюренберг. Выступление было назначено в ночь с 8-го на 9-е марта 1945 года.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

I

С наступлением темноты, 8-го марта части дивизии, тремя паралельными колоннами, пешим маршем выступили из Мюнзингена.

В целях маскировки от авиации, марш производился ночью и с таким расчётом, чтобы к наступлению рассвета части дивизии были бы уже на местах, предназначенных для отдыха.

Расчёт движения был произведён таким образом, чтобы двигаться в среднем по 40 километров в ночь, делая большие остановки на отдых по 36 часов через каждые 2-3 перехода. Рассчитывалось, в течение двух недель достигнуть города Нюренберга, до которого было свыше 300 километров.

Маршрут движения был назначен через Ульм, Донауверт, Тройхтлинген, Вайсенбург, Нюренберг. Погрузка в железнодорожные эшелоны назначалась на станциях Эрланген и Форхгайм, в 20-30 километрах севернее Нюренберга.

Дивизия была очень ограниченно снабжена бензином. В силу этого обстоятельства весь автомобильный транспорт и артиллерийские тягачи, а также часть боевого имущества были отправлены из Мюнзикгена по железной дороге. Бензин распределялся только для легковых автомобилей командиров полков и дивизии, а также для мотоциклистов связи.

Так как обозы состояли из конного транспорта, недостаток бензина не явился особым препятствием для того, чтобы взять с собой всё необходимое, а особенно боевые припасы, имевшиеся в дивизии в достаточном количестве.

Пока дивизия была на марше, она была в руках своего командования и не теряла боеспособности. Как думали немцы поступить с дивизией в дальнейшем, после её погрузки в железнодорожные эшелоны, трудно сказать. Хотели ли они после этого дать возможность собраться дивизии или нет – неизвестно!

В небе над колонами дивизии то и дело появлялись немецкие воздушные патрули. На всём протяжении пути дивизии, на перекрёстках дорог, стояли немецкие полицейские пикеты. На их обязанности лежало наблюдение за движением частей дивизии, строго по установленным дорогам и не-

медленное оповещение в случае отклонения от намеченного маршрута.

В частях дивизии поддерживалась высокая дисциплина. Командиры требовали от своих солдат и офицеров самого вежливого обращения с местным населением и особой корректности во взаимоотношениях с местными органами власти. Нельзя было подавать немцам повода для обвинения дивизии или отдельных её солдат и офицеров в каких-либо нарушениях и проступках. Размещение частей дивизии на дневной отдых в населённых пунктах всегда согласовывалось с бургомистрами и при их участии занимались дома. После ухода частей от бургомистра получались письменные свидетельства об отсутствии жалоб и претензий к власовским частям со стороны местного населения. Все эти документы направлялись в штаб дивизии для передачи немецкому офицеру связи. Эта формальность способствовала оценке высокой дисциплинированности дивизии немецким командованием, рассеивались опасения о возможности возникновения конфликтов по пути.

Власовских солдат и офицеров поражало радушное отношение со стороны местных жителей и гостеприимство. Расквартированные у немецких крестьян бойцы совершенно безвозмездно получали настолько хорошее и обильное питание, что нередко отказывались от приготовленной в ротных походных кухнях пищи. Следует отметить, что в эго время питание дивизии вообще было очень хорошим, так как кроме положенных норм продуктов имелась возможность закупать у крестьян скот и овощи для улучшения питания. Несмотря на утомительные пешие ночные марши, за две недели солдаты заметно физически поправились и чувствовали себя очень бодро. Особенно окреп конский состав, который при выступлении дивизии из Мюнзингена, из за недостатка фуража находился всё ещё в истощённом состоянии. В частях принимались меры к тому, чтобы использовать благоприятные условия для повышенного питания и создания запасов продовольствия на будущее, предвидя предстоящее большое напряжение физических и моральных сил бойцов.

По пути движения попадались лагери остовских рабочих, в которых жили насильно выведенные из Советского Союза люди в тяжёлых условиях.

По ходатайству генерала Власова при поддержке немецкого командования, дивизия получила право проверки условий жизни и труда «остовцев» в этих лагерях. При установлении фактов издевательства и жестокостей со стороны немецкой лагерной администрации по отношению к «остов-

цам» через местные партийные органы и военные комендатуры принимали меры для недопущения в дальнейшем плохого отношения к этим рабочим. Виновные в плохом отношении к «остовцам» привлекались к ответственности и даже снимались с работы здесь же, в присутствии власовских офицеров. При этих проверках было установлено, что побои и вообще грубое отношение со стороны немцев за последнее время резко сократилось, хотя местами ещё имело место. Власовские солдаты и офицеры повсеместно общались с остовскими рабочими. Они ке могли не видеть всё ещё продолжающихся тяжёлых условий, в которых приходилось работать и жить их соотечественникам. Всё это воскрешало в памяти власовцев всё то, что было пережито ими самими в недавнем прошлом в немецких лагерях военнопленных. Особенно тяжёлое впечатление произвел один возмутительный случай по пути движения дивизии.

15-го марта, недалеко от города Тройхтликген навстречу движущейся колонне одного из полков дивизии ехал на велосипеде немецкий полицейский. К его поясу была привязана длинная верёвка с петлёй, которая была затянута на шее женщины со связанными руками. Она еле успевала бежать за велосипедом. Изнемогая от усталости, женщина спотыкаясь бежала и выкрикивала что то на ломанном немецком языке. В этой женщине можно было сразу узнать остовскую рабочую. Поровнявшись с головой колонны полка, полицейский, увидя, что идут власовские войска, поспешно пытался свернуть с большой дороги в сторону, ускоряя ход велосипеда, желая избежать неприятной встречи.

Власовские солдаты были возмущены поступком полицейского. Колонка остановилась, и офицеры задержали полицейского, требуя освобождения арестованной женщины. Полицейский держал себя надменно и не желал давать объяснений своему поступку. Вокруг него образовалась толпа власовцев. Солдаты шумели и угрожали расправой. Желая подействовать на толпу, полицейский вынул пистолет. Его обезоружили. Женщину освободили и в обозе увезли с полком.

Это была украинка из под Днепропетровска, насильно вывезенная немцами в 1942 году на работу в Германию. Она работала у одного немецкого крестьянина, который жестоко обращался с ней, плохо кормил и нередко бил её. Во время воздушных тревог вся семья крестьянина уходила в убежище, дом запирался, а в нём запиралась и эта несчастная женщина для того, чтобы наблюдать за целостью имущества и оставшимся скотом.

Более двух лет прожила эта белая рабыня в таких условиях. Наконец, не имея больше сил терпеть издевательства, она решила бежать. Уйдя за 25 километров от своего места, она устроилась у другого крестьянина в соседнем районе. Своему новому хозяину бежавшая рассказала всю правду. Он пожалел её и оставил у себя.

Прошло несколько месяцев. Старый хозяин, .узнав о местопребывании своей бежавшей работницы, через полицию потребовал её возвращения.

Как ни отстаивал ее новый хозяин, оказавшийся хорошим человеком, ничего не помогло. Беглянку арестовали, привезли в полицию и в течение трёх суток, голодную, продержали в камере, а теперь полицейский сопровождал её со связанными руками и петлёй на шее, к старому хозяину. Счастливая случайность встречи с власовцами помогла этой женщине навсегда избавиться от нацистского рабства... Можно себе представить, какие чувства вызвал этот случай в сердцах власовцев, идущих на фронт.

По пути движения командованию приходилось неоднократно предотвращать и сглаживать столкновения между власовцами с одной стороны, полицией и местными властями с другой. При этом, в тех случаях, когда эксцессы вызывались немцами, командованию приходилось через военные власти настаивать на наказании виновных немецких чиновников. Приходилось строго следить, чтобы со стороны власовцев не вызывались бы конфликты, иначе могли бы происходить крупные столкновения. Ненависть к нацизму оставалась, и она безрассудно, порою несправедливо, переносилась на всех немцев. Но эти злые чувства мгновенно исчезали при добрых контактах с местными жителями. Обмен мыслями, переживаниями, чаяниями, во многих случаях знания немецкого языка, способствовали установлению тёплых дружелюбных отношений между населением и власовцами. Солдаты играли с немецкими детьми, дарили им из своих скудных возможностей гостинцы, мысленно переносясь в свои родные дома, к своим семьям. Немцы со своей стороны выражали сочувствие власовским солдатам и нередко говорили о безнадёжности войны и о порочности нацизма. Расставались после короткого знакомства дружески... Но наряду с этим малейший конфликт с новой силой возбуждал взаимную ярую ненависть ...

К частям дивизии по пути следования приставало большое количество бежавших из лагерей военнопленных и остовских рабочих. В большом количестве приходили также и русские солдаты, бежавшие из немецких частей, которые были рас-

положены вблизи движения дивизии. Они прибывали одиночками и даже группами, часто принося с собой своё оружие.

Командование дивизии не могло отказывать в приёме этим людям. На требования немцев о возвращении самовольно ушедших, давались уклончивые ответы. В большинстве же случаев сами немцы не настаивали на своих требованиях или просто оставляли эти случаи, как бы незамеченными. По несколько сот таких «добровольцев» следовало за каждым полком. По мере дальнейшего движения количество их беспрестанно увеличивалось. Наконец, нелегально приставших к дивизии людей оказалось так много, а их движение за частями стало настолько заметным, что пришлось принимать меры к тому, чтобы скрывать их от немецких властей. Все имевшиеся в дивизии запасы обмундирования были розданы, приставших зачисляли в части дивизии и их сводили в особые команды, назначая к ним офицеров. С течением времени это стихийное пополнение из беглецов приняло настолько большие размеры, что дивизия была уже не в состоянии кормить такое множество сверхштатных людей. Тогда все они были изъяты из полков и направлены в учебный батальон, который в связи с этим пришлось развернуть в полк пятибатальонного состава, насчитывающий уже около 5 000 человек. Вооружить этот запасный полк не представлялось возможным из за недостатка оружия. Немцы же отказывали в выдаче оружия, считая создание этого полка незаконным, хотя продовольствием всё же обеспечивали.

В район погрузки в железнодорожные эшелоны на станции Эрланген и Форхгайм дивизия прибыла 22 марта и в течение двух суток грузилась. Штабом дивизии были составлены планы погрузки частей, строго соблюдая организацию, подчиненность, обеспечение связи и взаимодействия во время движения. Были также составлены планы на случай возникновения боевых действий в пути.

Командир дивизии и командиры полков следовали на своих автомобилях и поддерживали беспрерывную связь со своими частями, ехавшими по железной дороге.

В пути никаких эксцессов не произошло.

II

26-го марта последний эшелон дивизии прибыл на станцию Либерозе, в 25-ти километрах севернее Коттбуса и в 30 километрах от передовой линии фронта, которая проходила по рекам Одер и Нисса. Расположившись в лесах, дивизия приво-

дила себя в порядок, ожидая дальнейших распоряжений.

На следующий день командир дивизии генерал Буняченко получил от командующего группой армий «Север», генерал-полковника Вейсе, приказ о том, что дивизия поступает в распоряжение командующего 9-й немецкой армией, удерживавшей оборону на этом участке фронта. Командующий 9-й армией, генерал от инфантерии Буссе, дал приказ о подготовке второй линии обороны, в 10-12 километрах от передовых немецких позиций.

Это ещё не означало введения дивизии в бой, но казалось очевидным намерение использовать дивизию в составе 9-й немецкой армии. Вновь возникало опасение, что части Освободительной Армии не будут сведены под командование генерала Власова. Дивизия перешла в отведенный ей район обороны и приступила к инженерному оборудованию своих предполагаемых позиций. Штаб дивизии расположился в деревне Гросс-Мукров, а полки готовили оборону по линии реки Штаубе, между Рейхскрейц и Мюльрозе, юго-западнее Фракфурта на Одере.

Тем временем генерал Буняченко вёл переговоры с командующим 9-й немецкой армии. Он добивался ответа на три главных вопроса, которые особенно волновали дивизию:

Первый – Придут ли, и когда другие русские части?

Второй – Будет ли дивизия действовать под командованием генерала Власова?

Третий – Как следует понимать подчинение дивизии 9-й немецкой армии и получек ие задачи о подготовке второй линии обороны?

Командующий армией генерал Буссе на это ответил, что Вторая дивизия и казачьи дивизии стягиваются в этот же район и уже находятся в пути, что генерал Власов примет общее командование по прибытии всех этих войск. Ну, а что касается занятия дивизией обороны, то это требуется в связи с близостью фронта и возможностью прорыва советских войск и, кроме того, это необходимо для прикрытия сосредоточения прибывающих сюда русских войск под командованием генерала Власова. Подчинение же дивизии 9-й армии сделано для удобства снабжения и временного оперативного руководства, на случай возникновения непредвиденных осложнений на фронте.

Нельзя было не согласиться с логичными доводами командующего, тем более, что имелись сведения, что Вторая дивизия, запасная бригада, офицерская школа, авиационная бригада (без самолётов) и штаб Освободительной Армии – вышли с мест своих формирований и действительно

Дабендорф – генерал-майор Трухин.

находятся в пути как будто бы для соединения с Первой дивизией. Доходили кое-какие слухи о том, что якобы казачьи части также где-то двигаются с юга также для присоединения.

Но становилось известным также и другое: во многих местах начали разоружаться добровольческие части, находившиеся в немецких войсках, а разоруженных солдат и офицеров водворяют за проволоку в лагеря военнопленных. Кое-кому удалось бежать и они, с трудом добравшись до Первой дивизии, рассказывали о происходящем. Начали приходить в дивизию люди и из некоторых казачьих частей, подтверждавшие, что в некоторых местах разоружаются и казаки. Обстановка складывалась так, что Первая дивизия должна была быть настороже и готовой ко всяким неожиданностям.

В течение нескольких дней части дивизии окапывались, подготавливая оборонительные позиции в лесных условиях местности. С частями немецких войск, занимавшими передовую линию обороны, были установлены тесные, поистине добрососедские фронтовые отношения.

Командиры полков, вместе с командирами своих подразделений, ежедневно выезжали на передний край немецкой обороны для изучения советских позиций. Специальные офицерские посты наблюдения за передним краем обороны советских войск были установлены от всех полков дивизии. Высылалась разведка, и производились совместные с немцами ночные поиски.

Разведчики проникали на правый берег реки Одер, в расположение советской обороны. Линии передового края обороны немецких и советских войск местами проходили в 20-25 метрах друг перед другом. Хорошо были слышны голоса, ясно можно было различать лица неосторожно высунувшихся из окопов солдат. Но вот уже несколько недель не было произведено ни одного выстрела ни с той, ни с другой стороны.

8-го апреля небольшая разведывательная группа, состоящая из немецких солдат и солдат Первой дивизии, посланная в ночной поиск в расположение советской обороны, захватила и привела с собой пленного советского солдата. Этот солдат был доставлен во второй полк дивизии. Он имел очень плохой вид – был одет в ветхое, грязное обмундирование, в стоптанные, рваные ботинки с обмотками и заплатанную истёртую шинель. Он был растерян и перепуган внезапным пленением.

Когда его привели в полк, ему была дана возможность совершенно свободно беседовать с солдатами. Он встретил в них самое тёплое и дружеское к себе отношение. Пленного поразила та про-

стота в обращении и забота, которые ему были оказаны. Первые минуты опасения и смущения у него быстро исчезли, и он рассказывал о себе совершенно откровенно, не стесняясь выражать свои самые затаенные мысли...

Сам он – крестьянин-колхозник Иваново-Вознесенской области, 44-х лет, член коммунистической партии с 1930 года. В советскую армию он был призван с началом войны и с 1943 года беспрерывно находился на фронте. На родине у него осталась жена и двое детей.

При встрече с командиром полка он говорил:

«. .. Надоело воевать, товарищ полковник, намучились все. Думалось, скорее бы справиться с немцами да и по домам, да и не долго, кажется, до этого осталось, да вот надо же было в плен попасть... Пробирался я сегодня ночью с поста боевого охранения к реке за водой. Вдруг на меня набросились в темноте, разоружили и стали руки скручивать. Я вырвался, а один ударил меня прикладом и чего-то бормочет непонятное на немецком языке. У меня о глазах потемнело, чуть было не свалился с ног. Смотрю, другой заступается, оттолкнул первого, да как покроет его матом... Я так и опешил, что такое? – В немецкой форме, а меня защищает и по-русски ругается. А тот чего-то лопочет по-своему – не поймёшь. Мой заступник подходит ко мне да и говорит тихим голосом по-нашему: «Ну, браток, пойдём, да смотри не кричи, а то не посмотрю, что свой – русский, ей Богу штыком пропорю»... Поначалу страшно было, думал, что непременно убьют ... Повели ... Ведут немцы и русские. Это я по разговору определяю, а форма у всех немецкая. Что такое, думаю, за наваждение, уж не наши ли переоделись, может испытывают мою преданность, проверяют, как сдаваться в плен буду? Не знаю, что подумать, а спросить боюсь, сомнение берёт. А главное то, что всё это на нашей стороне происходит, только бы крикнуть, свои ведь рядом в окопах сидят. Растерялся, не знал, что и делать. Через реку на лодке повезли, с нашей стороны стрелять начали. Плывём... Вижу, прямо к немцам направляемся – и боязно, и от сердца как-то отлегло, значит подвоха нет, натурально, в плен попал. Но вдруг опять страх взял – расстреляют... Реку переплыли, по окопам повели, кругом все немцы, я робеть пуще прежнего стал. А как к вам в полк попал – ничего не разберу. Путаница какая то в моей голове получилась – будто бы враги, а всё свои, русские, и ребята такие хорошие – накормили, папирос дали, поговорили по душам... Чудеса!.. Ну, а тот, который за меня заступился, когда меня в плен брали, хороший оказался парень, весёлый такой, мой

земляк... Мы с ним уже сильно подружились...»

Пленный достал ветхий клеенчатый бумажник, вынул из кармана гимнастёрки красную книжечку – партийный билет и положил их перед командиром полка. В бумажнике были: солдатская книжка, несколько каких то квитанций и пожелтевшие от времени фотографии жены, детей...

Командир полка просмотрел все это и вернул обратно. – «Это оставь у себя на память...»

После продолжительной беседы с пленным, командир полка сказал ему: «Можешь быть спокоен. Ты попал к нам, русским, и ничего плохого тебе не будет сделано. Хочешь, оставайся с нами, а не хочешь – я отпущу тебя и через реку на ту сторону переправлю, пойдёшь к своим и никто знать не будет, что в плену был».

Пленный насторожился, испуганно посмотрел на командира полка: «Что вы! Разве можно? Они всё равно узнают, а тогда я пропал... Если будет ваша милость, оставьте меня у себя. У вас, как я посмотрел, очень хорошо, а, главное, все свои, русские. Буду у вас в обозе лошадей погонять, хоть отдохну малость ...»

«Значит, добровольцем хочешь в Освободительную Армию? А большевиков бить будешь?» – спросил командир полка.

«Если бы большевиков..., а то ведь своего брата русского убивать надо, такого же, как я сам... Нет, но буду!..»

«Да, ты прав, тяжело воевать против своих, но ведь борьба не может быть без жертв, в борьбе погибают тысячи во имя спасения миллионов. Жертвы, на которые мы сознательно идём, будут неизмеримо меньшими, чем те, которые коммунистический режим уже десятилетия обрекает наш народ для достижения чуждых народу целей коммунизма... Ну, а если бы не надо было бить своих, пошёл бы ты против коммунизма?»

«Ну да, пошёл бы!» – оживлённо ответил пленный и, задумавшись, тяжело вздохнув, продолжал:

«Уж очень они нам тяжёлую жизнь сделали...»

Командир полка рассмеялся: «Так ведь ты же сам коммунист и в партии уже 15 лет состоишь?!»

Пленный безнадёжно махнул рукой, как-то криво усмехнулся и, ничего не ответив, опустил голову...

Он был оставлен в полку обозником, добросовестно нёс службу и не отставал от полка почти до самого конца существования дивизии.

Несколько позднее, когда Первая дивизия была на марше, командир полка в походной колонне увидел своего пленного, на обозной повозке, с винтовкой за спиной и с гранатами за поясом. Он

был уже одет в немецкую форму со значком Русской Освободительной Армии на рукаве.

«Здорово, коммунист!» – шутя обратился к нему командир полка: «Что это ты нарядился да гранатами обвешался, или воевать собрался?»

«Здравствуйте, господин полковник!» – весело и бодро ответил тот, – «Да вот ребята сказывают, что от немцев обороняться будем, ну и приготовился...»

А потом с озабоченным видом, пониженным голосом спросил: – «Что же это получается с нами дальше? Наши-то смотри, как прут – конец, видно, приходит... А жалко, хорошее вы дело затеяли... Как бы вот только мне генерала Власова повидать?..»

А ещё позднее, когда положение дивизии было уже совершенно безнадёжным, и очевидным был скорый конец её существования, он сам пришёл к командиру полка и с виноватым видом сказал;

«Простите, господин полковник, хочу, чтобы по-хорошему, по-честному было: другой дороги нет, пойду обратно – туда... Авось не допытаются, что был у вас. Спасибо за всё, никогда в жизни не забуду того, что видел. Прямо, как сон приснился, до сих пор не верится, что все это наяву происходило. Прощайте, не осудите... Войне конец – пойду. Ведь там у меня жена, дети дома остались ... – говорил он смущённо, как бы оправдываясь. – Жаль только, что рассказывать нельзя будет никому, чего у вас насмотрелся – ни за что не поверят, да и арестуют, непременно посадят, если допытаются, что было со мной».

И он ушёл... «к своим», огорчённый, с тревогой и опасениями ...

Много будет думать по-новому этот член коммунистической партии солдат Красной армии, простой русский крестьянин ...

Дни проходили спокойно, боёв не происходило, части дивизии были заняты работой на окопах.

К этому времени обстановка для Германии на всех фронтах всё более и более осложнялась. На западе англо-американские войска успешно продвигались вперёд. Бои проходили под Берлином. В Рурском бассейне сопротивление немцев уже приближалось к концу. Третья американская армия уже вошла в Баварию.

С востока Красная армия также подходила к Берлину, но на том участке фронта, где находилась Первая дивизия, было затишье уже около двух месяцев.

Советская оборона проходила по правому берегу реки Одер. Лишь в одном месте, южнее города Франкфурга, там, где излучина реки, обращенная своей дугой на восток, имела 8-10 километров в

основании и до 3-4 километров в выступе, левый берег был занят советской армией. В этой части реки уже на немецком берегу, было создано советское предмостное укрепление. В тактическом отношении это советское предмостное укрепление имело важное значение. Под его прикрытием, на этом участке советские войска могли успешно Б любое время произвести форсирование реки.

В течение февраля немцы вели упорные бои за эту излучину, но не могли выбить советские части и откинуть их на правый берег Одера. После понесенных больших потерь, не добившись никакого результата, немцы вынуждены были прекратить бои в связи с начавшимся половодьем. Весенний разлив Одера образовал перед предмостным советским укреплением водную преграду, достигавшую местами более двух метров глубины. Эта водная преграда служила хорошим прикрытием и совершенно исключала возможность фронтального наступления со стороны немцев. Фланги же советских боевых позиций были прикрыты руслом реки Одер. Весеннее половодье и было причиной приостановления боевых действий с обеих сторон до спадания воды.

Части Красной армии готовились в скором времени к дальнейшему наступлению на этом участке фронта. И не было сомнения, что именно здесь должно было быть направление главного удара советских войск и форсирование Одера.

III

6-го апреля генерал Буняченко получил от командующего 9-й немецкой армии приказ о подготовке дивизии к наступлению на предместное укрепление с задачей отбросить в этом месте советские войска на правый берег Одера.

Немецкое командование решило возложить на Первую дивизию ту задачу, которая в продолжительных, напряжённых боях не могла быть выполнена силами немецких частей при более благоприятных условиях, когда не было ещё разлива и когда части советской армии ещё не успели здесь достаточно укрепиться. Генерал Буняченко был против такого приказа. Он опять заявил, что его дивизия находится в подчинении генерала Власова и напомнил командующему о его недавнем заявлении по поводу подчинённости и боевого использования дивизии. Приказ о введении Первой дивизии в бой генерал Буняченко считал незаконным и противоречащим распоряжениям ставки немецкого главнокомандования и генерала Власова.

Между командующим 9-й армией генералом Буссе и командиром Первой дивизии генералом

Буняченко произошёл крупный разговор по этому поводу. Генерал Буссе спросил генерала Буняченко: «Что же вы думаете, что ваша дивизия будет здесь сидеть и ничего не делать в ожидании прибытия других власовских войск? А если они вовсе не прибудут, то вы и воевать не намерены?»

Генерал Буняченко ответил: «От германского командования зависит, прибудут ли русские части или не прибудут, а от генерала Власова зависит, будет ли воевать Первая дивизия или нет!» И тут же, в категорической форме заявил, что помимо генерала Власова он никаких боевых приказов ни от кого принимать не намерен.

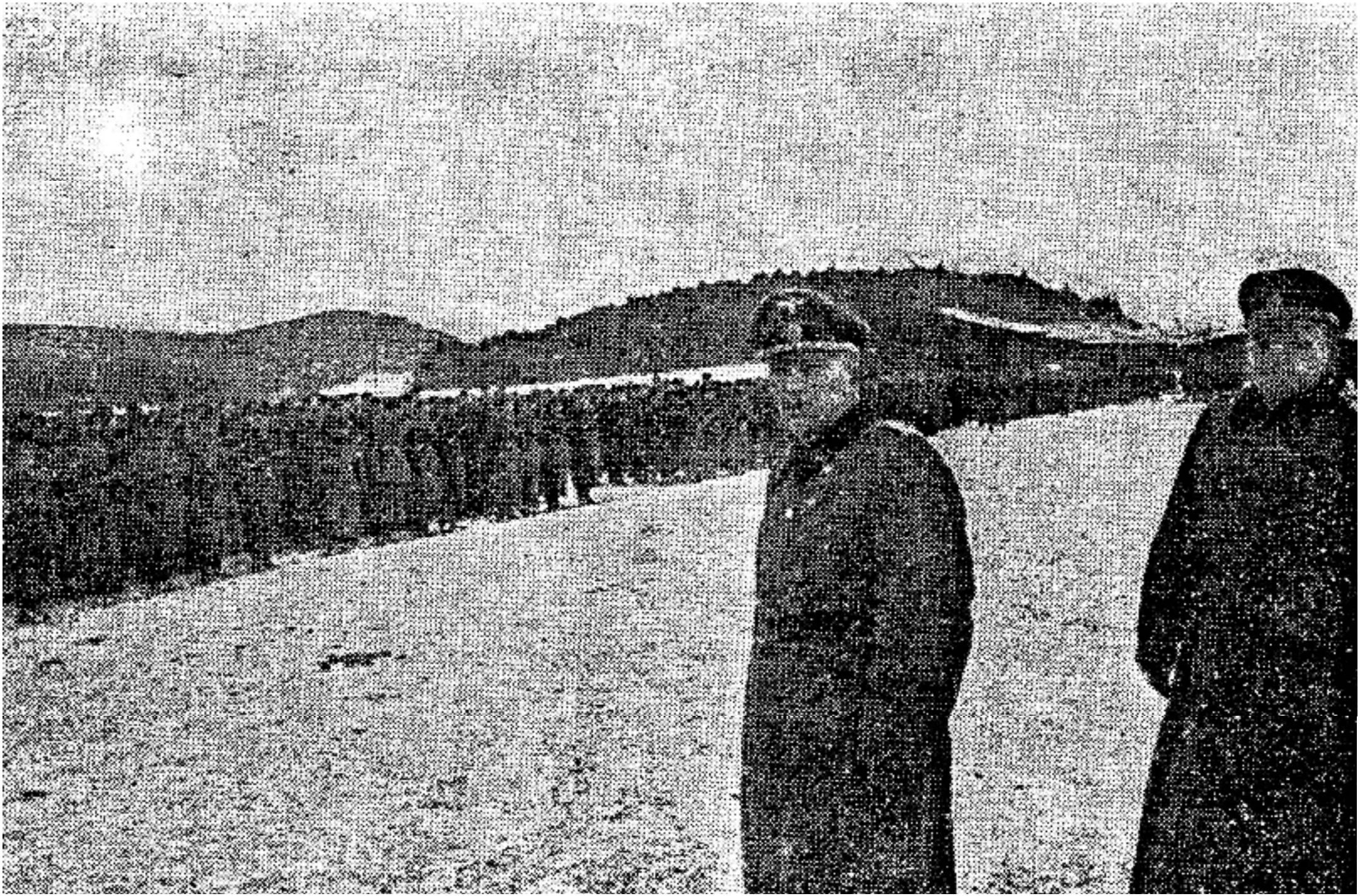
На другой день в дивизию приехал генерал Власов и, как всегда, в сопровождении группы немецких офицеров. Было такое впечатление, как будто бы генерал Власов только накануне, перед выездом в дивизию, узнал о предполагаемом использовании Первой дивизии в боевой операции на Одере.

Генерал Власов подтвердил приказ командующего 9-й армии. Со дня на день ожидался подход других русских частей, идущих под его командование и до их прихода Власов решил идти на уступки. Пробыв в дивизии два дня, генерал Власов уехал.

План проведения боя было поручено составить генералу Буняченко. Условия для боевых действий Первой дивизии были весьма неблагоприятны. Наступление с фронта и возможность каких-либо маневрирований были исключены из-за разлива. Единственная возможность наступления была только с флангов предмостного укрепления, в узком пространстве между Одером и берегом разлива, вдоль линии советской обороны. Это узкое пространство постепенно расширялось при продвижении в глубину предмостного укрепления. С исходного положения, для наступления, могла развернуться только одна рота, упираясь своими флангами в берега, и только (при очень сомнительном успехе) по мере дальнейшего продвижения ширина фронта наступления могла стать доступной для батальона. Наступление должно было проходить вдоль реки Одер, подставляя свой фронт и фланг под ближний огонь советской стороны. В течение двух последних месяцев затишья оборона советского предмостного укрепления была хорошо оборудована.

Приказ, подтверждённый генералом Власовым, надо было выполнять!

Составленный генералом Буняченко план боя обсуждался в присутствии немецкого командования и командиров полков Первой дивизии.



Командир 1 Дивизии Р.О.А. генерал-майор С.К.Буняченко и начальник штаба п/полковник Николаев

Перед докладом о плане боя, генерал Буняченко *л* своем вступительном слове сказал, что условия, в которых придётся вести бой, весьма неблагоприятны для наступления и, наоборот, весьма благоприятны для обороняющихся советских частей и что он очень сомневается в успехе наступления. Генерал Буняченко сказал, что он вынужден предпринять наступление в силу полученного от генерала Власова приказа. Главным вопросом генерал Буняченко поставил полное обеспечение его заявки на огневую поддержку артиллерией и поддержку с воздуха в том объёме, в каком он это предусматривал в своём плане боя. План боя здесь же был одобрен командованием 9-й армии и утверждён. Наступление было назначено на 05.00 часов 11-го апреля.

Интересно отметить то обстоятельство, что немецкое командование отказало дивизии в выдаче боеприпасов для проведения этой боевой операции. Немцы потребовали использовать имеющиеся в дивизии запасы, обещая впоследствии их пополнить. Генерал Буняченко согласился на это требование. Надо сказать, что в действительности в Первой дивизии боеприпасов было более, чем требовалось, но в штаб 9-й армии умышленно были даны неправильные сведения, сократив в них количество имеющихся боеприпасов более, чем в два раза.

Остаток дня прошел в подготовке к бою. Дивизионная и полковая артиллерия занимала огневые позиции и проводила пристрелку, пехота сосредотачивалась на исходных позициях для наступления.

Немецкие части, находящиеся в обороне, очень неспокойно провели ночь накануне боя – впереди их находились вражеские окопы, где сидели русские солдаты Красной армии, а сзади – расположились в исходном положении для наступления тоже русские солдаты Первой власовской дивизии. В ближайшем немецком тылу стояли не участвовавшие в бою полки Первой дивизии, также полностью готовые к боевым действиям.

Чтобы опознавать ночью друг друга, между власовскими и немецкими частями был установлен пароль: «Гейль Власов!», которым пользовались, как немецкие, так и русские солдаты при встрече друг с другом. Злая ирония судьбы – повсюду в эту ночь на окрик часовых – «Стой! Кто идёт?» – немецкие и русские солдаты и офицеры отвечали «Гейль Власов!»...

С севера, со стороны Франкфурта должны были наступать на предмостное укрепление подразделения второго полка, а с юга, то стороны Фюр-

стенберга . – подразделения третьего полка. Первый полк находился в резерве, остальные же части дивизии, в полной боевой готовности, стояли в своих районах на подготовленной второй линии обороны и в боевой операции не участвовали. Для проведения этого боя совершенно не было необходимости держать всю дивизию в таком боевом напряжении. Но психоз, которым было одержимо командование дивизии о враждебных намерениях немцев, всегда заставлял думать, что обстановка требовала принимать предельные меры предосторожности.

В 4 часа 45 минут 11-го апреля артиллерия открыла огонь по предмостному укреплению, а в 5.00 с севера и юга развёрнутые в боевые порядки роты пошли в наступление в узкой воронке, по едва возможной для прохождения заболоченной местности.

Для советских войск это наступление было совершенно неожиданным, несмотря даже на произведённую накануне артиллерийскую пристрелку и короткую, пятнадцатиминутную артиллерийскую подготовку наступления. Это было естественно, так как советское командование не могло допустить, что немцы могли бы предпринять столь безрассудное наступление при тех условиях, в каких находились обе стороны. В сущности, эта операция была бессмысленна, и казалось, что она была намеренно обречена немцами на неудачу.

Советская оборона не проявила никакого упорства. Встревоженные и обескураженные первыми же выстрелами артиллерийского обстрела советские солдаты организованно отходили со своих позиций в хорошо оборудованные укрытия, почти не оказывая сопротивления наступающим. Зато пулемётный огонь с флангов пронизывал всю линию наступления с близкой дистанции почти в упор. Кроме того, советские миномёты интенсивно дополняли огонь пулемётов. Это огневое заграждение было настолько сильным, что продвигаться вперёд не было возможности.

В воздухе появилась немецкая «авиация», которая должна была поддержать наступление. Пять самолётов устаревших типов, с немецкими лётчиками и наскоро нарисованными эмблемами Русской Освободительной Армии на крыльях и фюзеляжах, появились над районом боя на небольшой высоте, сделали несколько разворотов и, сбросив небольшое количество мелких бомб, вернулись обратно.

Продолжать наступление было невозможно. Продвинувшись на несколько сот метров, наступающие роты залегли и зарылись в землю. При каждой новой попытке продолжать движение

огонь с советской стороны возобновлялся с новой силой.

Командиры полков, от которых производилось наступление, выехали со своих командных пунктов в наступающие подразделения для личного ознакомления на место боя. Картина была ясна: полоса местности, назначенная для наступления, была мясорубкой. Можно было продолжать попытки двигаться вперёд и бесцельно гибнуть под шквалом огня, обороняющихся, Можно было бросать в эту мясорубку роту за ротой, батальон за батальоном, но добиться успеха наступления в тех условиях было немыслимо. Казалось, что эта операция была предпринята немцами, чтобы обескровить дивизию, лишить её боеприпасов, и тем самым лишить боеспособности. Казалось, что может быть даже по приказу Гиммлера немецкое командование поступает так для того, чтобы устранить угрозу со стороны непокорной и неблагонадёжной Первой дивизии, из опасения возможного активного выступления дивизии против немецких войск.

По докладу командиров полков о безнадёжности наступления генерал Буняченко приказал остановить наступление и прекратить попытки к дальнейшему продвижению. Доложив командующему 9-й армией обстановку, генерал Буняченко получил лаконичный приказ – «Наступление продолжать!

Выбить противника из предмостного укрепления и во что бы то ни стало занять оборону по левому берегу излучины Одера!» Приказ заканчивался: «Вы сменяете немецкие части, стоящие в обороне на этом участке фронта!»...

Никаких разговоров о создавшейся обстановке и об условиях, в которых происходил бой, командующий 9-й армией генерал Буссе продолжать не пожелал. «Приказ есть приказ!..», «Приказ должен быть выполнен безоговорочно и точно!..»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ВЫХОД ИЗ ПОДЧИНЕНИЯ НЕМЕЦКОГО КОМАНДОВАНИЯ

I

Для командования Первой дивизии настал особенно ответственный момент. Откладывать решения уже было невозможно. Чтобы сохранить дивизию, надо было действовать, не останавливаясь ни перед чем. Рассчитывать было уже не на что и не возможно было поддержать даже внешне хорошие отношения с немцами. Всё зависело от быстроты решения и смелости действий.

После безуспешной попытки убедить командующего 9-й армией генерала Буссе в невозможности успешного наступления, генерал Буняченко вызвал к себе командиров полков и объявил им свое решение об открытом выходе из подчинения немецкому командованию. Он отдал приказ вывести полки из боя, предупредив об этом немецкие части, стоявшие в обороне.

Солдаты и офицеры немецких частей с недоумением смотрели на отходящие русские полки, не понимая, что происходит, так как приказ о смене их власовской дивизией им был уже объявлен. Наступившая темнота дала возможность отвести части, участвовавшие в бою, незаметно для советских войск.

Генерал Буссе был ошеломлён действиями дивизии. Он не мог допустить такого грубого нарушения своего боевого приказа и столь дерзкого неповиновения со стороны генерала Буняченко, а поэтому и не был готов к противодействию. Возможно, что он просто не решился на крайние меры.

Выведенные из боя полки, несмотря на усталость, совершив ночной марш, ещё до наступления рассвета прибыли в районы, где стояли до боя. Дивизия опять была вместе и опять представляла собой крепкий кулак.

В течение этой ночи генерал Буссе несколько раз вызывал генерала Буняченко к себе в штаб, но Буняченко всякий раз под различными предлогами уклонялся не только от поездки, но даже от личного разговора с представителями штаба 9-й армии. Наутро генерал Буссе категорически потребовал от генерала Буняченко объяснения его поступкам. Генерал Буняченко вновь, уже в который раз, заявил, что приказы, исходящие от командующего 9-й армией, резко противоречат не только приказу генерала Власова, но и задачам и назначению Первой дивизии. Генерал Буняченко

заявил, что никаких приказов помимо генерала Власова, он принимать не будет. В отсутствии же генерала Власова он будет принимать самостоятельные решения, в зависимости от создавшейся обстановки!..

Через некоторое время к генералу Буняченко опять приехал представитель штаба 9-й армии и сообщил, что командующий требует, чтобы он немедленно явился к нему. Он предлагал облагоразумиться и выполнять приказы. Представитель штаба от имени генерала Буссе предупредил генерала Буняченко, что в случае дальнейшего неповиновения, он – генерал Буняченко и генерал Власов будут расстреляны... Эта угроза только разжигала страсти и толкала на самые отчаянные решения. Генерал Буняченко тотчас же принят меры, чтобы связаться с генералом Власовым, но его местонахождение не было известно. Поэтому в места предполагаемого нахождения генерала Власова в разные направления были высланы офицеры на автомобилях с небольшими группами охраны.

В дивизии продовольствия оставалось только ещё на два дня. Когда же на следующий день транспорт дивизии прибыл на армейскую базу за продовольствием, в выдаче было отказано. Начальник тыла дивизии подполковник Герасимчук лично поехал в штаб 9-й армии для выяснения вопроса о снабжении. Ему было объявлено, что дивизия больше не будет получать ни продовольствия, ни фуража, ни бензина, ни боеприпасов. Когда же подполковник Герасимчук попытался обратиться к командующему армией, го ему было сказано, что для этого должен приехать сам генерал Буняченко.

Положение становилось критическим. Единственное, в чём дивизия совершенно не испытывала недостатка это были боеприпасы. Их было достаточно. Необходимо было во что бы то ни стало добиться снабжения дивизии, но согласиться на требования генерала Буссе считалось невозможным. Генерал Буняченко опять созвал командиров полков и информировал их о создавшейся обстановке. Здесь же совместно был выработан план дальнейших действий дивизии, он заключался в следующем:

– Предупредить немецкое командование, что в случае, если в течение двух суток в дивизию не приедет генерал Власов, то она выступит на юг навстречу с другими частями Русской Освободительной Армии. В случае, если со стороны немецких войск будут оказываться препятствия, то дивизия будет пробиваться с боями.

– Просить командующего 9-й армией немедленно дать приказ о снабжении дивизии всем необхо-

димым и предупредить, что в противном случае дивизия будет с применением силы снабжаться из немецких складов. При этом сообщить генералу Буссе, что дивизия не нуждается в боеприпасах.

– Немедленно связаться со Второй дивизией генерала Зверева, Запасной бригадой, Офицерской школой и другими русскими частями, которые шли с юга для соединения с Первой дивизией.

У командиров полков; присутствующих на этом совещании была полная уверенность в своих силах и решительности. Обсудив мероприятия, в связи с создавшейся обстановкой, командиры разъехались по своим частям. В полках готовились к выступлению. Подъём духа у солдат и офицеров необыкновенно возрос, ни у кого не было сомнений в правильности принятого решения.

Частям дивизии было объявлено о выходе из подчинения германскому командованию. Все были предупреждены о возможном столкновении с немецкими войсками, но никого не смущала опасность в предстоящей неравной борьбе. Было отменено немецкое воинское приветствие поднятием руки – «Хайль Гитлер» и введено обычное воинское приветствие прикладыванием руки к головному убору. Воинственное настроение, бунтарский дух и готовность к самозащите до последней возможности заполняли чувства каждого. Сложность обстановки и новые опасности вызывали нервный подъём, но вместе с тем ещё больше сплачивала личный состав дивизии. Казалось, что даже дисциплина ещё более укрепилась. Офицеры и солдаты, получая приказания от своих командиров, с каким то особым рвением, энергией и поспешностью исполняли их, что резко бросалось в глаза

Дивизия находилась в полной боевой готовности. Поспешно рылись окопы, сооружались противотанковые заслоны, создавалась круговая оборона. Непрерывно выставлялось охранение, производилась разведка.

К этому времени дивизия насчитывала уже свыше шестнадцати тысяч человек. Характерно, что в течение трёх недель нахождения дивизии вблизи передовой линии фронта, в процессе боя и при ведении разведок в расположении советской обороны, в период самых напряженных отношений в конфликте с немцами, когда можно было ожидать с их стороны применения крайних мер воздействия – ни один солдат Первой дивизии не перешёл на советскую сторону, к чему была полная возможность.

На следующий день, 14 апреля, генерал Буняченко опять получил приглашение прибыть в штаб 9-й армии к генералу Буссе для обсуждения

ультиматума. Командиры полков настаивали на отказе от этой поездки, и генерал Буняченко ответил приехавшему немецкому майору, что после того, как генерал Буссе позволил себе угрожать ему и генералу Власову расстрелом, какие бы то ни было переговоры он считает невозможными. Ультиматум же остается ультиматумом, не подлежащим никакому обсуждению. Генерал Буняченко просил также передать командующему, что 15 апреля Первая дивизия с наступлением темноты, выступает на юг. Во избежание конфликтов в пути и столкновений с немецкими войсками, генерал Буняченко просил дать приказ о беспрепятственном пропуске дивизии по направлению Дрездена, а также ускорить снабжение дивизии.

В тот же день из полевых складов 9-й армии дивизия получила продовольствие на трое суток, а к вечеру был прислан приказ, теперь же от самого командующего группы армий «Север» генерала-полковника Вейса о передвижении Первой дивизии в район Дрездена. В этом приказе были указаны маршрут следования дивизии и последующие пункты её снабжения.

Генерал Власов не приезжал. Высланные накануне для розыска офицеры вернулись, не найдя его. Он был немцами спрятан.

II

15 апреля, с наступлением темноты, дивизия двинулась на юг с соблюдением мер походного охранения. Были составлены планы боевых действий на марше на случай столкновений с немецкими войсками, если бы они попытались оказать давление силой.

По приказанию генерала Буняченко было составлено обращение к солдатам и офицерам немецких частей на немецком языке. Обращение было размножено в нескольких десятках тысяч экземпляров, которые распространялись среди немецких частей, расположенных по маршруту проходившей Первой дивизии. В этом обращении говорилось о целях Русского Освободительного Движения и об армии Власова; говорилось о тех условиях, в каких оказалась Первая дивизия; говорилось о миролюбивом отношении дивизии к немецким войскам и немецкому населению и о дальнейших намерениях. Во избежание кровопролития немецкие войска призывались, чтобы они не оказывали препятствий продвижению дивизии, заверяя, что Первая дивизия не выступит против немцев, если со стороны немцев не будет сделано начала...

Дивизия продвигалась беспрепятственно, немецкие войска ничего не предпринимали против

неё, вероятно не желая иметь конфликтов в непосредственной близости к фронту в тылу своей действующей армии. Кроме того, на этом участке фронта со дня на день можно было ожидать большого наступления советских войск.

При штабе Первой дивизии, со времени выхода ее из Мюнзингена на фронт, находилась группа немецких офицеров связи, возглавляемая майором генерального штаба Гельмутом Швеннингером (кстати сказать, не владевшего русским языком). Эти офицеры связи оставались и после того, как дивизия отказалась от подчинения немцам. Майор Швеннингер получил от своего командования специальные инструкции, согласно которым должен был устанавливать намерения дивизии и готовность к боевым действиям против немецких войск. Майор Швеннингер принимал меры, чтобы повлиять на генерала Буняченко и склонить его к повиновению. Но это оставалось безрезультатным.

Майор Швеннингер был человеком интеллигентным, корректным, умным и дальновидным. Он здраво расценивал создавшуюся обстановку и казалось, что симпатизировал власовцам, понимал поступки дивизии и внутренне он даже осуждал немецкую политику обмана и нарушения обещаний, данных генералу Власову. Совершенно очевидно было и то, что он далеко не был сторонником нацистской политики. Он откровенно говорил генералу Буняченко:

– Я лично понимаю, что побуждает Вас к таким действиям. Со своей точки зрения, в интересах спасения своей дивизии вы, может быть, поступаете правильно. Но я, как немецкий офицер и тем более имеющий полномочия от своего командования, обязан предостеречь вас и предупредить об ответственности, которую вы берёте на себя, и на что обрекаете свою дивизию. Мы с вами, – говорил майор Швеннингер, – должны хорошо понимать, что значит неисполнение приказа, то ли с вашей, то ли с моей стороны и особенно в боевой обстановке...

Впоследствии майор Швенкингер не раз оказывал большие услуги дивизии при разрешении острых вопросов с немецким командованием. Он, не нарушал своего служебного долга, умело отводил неоднократно назревающие конфликты.

Совершив двумя пешими переходами марш свыше ста километров, дивизия расположилась в промышленном местечке Клеттвиц, где и остановилась на двухдневный отдых.

На следующее утро в штаб дивизии прибыло несколько немецких офицеров-делегатов связи штаба командующего группой армий «Север» ге-

нерала Вейса. Они привезли приказ командующего о занятии дивизией обороны на новом участке фронта. Генерал Буняченко подтвердил своё первоначальное решение – двигаться на юг для соединения с другими русскими частями Освободительной Армия. Он опять настаивал на том, чтобы генерал Власов приехал в дивизию. Делегаты связи ответили, что генерал Власов занят очень важной работой по русским вопросам, а поэтому прибыть в дивизию в настоящее время не может. Но он прибудет, как только дивизия займёт назначенный ей район обороны.

Со свойственной ему прямотой и бесцеремонной резкостью генерал Буняченко ответил, что из этого or вынужден сделать вывод, что германское командование держит генерала Власова как заложника и тем самым хочет заставить первую Дивизию повиноваться. Генерал Буняченко сказал, что это бесполезные попытки. При этом он опять и опять заверял немцев, что дивизия со своей стороны не намерена предпринимать никаких враждебных действий, если со стороны самих немцев не будет попыток применить к дивизии военную силу.

Во время этих переговоров, при которых присутствовали старшие офицеры штаба дивизии и некоторые командиры полков, генерал Буняченко в охватившем его азарте, в самом резком тоне произнёс речь:

– «Ваше нацистское правительство всегда обманывало нас – русских!.. Русские люди в Германии прекрасно понимали то, что, создавая Русское Освободительное Движение, нацисты хотели использовать нас исключительно в своих целях, в своих интересах. Хотя все это делалось под видом помощи народам России в их борьбе с коммунистическим режимом, но это был обман, который очень скоро нам стал совершенно ясен!..

Наше сотрудничество с нацистской Германией, – продолжал генерал Буняченко, – вынужденное! Нацизм всегда был нашим врагом и остаётся им!.. Гитлеровская восточная политика направлена не только против коммунизма, но и против народа нашей Родины, что мы тоже хорошо поняли. Мы всегда будем видеть своих врагов во всех тех, кто будет желать закабалить наш народ, нашу Родину. А с германским нацизмом у нас существуют особые счёты! Наш народ никогда не забудет и не простит вам мученическую гибель сотен тысяч наших соотечественников, уничтоженных в нацистских лагерях. Мы не простим вам всех ваши к жестокостей, не забудем все те страдания, на которые вы обрекли наших людей на захваченной вами территории России!...»

Генерал Буняченко был взволнован и всё более и более горячась, несправедливо бросал обвинения немецким офицерам фронтового штаба за всё то, в чем был виновен Гитлер, его национал-социалистическая политика и её приверженцы. Буняченко продолжал:

– «Коммунизм был и останется врагом русского народа, но нацизм представляет для нас не меньшее зло!.. Мы оказались в союзе с вами лишь потому, что для нас не было иной возможности вести борьбу с коммунизмом за своё освобождение. Вы же обманным образом привлекали нас для борьбы на своей стороне, прельщая надеждами на осуществление исконных надежд народов России освободится от коммунизма. Вы заранее знали, что все ваши обещания, которые вы давали нам, вами не будут выполнены!..

Мы с верой и надеждой вместе с вами встали на борьбу против нашего общего врага – коммунизма потому, что это было для нас жизненной необходимостью. Вы никогда не верили нам и не хотели понять тех побуждений, которые толкнули нас на союз с вами... Мы тоже не верили и не верим вам!

Да! Из-за всего того, что вами сделано вы имели полное основание опасаться нас и не доверять нам! Но вовсе не потому, что на нас нельзя было положиться в борьбе с коммунизмом, а только потому, что, обманывая нас, давая нам заведомо ложные обещания, вы знали, что рано или поздно, мы поймём это и не простим вам вашего обмана... Мы не простим вам и того, что вы делаете с нашими военнопленными, с остарбочими в ваших лагерях ...

В продолжение нескольких лет войны наши солдаты в германской армии на полях сражений, отважной, жертвенной борьбой доказывали свою преданность и честность солдатскую. Но преданность не Гитлеру, не нацизму, не вам немцам! Вам мы не собирались ее доказывать, да её и не могло быть!.. Мы доказывали преданность Русскому Освободительному Движению, делу борьбы за освобождение своей Родины от коммунизма!.. Наши солдаты самоотверженно умирали в боях плечо к плечу с немецкими солдатами, но не за фюрера, не за нацистскую Германию, а за возможность своей освободительной борьбы, за свой народ, за свою Родину!..

Высокой ценой заплатили мы вам за то, что вы должны были дать нам для нашей борьбы!..| Но вы не выполнили своих обещаний, вы обманули нас, обманули бесчестно, недостойно, низко...

Что же вы хотите от нас после всего этого?.. За всё то, что сделано нацизмом, вас немцев ненавидят народы всего мира!.. Вы сделали то, что даже

слово «немец» стал ненавистным понятием у всех народов... И после этого всего вы еще смеете произносить слова – «Долг», «Честность»!?…

Вы проиграли войну исключительно по своей вине. Последние ваши усилия оказывать сопротивление ведут только к бесцельным жертвам. Мы же не хотим быть в числе этих жертв, приносимых вами благодаря сумасбродному упорству вашего фюрера и военного фанатизма ваших полководцев!...

Настал канун гибели нацистской Германии, но каше поражение совсем не означает поражения Русского Освободительного Движения! Наша настоящая борьба впереди, она ещё только начинается. Ваше же поражение принесёт нам только новые возможности успешной и справедливой борьбы. И чем это произойдет скорее, тем лучше для нас, лучше для всех! В это мы твёрдо верим!.. Для этой борьбы мы и должны теперь сохранить свои силы...

Не троньте власовские войска, мы не будем вам мешать умирать за Гитлера... Помните, что теперь уже никакими силами вы не сможете заставить нас бороться вместе с вами. Настает ваш конец... Но имейте в виду, что если вы теперь попытаетесь силой оружия принудить нас к повиновению, то будет пролито много крови. Мы готовы упорно сопротивляться!.. Помните, что мы безжалостно будем истреблять на своем пути всё препятствующее нам!..

Не троньте несчастных, беспомощных наших людей, находящихся ещё в вашем рабстве!.. Не троньте генерала Власова!.. Мы предупреждаем вас, что за их кровь прольются реки крови!

Довольно! Это всё!..

Теперь же возвращайтесь обратно, верните боевой приказ генералу-полковнику Вейсу и передайте ему всё то, что я сказал! Передайте особо, что Первая дивизия желает видеть генерала Власова!».

Немецкие офицеры были смущены словами генерала Буняченко. Они не могли не видеть, что продолжать попытки выполнять свою миссию было совершенно бесполезно. Они поняли также и то, что нельзя было не считаться с Первой дивизией, как с военной силой, которая представляла собой крепко сколоченное и отлично вооружённое соединение, численностью своей значительно превышающее бывшую дивизию. Они поняли и непреклонную решимость генерала Буняченко и его командиров.

Генерал Буняченко резко повернулся и быстрыми шагами вышел из комнаты, с шумом захлопнув за собой дверь.

Делегаты связи с подчеркнутой вежливостью как по команде приложили руки к своим фуражкам, вместо требуемого вытягивания руки – нацистского приветствия «Хайль Гитлер». С видом своего достоинства и с большой выдержанностью они ответили одним словом – «Яволь!». Начальник штаба дивизии мягкий и деликатный подполковник Николаев, провожая их, пытался смягчить резкое выступление генерала Буняченко и неловкость создавшегося положения. Вскоре после отъезда немецких делегатов, майор Швеннингер пришёл к генералу Буняченко и сообщил ему, что он получил предупреждение, что будет расстрелян, если не добьётся повиновения дивизии. Генерал Буняченко ответил:

– «... Пока существует Первая дивизия вы можете не беспокоится за свою судьбу». – А затем, «шутя» с хитрой улыбкой добавил: – «А расстрелять вас могу и я...»

Майор Швеннингер на это ничего не ответил. С серьёзным лицом, пожав плечами, он с видом своего полного бессилия и обречённости развел руками.

На другой день Первая дивизия, пополнив из местных складов свои запасы, к вечеру выступила в дальнейший путь.

В это время советская армия в районе Франкфурт на Одере, именно на том участке фронта, который так недавно покинула Первая дивизия, перешла в наступление. Она быстро продвигалась вперёд. Немцы отходили без сопротивления. Только нежелание немцев сдаваться в плен советским войскам, а желание капитулировать перед западными союзниками поддерживала в немецких войсках способность к местному сопротивлению арьергардов. Бои шли уже по реке Шпрее и за овладение города Шпрееберг в 30 километрах восточнее маршрута продвижения первой дивизии.

На следующее утро дивизия перешла в район Кенигсбурга и к удивлению всех, совершенно неожиданно к ней присоединился отдельный добровольческий русский полк, под командованием полковника Сахарова. С присоединением этого полка численность дивизии стала свыше 20 тысяч человек.

После дневного привала, к вечеру, дивизия двинулась в дальнейший путь. Линия германо-советского фронта проходила уже в 15 километрах восточнее Первой дивизии. Пришлось изменить направление. Необходимо было быть готовыми к отражению возможного флангового удара со стороны советских войск и особенно их передовых танковых частей. На опасных участках местности полки создавали подвижные противо-

танковые заслоны, которые прикрывали с флангов колонны частей дивизии.

Рано утром 23 апреля дивизия подошла к Дрездену и расположилась на отдых в 18 километрах восточнее города.

Район Дрездена входил в состав другой группы армий – «Центр», которой командовал генерал-фельдмаршал Шернер. Фельдмаршал Шернер, по-видимому, получил специальные указания по вопросу пришедшей в его район Первой дивизии.

Как только дивизия расположилась на привал, фельдмаршал Шернер прислал к генералу Буняченко представителей своего штаба. Они передали, что командующему известен конфликт, произошедший на соседнем участке в группе армий «Север», но что он считает это недоразумением и берёт на себя урегулировать конфликт в Ставке Верховного Германского Командования, отвечая за полный успех. Дли достижения же этого успеха генерал Буняченко должен поступить в распоряжение фельдмаршала Шернера и принять участие в боевых действиях на подступах к Дрездену. Одновременно фельдмаршал Шернер приглашал генерала Буняченко приехать к нему на завтрак вместе со своими командирами полков и старшими офицерами штаба дивизии.

Опять с новой силой возникало недоверие, опасение и даже самые, может быть, нелепые подозрения о посягательстве ...

Приглашение фельдмаршала было с благодарностью отклонено под предлогом невозможности оставить части дивизии без командиров в условиях непосредственной близости противника. Генерал Буняченко просил передать фельдмаршалу Шернеру свою просьбу прислать приказ для дальнейшего продвижения дивизии на юг и для обеспечения её в пути всем необходимым.

В течение этого дня между фельдмаршалом Шернером и генералом Буняченко происходили переговоры, именно переговоры, через посредство высылаемых друг к другу делегатов связи. Генерал Буняченко не соглашался на предложения фельдмаршала, а тот хотя и не отказывал, но и не давал приказа о дальнейшем движении дивизии.

Уже поздно вечером генерал Буняченко послал фельдмаршалу Шернеру письменное сообщение следующего содержания:

– «Ожидаю вашего приказа о дальнейшем движении Первой дивизии до двух часов 24 апреля. Ровно в 02,00 выступаю на юг, независимо от приказа. Продовольствием, фуражом и горючим обеспечен только на трое суток. В случае отказа в снабжении буду вынужден снабжаться сам...»

Одно из подразделений I Дивизии Р.О.А.

В 23.00 часа генерал Буняченко уже в третий раз в этот день вызвал к себе на совещание командиров полков. Здесь же он дал приказ о выступлении дивизии, которое назначалось в два часа ночи. Генерал Буняченко сомневался, что фельдмаршал пришлёт нужный приказ.

Через два часа части дивизии уже стояли в колоннах и были готовы к выступлению. От фельдмаршала приказа не было. Ровно в два часа ночи дивизия начала свой дальнейший марш. Советский фронт приближался буквально с каждым часом.

Еще накануне вечером в 12-ти километрах от расположения дивизии разведкой были обнаружены советские танки. Времени терять было нельзя, необходимо было двигаться вперед и как можно скорее. До следующего места привала расстояние было 45 километров. Этот путь следовало проделать в трудных условиях сильно пересеченной горной местности. В конце же перехода предстояло преодолеть реку Эльбу. Это было особенно трудной для дивизии задачей, так как если бы немцы хотели приостановить движение дивизии, то они это сделали бы именно здесь. Мосты через Эльбу были частично уничтожены американской авиацией, частично заминированы немцами и подготовлены к взрыву в предвидении приближения советских войск. Заминированный мост, даже с небольшим заслоном представлял бы для дивизии труднопреодолимое препятствие. Преодолеть его было бы невозможно без открытого столкновения с немцами. Самое же незначительное столкновение привело бы к началу больших боевых действий, которых дивизия, несмотря на свою готовность, хотела благоразумно избежать. Особой трудностью и опасностью на пути движения дивизии з этом районе было то, что все части должны были двигаться одной колонной по узкой горной дороге, единственной ведущей к намеченному мосту. Двигаясь в этих условиях, дивизия не имела возможности в случае надобности развернуться для боевых действий и принять меры к своей защите. Она могла бы быть с лёгкостью уничтожена с воздуха и возвышенности гор, даже незначительными силами. Осталось совершенно непонятным, почему этого не сделал фельдмаршал Шернер?.. Значит, он не хотел делать этого... Значит, это не входило в намерения немецкого фронтового командования. Почему? Почему немецкое фронтовое командование скрывало и от Гиммлера и от ставки Гитлера всё то, что происходило на фронте с Первой дивизией?..[1]

[1] **Примечание**:

В 1964-65 годах мне доводилось несколько раз встречаться с генерал-фельдмаршалом Шернером. Это было в Западной Германии в частной обстановке. Как-то раз, я задал ему вопрос: «Почему немецкое командование не приняло к нашей дивизии репрессивных мер при её явном неподчинении в боевой обстановке? В горных массивах, при подходе к Эльбе, сделать это не представляло никаких трудностей. Дивизия там могла бы быть с лёгкостью уничтожена даже небольшими силами с земли и с воздуха. Причём, сопротивляться в тех условиях дивизия была бы не в состоянии».

Шернер ответил: «Положение на фронте было и без того очень тяжёлое. Кроме того, в наших войсках было много вспомогательных частей, которые состояли из русских, украинцев и других добровольцев с востока. Особенно много их было в зенитных частях противовоздушной обороны. Все они были вооружены. Мы боялись возмездия с их стороны. И вообще мы не имели намерения уничтожать вашу дивизию. Мы старались держать дивизию в постоянном страхе, чтобы предотвратить её выступление против нас. Теперь я вижу, что этот страх был обоюдный. По требованию Буняченко, мы давали дивизии приказы на её дальнейшее движение и на снабжение только для того, чтобы узаконив его отчаянные безрассудные поступки, удержать его от ещё большего безумия. Мы сознавали его непереборимое упорство, но не теряли надежду облагоразумить его, в конце концов. Мы

В районе Бад Шакдау предстоял переход реки Эльбы. Высланные вперёд подвижные части дивизии – танки, два кавалерийских и один пулемётный эскадроны разведывательного батальона были остановлены перед мостом через Эльбу небольшим немецким заслоном. Командир группы заслона, старший лейтенант, объявил, что мост заминирован, и проход через него для дивизии запрещён. Голова колонны дивизии в это время находилась ещё в нескольких километрах от моста.

Генерал Буняченко с начальником штаба дивизии подполковником Николаевым подъехали на автомобиле к мосту. Они пытались убедить немецкого офицера – начальника заслона, пропустить дивизию. Тот не соглашался, имея на этот счёт строгий приказ.

Тогда генерал Буняченко вызвал из колонны дивизии медико-санитарный батальон. Немецкому офицеру было сказано, что необходимо эвакуиро-

---

всеми силами хотели избежать вооружённых столкновений. Об этом не могли бы не узнать в Ставке. А так, – Ставка ничего не знала... Своими приказами мы придавали законность всем действиям Первой дивизии. Нас никто не предал, иначе был бы ужас и для вас и для нас ...»

В. П. Артемьев

вать раненых. Он согласился и приказал разминировать узкий приход на мосту.

Колонна санитарного батальона вошла на мост, а вслед за нею двинулись танки и кавалерийские эскадроны разведывательного батальона. Немецкая охрана растерялась и не знала, что предпринять. Их офицер, видя, что он не в состоянии воспрепятствовать нарушению приказа, связался по телефону со своим штабом и доложил о происшедшем. Танки и кавалеристы уже были на противоположном берегу Эльбы и занимали боевые позиции на подступах к мосту, а на разминированный сапёрами мост уже входила голова колонны дивизии.

У моста генерал Буняченко пропускал мимо себя проходившие части, на ходу давая указания командиром о дальнейших действиях. На другом же берегу, начальник штаба дивизии с пистолетом в руке спорил с приехавшим на автомобиле немецким полковником. Приехавший полковник требовал подчинения приказу о запрещении перехода Эльбы и настаивал на немедленном возвращении уже перешедших реку частей дивизии.

Перешедшие Эльбу полки размещались в близлежащих населённых пунктах.

Дивизия расположилась на отдых в районе: Криппен, Гуннендорф, Шене. Полки немедленно наметили позиции на случай боя, стали их оборудовать и устанавливать огневые точки. Переход Эльбы имел для дивизии огромное значение и, можно сказать, благоприятно решил её судьбу. Опасность внезапного удара наступающих советских войск была устранена. Река Эльба, образуя в этом месте дугу своего русла, служила хорошим прикрытием расположения дивизии. Теперь условия горной местности приобрели для дивизии уже обратное значение и способствовали её защите, ограничивая наступательные действия со стороны возможного противника и совершенно исключали возможность применения танков. Расположение дивизии было настолько удачным и выгодным в случае нападения, что несмотря на близость фронта было решено оставаться здесь двое суток с тем, чтобы дать полный отдых утомившимся тяжёлыми переходами людям и лошадям, привести части в порядок, ориентироваться в обстановке и наметить дальнейший образ действий.

Мост был взят под охрану и контроль силами Первой дивизии.

К исходу того же дня фельдмаршал Шернер прислал к генералу Буняченко связного офицера с предложением приехать к нему. Генерал Буняченко просил передать, что он якобы потерпел автомобильную катастрофу, повредил себе ногу и ле-

жит в постели, выразив для убедительности своё сожаление, что не может приехать к фельдмаршалу.

Ночь прошла спокойно. Но психоз постоянного ожидания репрессивных мер к дивизии со стороны немцев ни на минуту не ослабевал. В целях безопасности штаб дивизии в течение ночи три раза менял свое местонахождение, переезжая из одной деревни в другую. Части дивизии ночевали на боевых позициях созданной круговой обороны, расположенных на крутых скатах гор, оставив в населённых пунктах только тылы.

Наутро стало известно, что к району расположения дивизии ночью прибыла дивизия СС, которая разместилась в соседних деревнях, окружив отдыхающую Первую дивизию.

Офицеры дивизии СС и Первой дивизии держались корректно и независимо, внешне не подавая виду беспокойства и не вступали в разговоры друг с другом. Солдаты же обеих сторон общались между собой и вели далеко недвусмысленные разговоры. Эс-Эсовцы, например, говорили русским солдатам: «...Вот мы вам теперь покажем, как не подчиняться. Сегодня придёт еще одна наша дивизия и тогда мы вас обезоружим...» Но были разговоры и в более миролюбивых тонах. Эс-Эсовцы и власовцы, разговорившись по душам, уговаривали друг друга, с одной стороны, рекомендовали подчиниться приказу немецкого командования и не допускать столкновений, а с другой – не препятствовать дальнейшему движению Первой дивизии.

Во время этих разговоров выяснились очень интересные для обеих сторон и неизвестные им до того времени подробности. Эс-Эсовцы, например, узнали, что Первая дивизия насчитывает свыше 20 тысяч человек, располагает достаточным количеством боеприпасов и противотанковых средств ... Власовцы же в свою очередь узнали, что Эс-Эсовская дивизия только что выведена из горячих боёв, в которых участвовала беспрерывно в течение долгого времени. В результате, она была утомлена, морально подавлена, как общим состоянием фронта, так и своими неуспехами в боевых операциях, в ходе которых понесла большие потери в людском составе и боевой технике. Другая дивизия Эс-Эс, которая должна была придти с часу на час, также была выведена из боя и находилась ещё в худшем состоянии. Главное же было то, что стало известным, что Эс-Эсовским дивизиям поставлена задача разоружить Первую дивизию. При этом Эс-Эсовские войска были информированы неправильно о состоянии Первой дивизии. Им сказали, что русская дивизия почти не

имеет боеприпасов и продовольствия, изнурена походами и состоит не более, как из десяти тысяч человек. Действительная численность дивизии и ее боевая готовность вероятно были умышленно скрыты от Эс-Эсовцев немецким высшим командованием.

Прошла еще одна ночь. Наутро стало известно, что ночью подошла ещё одна дивизия Эс-Эс и расположилась поблизости. Тотчас же Первая дивизия была поднята по тревоге и выступила чтобы выйти из угрожающего ей окружения. Никто не препятствовал её уходу. Эс-Эсовцы с любопытством толпились на улицах населённых пунктов, по которым проходили части дивизии. Провожая их взглядами, они, вероятно, мысленно сопоставляли силы и убеждались, что соотношение сил было не в их пользу.

После небольшого перехода, в 26-30 километров, дивизия остановилась в районе Нееберг, Баденбах, западнее города Течен. Штаб дивизии разместился в Шнееберге, на высоте 723 метра, в горном отеле. Здесь генерал Буняченко назначил продолжительную остановку для отдыха, так как двигаться дальше не было возможности – бензин для автотранспорта был израсходован, а продовольствия и фуража оставалось только на одни сутки.

На другой день утром 26-го апреля генерал Буняченко получил сообщение от фельдмаршала Шернера о том, что он желает лично посетить дивизию. На подготовленную у подножья Шнееберг площадку приземлился немецкий самолёт. Прилетел начальник штаба группы армий фельдмаршала Шернера генерал фон Натцмер. Сам фельдмаршал по каким то соображениям от личного посещения дивизии воздержался. Переговоры происходили недолго и сводились опять лишь к требованию командующего об участии дивизии в боевых действиях против наступающих советских войск в районе Брно. Формально такого приказа ещё не было, но это требование было поставлено в категорической форме с предупреждением о плохих последствиях, которые могут ожидать дивизию, если генерал Буняченко опять не пожелает подчиниться. До получения от генерала Буняченко согласия, генерал фок Натцмер, не пожелал говорить о снабжении дивизии.

Дивизия доедала продовольственные и фуражные нормы последнего дня. Бензина не было вовсе. В таком состоянии дивизия не могла даже тронуться с места. После некоторых колебаний генерал Буняченко дал своё согласие подчиниться приказу.

Генерал фон Натцмер здесь же написал приказ о выдаче дивизии продовольствия, фуража и бензина.

После «успешного» завершения переговоров генералы расстались...

IV

Проводив немецкого генерала, генерал Буняченко вызвал командиров полков и передал им содержание только что состоявшихся переговоров.

– Мы опять должны с вами вместе решить, как нам поступить дальше, – сказал генерал Буняченко. – В случае дальнейшего неподчинения мы предупреждены о применении к нам крайних мер. Обстановка сложилась такая, что я не считаю себя вправе самостоятельно принять решение о наших дальнейших действиях. Я дал согласие на переброску дивизии в Брно по железной дороге и на занятие обороны. Иначе я поступить не мог. Дивизия не имеет ни продовольствия, ни фуража. Теперь мы опять имеем всё, что нам нужно, мы опять можем двигаться и действовать. Я не хочу навязывать вам свою волю и не могу единолично брать на себя ответственность за судьбу дивизии. Мы оторваны от своих, мы не имеем связи с генералом Власовым. Мы одни… Я готов отказаться от данного мною слова. Но прежде, чем дать вам тот или иной приказ мы должны сообща принять решение. Я хотел бы знать ваше мнение. Прошу высказаться в порядке номеров полков...

Командир первого полка, подполковник Архипов первым должен был сказать свое мнение:

– «Я старый солдат, – сказал он, – и не привык критически осуждать приказы своих командиров. Но, если же вы, господин генерал, желаете знать мое личное мнение, то я сторонник выполнения приказа немецкого командования...

Но следует просить фельдмаршала разрешить нам двигаться в Брно не по железной дороге, в каких условиях немцы могут нас легко разоружить, а советчики с американцами разбомбить, а походным порядком. Оборону занять мы всё равно не успеем; где-то в пути, ещё не доходя Брно, дивизия присоединится к отходящим немецким частям. Мы разделим участь немецких войск, отступающих на Запад от советской армии»...

Затем выступил командир второго полка, подполковник Артемьев:

– «Мы приняли очень трудное решение, следуя которому вышли из подчинения немецкого командования. Мы предупредили немецкое командование, что если они попытаются препятствовать нашему движению на юг, то будем пробиваться силой. Мы объявили об этом своим частям... Невзирая ни на какую опасность, глубоко веря нам,

наши солдаты идут туда, куда мы их ведём, твёрдо следуя намеченной цели... Дивизия может погибнуть, если мы не подчинимся приказу немецкого командования, если Шернер осуществит свою угрозу – это верно! Но она, безусловно, погибнет в том случае, если мы подчинимся приказу и займём оборону в Брно. Кроме того, выполнение этого приказа будет равносильно тому, что мы признали свое первоначальное решение ошибочным и теперь отказываемся от него...

А что мы скажем в этом случае своим солдатам?.. За последние две недели обстановка изменилась только в сторону ещё большей необходимости довести наше первоначальное решение до конца. Немцы не в состоянии удержать фронт, они отступают на запад, чтобы не попасть в советский плен, а сдаться американцам... Желая бросить нас в оборону в Брно, немцы хотят ценою нашей жизни прикрыть свой отход. Для спасения себя, они бросают на гибель нашу дивизию. Мы должны, не теряя времени, непреклонно продолжать наше движение на юг!..»

Командир третьего полка, подполковник Александров также высказался против требования немецкого командования. Он сказал:

– «Занять оборону – это значит подвести дивизию под удар успешно наступающей советской армии и погубить её. Немцы бегут, а когда нельзя бежать, то складывают оружие и сдаются в плен, спасаясь этим... Для наших солдат и офицеров не может быть советского плена. Ни один из нас при пленении в бою не будет оставлен в живых. Это хорошо знаем мы все. Кроме того, после возникшего у нас конфликта с немцами, я сомневаюсь, чтобы они привезли нас в Брно по железной дороге в том состоянии, в котором дивизия находится сейчас. В лучшем случае, они арестуют нас – командование, расформируют наши полки, рассуют солдат по немецким частям и бросят их в бесцельные, последние бои... Но не исключена и та возможность, что по примеру некоторых русских частей, находившихся в немецкой армии, дивизию разоружат и посадят за проволоку...

У нас только одна дорога – на юг, к намеченной нами цели!..»

Командир четвёртого полка, полковник Сахаров высказался также за дальнейшее движение на юг:

– «Я полностью присоединяюсь к мнению командиров второго и третьего полков, – сказал полковник Сахаров.

– Наш отказ от подчинения немецкому командованию был протестом против их обмана и нарушения ими своих обязательств, данных генера-

лу Власову. Почему же сейчас, после полученной от фельдмаршала угрозы, мы должны вновь вернуться к подчинению немцев и бессмысленно обрекать себя и своих солдат на явную смерть?.. Мы не должны отклоняться от своей цели и, несмотря ни на какие угрозы и даже последствия, мы должны продолжать движение на юг для соединения с другими власовскими частями!.. Хуже того, что получится с нами при подчинении приказу немецкого командования – быть не может!..»

Командир артиллерийского полка, подполковник Жуковский с самодовольным видом, коротко произнёс: – «Господин генерал! Куда вы, туда и мои артиллеристы!»

Командир запасного полка, подполковник Максимов, следуя Жуковскому, ответил также коротко:

– «Куда прикажете, господин генерал, туда и пойдем!..» Командир разведывательного батальона, майор Костенко патетически воскликнул:

– «Я готов хоть сейчас бить немцев, господин генерал, а мои танкисты и кавалеристы только этого и ждут. Трудно удерживать порыв!..»

Генерал Буняченко, опустив голову, молча, с задумчивой серьёзностью, выслушивал мнения своих командиров, иногда одобрительно кивая головой. Только при высказываниях командиров артиллерийского и запасного полков, он строго, с раздражением заметил:

– «Я хочу слышать ваше мнение, а не заверения з вашей преданности и готовности подчиниться моему приказу!...»

Затем, обратившись к майору Костенко, он укоризненно продолжал: – «Мы не преследуем цели бить немцев, майор Костенко!.. Удерживайте безумные порывы своих бойцов, а главное, сами не разжигайте страстей. Не теряйте благоразумия, месть неуместна, кровопролитие несправедливо!..»

Командиры остальных частей также были за продолжение движения на юг. Когда каждый высказал свое мнение, генерал Буняченко, обращаясь к начальнику штаба дивизии подполковнику Николаеву, сказал:

– «Ну, а ваше мнение, Николай Петрович, мне известно!» Затем, генерал Буняченко заключил:

– «Я очень рад, что не ошибся в своих расчётах па вас, друзья мои. Я был уверен, что вы мне так ответите. Совершенно правильно! Другого пути у нас нет!.. Ну, а вы, Андрей Дмитриевич, – обратился Буняченко к подполковнику Архипову, – должны хорошо подумать над тем, что говорилось здесь... После совещания прошу вас остаться. Мы с вами потолкуем по-дружески ...»

Командиры частей здесь же получили приказ о подготовке к дальнейшему выступлению на юг.

V

Дивизия была снабжена всем необходимым и вновь получила возможность и двигаться, и действовать.

В течение последнего времени генерал Буняченко очень внимательно следил за обстановкой на всех фронтах и особенно за положением в странах Восточной Европы. Было очевидно скорое окончание войны, которого следовало ожидать буквально в ближайшие дни. Теперь уже невозможно было рассчитывать на соединение русских частей, и совершенно были исключены какие-либо совместные их действия на фронте. Не могло быть и речи о продолжении освободительной борьбы в тех формах, которые намечало Русское Освободительное Движение в Германии. Необходимо было определить дальнейшие действия. Осталось только одно – ориентация на западных союзников. Необходимо было искать с ними связь для того, чтобы подготовить переход дивизии под их защиту. Исключительная выдержка и высокая дисциплинированность личного состава дивизии лишала местные немецкие власти основания обвинить дивизию в каких-либо нарушениях и бесчинствах. Все понимали, что нарушения порядков, принятых в стране, в местах нахождения дивизии, может привести лишь к ещё большему осложнению обстановки и далеко не в пользу дивизии. Генерал Буняченко издал приказ, предупреждающий о беспощадном пресечении всяких попыток незаконного самоснабжения за счёт местного населения и о недопустимости конфликтов с жителями и с местной немецкой администрацией. За подобные нарушения виновные подлежали самому строгому наказанию, вплоть до предания военно-полевому суду.

Создавались опасения, что обострённые отношения Первой дивизии с немецким командованием могут повлечь за собой несправедливо враждебные выпады по отношению к местному населению со стороны офицеров и солдат дивизии. Нельзя было допустить произвола, который мог привести к разложению. Несмотря на принятые меры все же случаи нарушений имели место. Наиболее часто бывали случаи, что солдаты забирали у крестьян сено для своих лошадей. Имели место случаи и других проступков, но при этом всякий раз командирами частей принимались меры к урегулированию недоразумений и материальной компенсации пострадавших местных жителей, для чего были отпущены специальные суммы денег.

Возмещение убытков и урегулирование конфликтов производилось с участием бургомистров.

Виновные строго наказывались, но самой большой угрозой наказания было заключение под арест в местную городскую тюрьму. В сущности, эта мера была равносильна смертной казни, так как с подходом советских войск заключённые в тюрьмах власовцы оказались бы в руках советов. Но эта мера, впрочем, ни разу применена не была, и оставалось только, как страшная угроза. Только однажды, перед выходом дивизии из Шнееберга, солдат артиллерийского полка, отличавшийся своей недисциплинированностью и допускавший систематические грабежи местного населения и насилия был приговорён военно-полевым судом к расстрелу. Труп расстрелянного был положен на повозку, к которой был прикреплён большой лист фанеры с надписью на немецком и русском языках: – «Солдат артиллерийского полка, расстрелянный за грабежи и насилия!..» Эта повозка объехала все окрестные деревни, в которых стояли части дивизии.

Генерал Буняченко постоянно говорил: «Несмотря ни на что, мы не должны допустить никаких незаконных действий. Мы не должны оставить о себе плохую славу! Все должны видеть в нас высокодисциплинированные войска Русской Освободительной Армии! Нельзя никому давать повод обвинять нас в бесчинствах. Командиры не должны останавливаться ни перед какими мерами воздействия в борьбе с нарушениями. Мы не можем допустить морального разложения и должны сохранить дисциплину и боеспособность дивизии. В этом наша честь и в этом наша сила, наше спасение!...»

Во имя справедливости следует отметить, что Первая дивизия до последнего дня своего существования отличалась высокой дисциплинированностью, необыкновенной спаянностью и организованностью. Тем не менее, надо было как можно скорее вывести дивизию из Германии.

VI

Генерал Буняченко решил перейти на территорию оккупированной немцами Чехословакии, до границы которой оставалось около 80-ти километров. В Чехословакии, к тому времени, сложилась очень неспокойная для немцев обстановка. По всей стране действовали партизанские отряды, с которыми немецкие войска вели ожесточенную борьбу. В Чехословакии дивизия оказалась бы в более благоприятных для себя условиях. Генерал Буняченко рассчитывал на поддержку со стороны чехов во всех отношениях. Исходя из этого, было

решено кратчайшим путем достичь Чехословакии и перейти на её территорию.

Немецкий офицер связи, майор Швеннингер не был в курсе этих намерений. Он был уверен, что дивизия будет грузиться в вагоны для отправки по железной дороге в район Брно, чтобы занять оборону. Когда же рано утром 27-го апреля дивизия тронулась в поход, а не для погрузки на железную дорогу, он был потрясён. Придя к генералу Буняченко, майор Швеннингер просил объяснить ему, что все это значит и куда идёт дивизия. Узнав, что дивизия не намерена исполнить приказ фельдмаршала Шернера, и продолжает своё движение он с возмущением говорил:

– «Ведь это обман, это не честно!.. Вы приняли боевой приказ командующего группой армий ...» Он немедленно выехал на связь со своим командованием для информации и получения дальнейших указаний... Догнав дивизию, которая уже была на марше, майор Швеннингер сообщил генералу Буняченко, что фельдмаршал Шернер возмущён поведением дивизии. Он, от его имени, предупредил, что по пути следования дивизии будут направлены немецкие танковые части, которые готовы будут по первому сигналу нанести удар. Одновременно будет нанесён удар авиацией с воздуха. Майор Швеннингер горячо убеждал генерала Буняченко повернуть дивизию обратно, наивно рассчитывая на успех.

В ответ на увещания майора Швеннингера и переданные им угрозы генерал Буняченко заявил, что дивизия обратно не пойдет и готова не только принять готовящийся ей удар, но и ответить на него со всей силой.

Предупреждение майора Швеннингера было очень важным. Благодаря ему, походные колонны дивизии были рассредоточены и шли в предбоевых порядках с разведкой и походным охранением, что, конечно, очень замедлило движение, но показывало немцам на готовность к решительному сопротивлению.

К вечеру разведка дивизии установила, что за двигающимися колоннами частей дивизии появились немецкие ганки. В воздухе стали показываться немецкие самолёты. С одного самолёта, пролетавшего на бреющем полёте над автоколонной штаба дивизии, был сброшен вымпел, в котором находился пакет, адресованный на имя генерала Буняченко. Это было письмо представителя Ставки Верховного Германского Командования генерала Ашекбреннера. Он писал:

«Дорогой Генерал!

С чувством большого удовлетворения и восторга мы получили известие о блестящей боевой операции, проведенной Вашей дивизией на Одере.

Дивизия зарекомендовала себя с самой лучшей стороны и тем больше было наше удивление, когда мы узнали о Ваших поступках последнего времени.

Генерал Власов также склонен осудить Ваше поведение и действия дивизии. Мы долго с ним обсуждали этот вопрос. Я отказываюсь понимать, что послужило этому причиной.

Помните, на что Вы обрекаете себя, своих солдат и офицеров. Одумайтесь и не делайте безумия.

Заверяю Вас в глубоком к Вам уважении.

Ваш генерал Ашенбреннер».

27 апреля 1945 года Ставка.

Командиры частей дивизии во время марша беспрестанно информировались штабом дивизии о всех получаемых известиях и о результатах разведки, которая велась беспрерывно. В свою очередь, полки также вели разведку и наблюдение, донося добытые сведения в штаб дивизии. Приходилось несколько раз менять направление движения, обходя кажущиеся опасные места.

Все солдаты и офицеры были ознакомлены с обстановкой и перед ними была поставлена лишь одна задача – быстрее двигаться вперед и быть готовыми в любой момент вступить в бой!.. Физическое и моральное напряжение людей доходило до предела. Марш совершался необыкновенно быстрым темпом, без привалов. Короткие остановки делались лишь для приведения в порядок бойцов. Колонны не растягивались, шли компактно в боевых расчётах. Продукты выдавались сверх всяких норм. Даже горячий обед, приготовленный в ротных походных кухнях, выдавался и съедался солдатами на ходу. Лошадей кормили тоже не останавливаясь. Каждый понимал, что промедление смерти подобно и что гибель ожидала каждого, отставшего от колонны. Смотря на проходящие полки, не верилось, что эти бодро шагающие солдаты уже проделали пешком несколько десятков километров почти безостановочного марша. Отстающих, изнеможенных от усталости с натёртыми ногами и больных сажали на обозные повозки. Подвозка людей в ротных и батальонных обозах чередовалась. Полковые обозы были также заполнены людьми, которые не могли идти пешком. Царило нервное напряжение, но выражение внешне-

го спокойствия и решительности можно было видеть на лице каждого. Волнующим вопросом была судьба генерала Власова. Этот вопрос задавался повсюду и постоянно. Он беспокоил каждого. Чтобы успокоить людей и поднять их настроение пришлось пойти на хитрость. – Было объявлено, что генерал Власов приехал в дивизию. Громкое многотысячное «Ура!» прокатилось по колоннам. Радостные лица солдат и офицеров, еще больший подъем сил и энергии говорили за безгрешность этой святой лжи – необходимого обмана своих войск во имя их же благополучия...

Волею судьбы, совершенно неожиданно для всех эта святая ложь оказалась претворенной в действительность. К исходу второго дня усиленного марша, уже на территории Чехословакии, в районе южнее города Лаун приземлились два самолёта, на которых прибыли командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Шернер и генерал Власов, сопровождаемые своими свитами...

За двое суток – 27 и 28 апреля – дивизия совершила беспримерный марш, пешком преодолев расстояние около 120-ти километров с одним пятичасовым отдыхом. Благополучно БЫЙДЯ на территорию Чехословакии, дивизия расположилась на отдых в районе Лаун, Шлан, Раконица. Утомленные войска были способны только спать мёртвым сном.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. В ЧЕХОСЛОВАКИИ

I

Встреча фельдмаршала Шернера с генералом Буняченко была короткой. Разговор их длился менее часа, конечно, в присутствии генерала Власова. Своим приездом фельдмаршал Шернер намеревался ещё раз сделать попытку склонить дивизию к повиновению, к совместным боевым действиям. Немцы, вероятно, рассчитывали, что генерал Власов своим присутствием должен был оказать нужное влияние на генерала Буняченко.

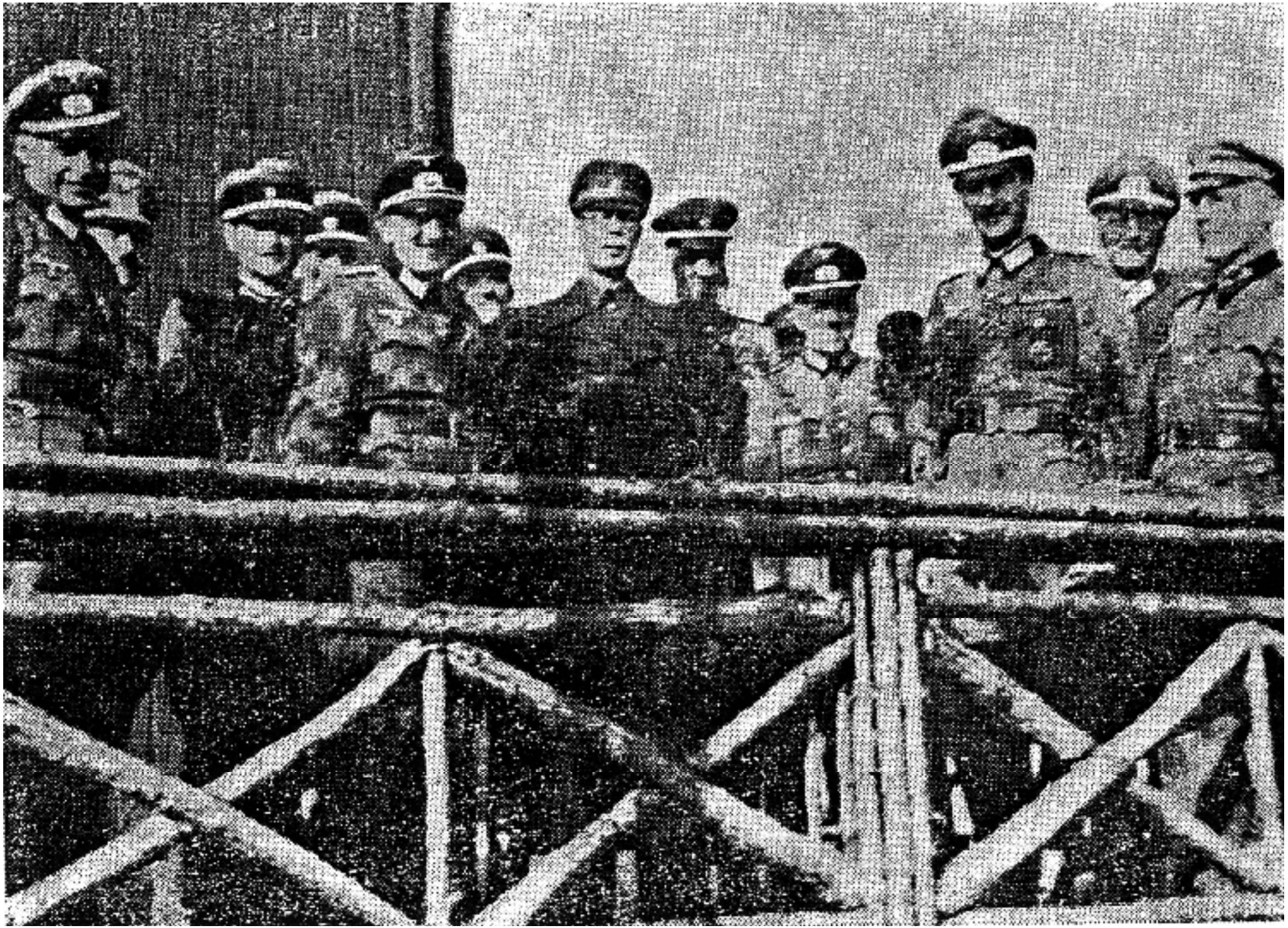
Во время этих переговоров генерал Власов резко осуждал действия дивизии. Он говорил о необходимости подчиниться требованиям фельдмаршала. Поведение генерала Власова казалось неестественным, странным и непонятным. Он не приказывал, а уговаривал, просил. Своим видом он производил впечатление уставшего, морально подавленного человека, вынужденного играть роль. Вялым тоном произносил он как бы заученные им чужие слова обвинения.

Генерал Буняченко был непреклонен. Он нервничал и горячился. Он резко и бестактно, в присутствии генерала Власова, заявил, что Русской Освободительной Армии не существует!.. Дивизией командует он, и будет делать то, что считает нужным для сохранения своих людей. Генерал Буняченко добавил, что войну можно считать конченной, а Германию окончательно побеждённой ...

Генерал-фельдмаршал Шернер сразу понял ту атмосферу, которая царила в Первой дивизии. Он понял бесполезность всяких дальнейших попыток воздействовать на генерала Буняченко. Фельдмаршал не бросил ни одного слова упрёка по адресу Дивизии, не позволил себе даже намекнуть на что-то похожее на угрозу. Ситуация оказалась для него совершенно ясной. Проницательность, самообладание и корректность немецкого фельдмаршала были поразительными. Это произвело очень благоприятное впечатление. Фельдмаршал Шернер, не теряя времени, вернулся обратно...

Генерал Власов остался в дивизии. Вместе с ним осталась н группа немецких офицеров. Им был выделен дом в деревне Козоеды, где располагался штаб дивизии. Дом охранялся власовскими часовыми.

Не сразу представилась возможность генералу Власову встретиться с генералом Буняченко



Генерал-лейтенант А.А.Власов в Дабендорфе.

наедине, в отсутствии немецкой свиты, которая ни на минуту не оставляла его одного. Только на другой день генералу Власову удалось это сделать и он, прежде всего, поспешил выразить свое полное одобрение решениям генерала Буняченко и действиям дивизии. В присутствии находившихся здесь же командиров полков, генерал Власов сказал, что он был поставлен в такое положение, что иначе поступить не мог, как только обвинять дивизию и поддерживать требования немецкого командования. С полной искренностью Власов говорил:

«Немцы ещё рассчитывают, что смогут использовать моё влияние, чтобы заставить наши войска воевать вместе с ними. Я всеми силами стараюсь поддерживать в них эту надежду, иначе наши несчастные люди и наши войсковые части, находящиеся в Германии в беззащитном положении, могут быть подвергнуты жестоким репрессиям и это повлечет за собой новые, неисчислимые жертвы... Для этого у них ещё хватит и сил, и времени. Я опасаюсь этого и хочу предотвратить жестокую расправу... Будет жуть!..

Жаль мне наших людей, жаль хороших немцев, неповинных в жестокостях гитлеровского режима и его извергов.!... Поэтому я не могу открыто одобрять ваши действия и быть вместе с вами ...»

Слова генерала Власова произвели сильное впечатление на присутствующих. Всем стало понятным то многое, что не доходило до сознания раньше... Генерал Власов продолжал:

«Ваша дивизия находится в более благоприятном положении – вы организованы, у вас есть оружие, с вашей дивизией немцы считаются и даже больше – боятся её. За вас я спокоен, но другие наши части находятся в иных условиях. Осталось ещё очень недолго до полного поражения Германии и это время надо как-то пережить, не вступая в конфликт с немцами... Это сейчас наша главная цель. Ваши действия я благословляю и полностью предоставляю Сергею Кузьмичу (имя генерала Буняченко) действовать в дальнейшем по своему усмотрению. Только не забывайте мои слова. Если я буду вынужден опять осуждать ваше поведение в присутствии немцев, не придавайте этому значения и понимайте причины...»

Оба генерала были растроганы. Они крепко, дружески обнялись. Генерал Буняченко всё же настаивал на том, чтобы генерал Власов не покидал дивизию. Он ответил, что всё будет зависеть от обстановки и от необходимости его присутствия в других местах...

С приходом дивизии на территорию Чехословакии, 'находившиеся здесь немецкие тыловые гар-

низоны были встревожены. До них доходили самые различные и часто искаженные слухи о взбунтовавшейся дивизии. К генералу Буняченко со всех сторон приезжали немецкие коменданты, стараясь узнать, на какое отношение со стороны дивизии они могут рассчитывать. Поведение их было исключительно вежливым и даже подобострастным. Получив заверения о полной миролюбивости дивизии по отношению к немцам, они успокоенные уезжали, обещая со своей стороны полное содействие во всем, что потребуется Первой дивизии...

Население Чехословакии тепло и радушно встречало дивизию. По всей стране быстро распространились слухи о приходе «Армии генерала Власова», которая восстала против немцев. Известие это ободряло чехов, активизировало их, придало уверенность в успех своей подпольной борьбы и вселяло надежду на несомненную помощь со стороны власовцев. Чешские партизаны стали более активно действовать, и партизанское движение начало охватывать всё большие и большие районы страны, разрастаясь буквально по часам.

Партизанам не хватало оружия и боеприпасов, у них не было централизованного руководства. В партизанском движении царил полный хаос и неразбериха.

С первого же дня в штаб дивизии и в полки со всех сторон стали приезжать делегаты от различных партизанских отрядов с просьбами снабдить их оружием и руководить их действиями. Они заверяли, что дивизия может рассчитывать на полную поддержку всего чешского народа, а если генерал Власов возьмёт на себя руководство партизанским движением, то поднимется вся страна, начнётся всенародное восстание...

Генерал Буняченко воздерживался от обещаний. Он старался не ввязываться в события, происходящие в Чехословакии. Но позднее, в пределах своих возможностей, дивизия стала снабжать партизан оружием, боеприпасами, медикаментами и даже продовольствием. Дивизия отдала им излишки своих запасов.

Генерал Власов умышленно не встречался с партизанами лично, но был в курсе всех переговоров генерала Буняченко с ними.

В Чехословакии между солдатами и офицерами дивизии и населением, сразу установились самые тёплые, дружеские отношения. Население со слезами на глазах изливало власовцам свои жалобы на жестокости нацистов в годы оккупации. Помня о произволе немецких оккупантов в захваченных ими областях России, власовцы относились к чехам с полным пониманием и самым искренним

горячим сочувствием...

С другой стороны, также с первых дней нахождения в Чехословакии между солдатами и офицерами Первой дивизии и немецкими военнослужащими местных гарнизонов начались эксцессы. Между власовскими и немецкими солдатами происходили драки, доходившие до применения оружия. Эксцессы учащались, угрожая принять повсеместный и массовый характер. Удержать власовских солдат от резкого проявления ненависти было трудно. Офицеры не могли применять строгих мер воздействия к подчинённым, так как сами они, глубоко сочувствовали чехам, полностью разделяли настроения своих бойцов. В их сердцах кипели то же возмущение, та же ненависть... Этот страшный порыв надо было сдерживать. Нельзя было допускать безрассудного проявления ненависти и мести. Нельзя было выпустить из рук командования силу влияния на подчинённых и допустить падение дисциплины, хотя это и было очень трудным делом...

На другой день утром, после прихода дивизии в Чехословакию, у генерала Буняченко было назначено совещание командиров полков. Главным вопросом совещания было обсуждение эксцессов с немцами и предотвращение их. Здесь всё внимание командования было направлено в первую очередь на поддержание дисциплины. Для этого в создавшихся условиях надо было применить какие то особые меры воздействия... Так или иначе, ко необходимо было регко пресекать возрастающее обострение отношений с местными немецкими гарнизонами.

В последнюю ночь произошли новые инциденты:

В одной из частей дивизии полевой караул боевого охранения обстрелял грузовой автомобиль с группой вооружённых немецких солдат, потому что шофёр не подчинился требованию остановиться. Немцев пытались задержать, но они оказали вооружённое сопротивление. Они были разоружены и распущены, а их оружие было здесь же роздано чешскому населению.

В другом полку часовой, стоявший при въезде в деревню, дал сигнал остановиться легковому автомобилю, в котором ехал немецкий офицер. Не обращая внимания на сигнал, автомобиль проехал мимо часового, чуть не сбив его с ног. Часовой отскочил и стал стрелять. Пули летели над головами ехавших, пробили кузов автомобиля, шины. Машина остановилась, из неё вышел разъяренный немецкий офицер и, подойдя к часовому, ударил его кулаком в лицо. Часовой от удара пошатнулся, но затем ответил ударом. Немецкий

офицер упал. Поднималась он вынул из кобуры пистолет и направил его на часового, намереваясь стрелять. В это время часовой выстрелил и застрелил офицера. Видя такую расправу, шофёр убежал...

На совещание пришёл генерал Власов в сопровождении группы немецких офицеров. Совещание началось...

Через некоторое время вошёл оперативный дежурный штаба дивизии со срочным докладом о чрезвычайном происшествии. Дело оказалось в том, что на одной железнодорожной станции, находившейся невдалеке от расположения штаба дивизии, только что произошло столкновение между немецкой командой СС и власовцами. В результате этого столкновения была убиты власовский офицер, два унтер-офицера и несколько солдат. Со стороны немцев было также несколько человек убитых и раненых. Шесть СС офицеров и солдат, участвовавшие в столкновении, были захвачены. Трупы убитых власовцев и задержанные СС-цы только что были доставлены на грузовых автомашинах в штаб дивизии.

Генерал Власов распорядился ввести СС-цев. Их ввели окровавленных, с опухшими от побоев лицами, в разорванных мундирах. Робко озираясь по сторонам, они с недоумением оглядывали присутствующих. Увидев сидевших здесь же немецких офицеров из группы сопровождения генерала Власова, они вытянулись и старший из них отрапортовал о случившемся.

При выяснении обстоятельств инцидента здесь же на совещании было установлено следующее:

– На железнодорожную станцию Лаун от одной из частей дивизии был выслан пикет – взвод под командой лейтенанта Семёнова. На станцию прибыл пассажирский поезд, в одном из вагонов которого ехала вооружённая команда СС-цев.

Между власовскими солдатами, дежурившими на станции и проезжающей командой СС по какому-то совершенно малозначительному поводу завязался конфликт. Дело грозило дойти до оружия. Лейтенант Семёнов со своими солдатами пытался задержать и разоружить СС-цев, но они оказали сопротивление. Из вагона по власовцам был открыт огонь из ручных пулемётов и автоматов. Завязалась перестрелка, в результате которой с обеих сторон были убитые и раненые. Был убит и лейтенант Семёнов.[1]

---

[1] Примечание:

В 1947 году советский генерал Д., находившийся в группе советских войск в Германии, через американское, командование разыскивал своего сына лейтенант Семёнова, находившегося с 194й года в

Убитые в этом столкновении власовцы были похоронены 29 апреля на кладбище Козоеды близ города Лаун.

Немецкие офицеры из группы сопровождения генерала Власова настаивали на том, чтобы задержанным немедленно возвратили оружие и отпустили бы их для дальнейшего следования по месту их служебного назначения. Генерал Власов согласился на это.

Когда же СС-цам перевели распоряжение генерала Власова, один из офицеров, не стесняясь присутствия старших немецких чинов, ответил: «Оружия мы не возьмём. Воевать бесполезно. Война проиграна!.. Он попросил отвезти их подальше от места происшествия, так как они боялись, что с ними расправятся власовцы, если их отпустят без охраны. Генерал Власов приказал всю эту группу, под охраной, вывезти на грузовике из Чехословакии на территорию Германии, что и было сделано...

Этот инцидент произвёл потрясающее впечатление на присутствующих. Возмущение и угроза немецких офицеров по адресу власовцев, а власовцев по адресу немцев высказывались тут же в столь резких формах, что казалось вот, вот произойдет драка. Немецкие офицеры, находившиеся при генерале Власове, почувствовали себя в опасности и попросили сопроводить их в отведённый для них дом. Они покинули совещание, оставив генерала Власова без своего надзора. В тот же день все они под надёжной охраной власовских офицеров выехали в Германию, а генерал Власов остался в Первой дивизии.

На совещании было решено на другой день рано утром выступить в поход, несмотря на недостаточный отдых. Было опасение, что длительное пребывание на одном месте может повести к ещё большим конфликтам.

Продовольствие и фураж, полученные в последний раз были израсходованы. Форсированный марш потребовал усиленного питания бойцов и лошадей.

Генерал Буняченко послал начальнику ближайшего немецкого военного склада приказ о немедленном снабжении дивизии всем необходимым по повышенным нормам. Приказ был выполнен беспрекословно, и дивизия на другое утро тронулась в дальнейший путь.

немецком плену. Узнав о его участии во власовской армии и о его гибели в Чехословакии в апреле 1945 года, он наводил справки о месте его похорон.

II

Уже трое суток дивизия находилась на территории Чехословакии. В течение всех этих дней представители чешских партизан днём и ночью не переставали посещать генерала Буняченко. Генерал Буняченко с большой охотой принимал этих партизан, подолгу беседуя с ними. Он старался понять действительную сущность партизанского движения в Чехословакии, его размеры, систему организации и руководства. В результате всех этих встреч можно было составить достаточное представление об этом. Было совершенно ясно, что в стране существует два вида партизанского движения. Один – так называемое национальное движение, созданное самими чехами, а другой – «народное», коммунистическое, которое организуется, поддерживается и руководится советской стороной.

Национальное партизанское движение было стихийным, неорганизованным. Оно не имело центрального руководства, было разрознено и плохо вооружено. Оно не имело координации в своих действиях. Эти национальные партизанские группы отличались своей удивительной пассивностью.

Коммунистическое партизанское движение существовало совершенно особо. Оно имело строгую организационную форму в виде групп и отрядов. Несмотря на их относительную малочисленность, их действия были строго координированы и проводились по очень гибкому оперативному плану. У них существовало центральное управление, они были очень активны, хорошо знали структуру своей организации и поставленные перед ними боевые и политические задачи.

Коммунистических партизан можно было легко определить даже по их внешнему виду, по наличию строгого военного порядка в группах и отрядах. Собственно, это были даже не партизаны, а можно сказать, войсковые подразделения под командованием кадровых офицеров, действующих партизанскими методами.

Задачи коммунистических партизан определялись совершенно конкретно (Цитируется по официальной коммунистической формулировке):

– Способствовать боевым успехам советских войск, которые освобождают Чехословакию от немецких захватчиков.

– Террористическими и диверсионными актами в немецком тылу дезорганизовать управление, связь и снабжение германской армии, а также уничтожать воинские железнодорожные эшелоны, разрушать пути сообщения и прочие военные объекты.

– Беспрерывно проводить разведку, уточняя намерения немецких войск, их продвижение, настроение, вооружение и снабжение.

– Политически активизировать население всеми способами, вплоть до провокационных, восстанавливать его против немцев, призывая к борьбе с фашистскими захватчиками.

– Вести пропагандную роботу среди чешского населения в том направлении, что советская армия несёт освобождение Чехословакии и установление свободного демократического порядка в стране.

– Популяризировать Советскую армию, Советский Союз, товарищей Сталина и Бенеша, разъясняя их большую роль в деле освобождения чехословацкого народа от немецких оккупантов.

Целый ряд других задач стоял перед коммунистическими партизанами боевого, политического, диверсионного и агентурно-разведывательного характера. У них была прямая радиосвязь с высшими штабами советской действующей армии. Коммунистические партизаны были обеспечены пропагандной литературой и располагали своими собственными подпольными типографиями. Характерно было то, что большинство этих коммунистических партизанских отрядов возглавлялись советскими офицерами.[1]

Коммунистические партизанские отряды существовали в небольшом количестве, но по мере приближения советской линии фронта, количество их значительно увеличивалось...

Коммунистическое движение не пользовалось популярностью среди чешского народа и не встречало в нём поддержки. При разговорах с местным населением, чехи называли их не иначе, как «советские партизаны», хотя они состояли из чехов. Коммунистические партизаны выдавали себя за национальных партизан, трусливо и лицемерно отказываясь от своей принадлежности к коммунизму, чтобы иметь поддержку от местного населения.

Партизаны того и другого направления не только раздельно действовали, но между ними существовала даже вражда. Как те, так и другие имели свои отличительные знаки – ленточки национальной расцветки, состоящей из белого, красного и

[1] Начальником Центрального Штаба партизанского движения был маршал Советского Союза К.Е.Ворошилов. Начальником Главного Штаба партизанского движения в Чехословакии был советский генерал-майор А.Н.Асмолов

синего цветов у одних и красные ленточки с красными звездами у других.

Следует отметить, что представители от коммунистических партизан ни разу не приезжали в Первую дивизию, но зато с их стороны неоднократно имели место случаи засылки в части дивизии лазутчиков, часто под видом национальных партизан. Были неоднократные попытки коммунистических партизан установить тайные связи с отдельными солдатами и офицерами Первой дивизии. Партизаны-националисты всячески старались отмежеваться от коммунистических партизан, утверждая, что они ничего не имеют с ними общего и свои национальные интересы считают несовместимыми с целями коммунистов ...

Как-то раз группа власовских квартирьеров следовала на велосипедах впереди движущейся колонны своего полка по лесной дороге. В лесу квартирьеры встретились с группой чешских партизан, одетых в защитного цвета однообразную форму с красными ленточками на груди и с красными звёздами на головных уборах. Разговорившись, партизаны сообщили, что неподалеку от дороги в лесу находится штаб партизанского отряда под командованием офицера советской армии. Партизаны также сообщили, что их командир является очень влиятельным лицом, и что с ним власовцам следовало бы установить связь. Разговор продолжался около получаса и вдруг появился сам партизанский начальник. Одет он был так же, как и другие партизаны. По-видимому, ему было сообщено о встрече с группой власовцев. Он был очень заинтересован приходом в район его действий Первой дивизии и, узнав, что она будет поблизости расположена на ночлег, просил передать командиру о желании встретиться с ним для переговоров. При этом он сказал: – «Я имею по радио прямую связь с командованием советской армии и могу дать возможность вашему командиру установить непосредственный контакт» ...

Разумеется, что генерал Буняченко и командир полка, узнав об этом, не сочли нужным вести какие то ни было переговоры ни с коммунистическими партизанами, ни, тем более, с советским командованием.

III

Дивизия продолжала свой путь, совершая небольшие переходы по 20-25 километров в сутки. Первого мая генерал Власов, не покидавший все эти дни дивизию, получил предложение ставки германского командования вернуться. Он ответил отказом.

Второго мая на марше, не доходя города Браун,

Первая дивизия подверглась нападению с воздуха со стороны американской авиации. Самолёты с бреющего полёта расстреливали колоны из бортового оружия. Немедленно были выложены на землю опознавательные знаки в виде русских национальных флагов, после чего обстрел прекратился и самолёты ушли. По-видимому, американские лётчики приняли выложенные русские национальные трехцветные флаги за чехословацкие, так как по расцветке и по форме они сходны. Кроме того, со стороны частей дивизии не было сделано ни одного выстрела по самолётам, летящим на небольшой высоте, а солдаты приветственно махали им руками. Это не могли не заметить американские лётчики. Кратковременный налёт авиации, продолжавшийся всего лишь несколько минут, стоил жизни нескольким десяткам солдат и офицеров, было убито много лошадей в обозах артиллерии и сожжено несколько автомобилей.

К исходу дня 2-го мая дивизия пришла в район Берауи, Мгишек, Горшовиц, в 50-ти километрах юго-западнее Праги, где и остановилась на ночлег. Штаб дивизии расположился в деревне Шухомасты. В этот же день поблизости приземлился немецкий самолёт, на котором прилетел власовский генерал-майор Шаповалов в сопровождении немецкого лётчика. Генерал Шаповалов сказал, что он прилетел по заданию немецкого командования уговорить генерала Власова прибыть в Ставку и оказать влияние на генерала Буняченко, чтобы со стороны Первой дивизии не допускать бы враждебные действия против немецких войск. Немецкое командование, по-видимому, уже отказалось от мысли вернуть дивизию в своё подчинение, желая обеспечить хотя бы ее нейтральность. Генерал Шаповалов также рассказал, что штаб Русской Освободительной Армии, Вторая дивизия, Запасная бригада и Офицерская школа находятся в Австрии около города Зальцбурга; что немцы во время следования этой группы войск всячески тормозили их продвижение, меняли маршруты, препятствуя её движению навстречу Первой дивизии. После получасового разговора генерал Шаповалов улетел обратно. Генерал Власов остался в дивизии. Было видно, что командование германской армией до последних дней не докладывало в Ставку Гитлера о том, что происходило с Первой дивизией.

Уже поздно вечером, в тот же день, из Праги в штаб Первой дивизии приехала делегация в составе нескольких офицеров в форме чехословацкой армии со знаками национальных повстанцев. Они отрекомендовались представителями штаба вос-

стания. Делегация сообщила генералу Буняченко. что в Праге подготовлено восстание, для начала которого им необходима помощь и поддержка. Откладывать восстание было невозможным, так как в этом случае его подготовка будет вскрыта немцами, и восстание будет обречено на провал. Они говорили, что единственная их надежда возлагается на армию Власова и они, безусловно, рассчитывают на помощь «братьев-власовцев».

– «Во имя спасения героических сынов Чехословакии, во имя спасения беззащитных стариков, матерей жен и детей наших, помогите нам. Чешский народ никогда не забудет вашей помощи в тяжелую минуту его борьбы за свободу» – говорили они генералу Буняченко.

Генерал Буняченко не считал себя вправе вмешиваться в дела Чехословакии, но оставаться равнодушным и безучастным в происходящих событиях для него было тоже невозможно. Не могли отнестись к этому безразлично и все власовские солдаты и офицеры Первой дивизии. Все они горячо сочувствовали чехам и восторгались их готовностью *к* неравной борьбе с немцами. Генерал Власов и генерал Буняченко прекрасно понимали ту ответственность, которую они взяли бы на себя, дав свое согласие на поддержку восстания. Делегация уехала, не получив определённого ответа.

За пять суток, которые находилась дивизия в Чехословакии, радушное гостеприимство, дружеское отношение местных жителей, располагали власовцев в их пользу. Страсти разгорались ... С новой силой закипала ненависть, вызывая у каждого стремление к возмездию за всё то, что перенесли русские, чехи и другие народы под нацистским гнётом. Каждому солдату и офицеру Первой дивизии казалось невозможным оставаться в стороне от начинающихся событий. Вместе с чехами они стремились принять участие в последней борьбе, в чем, в сущности, тогда уже не было надобности, для ускорения разгрома немцев и окончания войны. Генерал Власов всё ещё колебался. Учитывая настроение солдат и офицеров дивизии, генерал Буняченко был уверен, что, находясь в центре развивающихся в Чехословакии событий, дивизии невозможно будет оставаться безучастной. Если командование организованно не введет её в бой на стороне чехов, то дисциплина рухнет, люди сами стихийно вольются в эту борьбу. При этом будет потеряно управление войсками, удержать которое в своих руках командование не будет уже в состоянии... В этом генерал Буняченко был прав. Происходило противоречие психологии и политики – чувств и рассудка... Генерал Власов тоже понимал это. Надо было учитывать настрое-

ние и порыв людей в создавшихся условиях. Но ни Власов, ни Буняченко еще не решались сказать своё последнее слово.

Наконец, было решено, что Первая дивизия поддержит восставших чехов, но лишь при крайней к тому необходимости. Давать же в то время обещания об этом штабу восстания, генерал Власов ещё воздерживался...

На протяжении последних нескольких дней немецкие разведывательные самолёты не оставляли дивизию без своего наблюдения как во время марша, так и на отдыхе. По прибытии в Шухомасты генерал Буняченко через местные немецкие власти передал приказ, чтобы ни один немецкий самолёт не появлялся больше над частями Первой дивизии и предупредил, что в случае нарушения этого приказа немецкие самолёты будут уничтожаться. Полёты прекратились... В Праге подготовка чехов к восстанию, уже не могла оставаться неизвестной немецкому командованию, а поэтому дивизия более, чем когда либо, могла ожидать применения к себе крайних мер воздействия. Первая дивизия стояла возле Праги грозной тенью для немцев. Она в любой момент готова была ринуться в бой на помощь восставшим чехам. Казалось, что теперь немецкое командование не только могло, но и должно было бы применить к дивизии военную силу. Если раньше они своими угрозами пытались подчинить себе Первую дивизию, то теперь дивизия стала для них реальной и серьёзной опасностью. Немецкое командование должно было бы теперь обезвредить дивизию и лишить её возможности оказать помощь чехам и возможности себе удар в спину...

Охранение, разведка и боевая готовность дивизии не ослабевали ни на минуту.

Генерал Буняченко принял решение парализовать немецкие коммуникации в районе расположения дивизии и разоружить близстоящие немецкие тыловые и административные гарнизоны, захватить и передать чехам военные склады. План операции был разработан немедленно, и она должна была начаться с 5-ти часов утра 3-го мая. Все немецкие гарнизоны, а также военные склады были распределены по полкам дивизии, которые должны были приступить к их разоружению и захвату. Все проезжающие немецкие транспорты должны были при возможности захватываться, а имущество и вооружение передаваться чешскому населению. Эта операция должна была продолжаться в течение двух суток. Она была рассчитана на то, чтобы сделать невозможным передвижение транспортов по дорогам на подходах к Праге. Для всех транспортных средств дивизии были уста-

новлены резко бросающиеся в глаза отличительные знаки – белые круги диаметром 50 см, на всех четырёх сторонах автомобилей и повозок. О необходимости введения этих опознавательных знаков был предупрежден и штаб восстания в Праге.

Боевых столкновений не произошло. Немцы нигде не оказывали никакого сопротивления, бросали оружие.

При разоружении немецких небольших гарнизонов, главным образом служб тыла и административных органов, они также не оказывали сопротивления, отдавая себя в распоряжение частей дивизии. Немцы понимали, что при создавшейся ситуации и при существующем соотношении сил, сопротивление было бы бесполезным и привело бы только к бесцельным жертвам. Всем было ясно, что пришёл конец войны, конец Третьего Рейха... После разоружения всем немецким солдатам и унтер-офицерам предоставлялась свобода, и им было предложено расходиться по домам. Немецкие солдаты возбуждённо, поспешно и с нескрываемой радостью группами покидали свои гарнизоны. Офицеры же задерживались и сопровождались под конвоем в штаб дивизии. В деревне Шухомасты для офицеров были выделены специальные помещения, где они и содержались под охраной.

На другой день по приказу генерала Буняченко у немецких офицеров был произведен опрос претензий. Немецкие офицеры подали жалобу – во-первых, на то, что у них было отобрано их личное оружие, которое они просили вернуть и, во-вторых, что им было запрещено выходить из помещений. Конечно, эти претензии были отклонены. В тот же день офицеры были освобождены.

Все захваченное в гарнизонах и на складах вооружение, боеприпасы, продовольствие, обмундирование и прочее военное имущество раздавалось чешскому населению. Население ликовало, вооружалось, создавались группы самоохраны: Со всех сторон на автомобилях и на подходах приезжали чехи за оружием, которое в большом количестве отправлялось в партизанские отряды.

Во всех населённых пунктах дома украшались национальными чехословацкими и американскими флагами... Не было только советских флагов. Они появились уже после Пражского восстания, при подходе в эти районы советских войск.

Известие о выступлении Первой дивизии против немцев быстро распространилось по всей Чехословакии.

IV

Четвёртого мая в Праге началось восстание. Пражское радио беспрестанно посылало обращение к советской армии:

«Восставшая Прага, несмотря на преобладающую военную силу и технику немцев, истекая кровью, продолжает сопротивляться!.. Силы восставших патриотов иссякают. Окажите немедленную помощь. Дайте воздушный десант юго-восточаее города!..»

Советские войска, находившиеся в нескольких десятках километров от Праги, помощи не оказывали и не отвечали на обращения восставших чехов ни словами, ни действиями...

В ночь на пятое мая к генералу Буняченко вновь приехали чехословацкие офицеры из штаба восстания с просьбой о немедленной помощи восставшим. Несколько СС-ских дивизий, незадолго перед тем подошедших к Праге, применяя в большом количестве артиллерию, танки, авиацию, подавляли вспыхнувшее восстание. На улицах Праги шли бои. По словам приехавших за помощью чешских офицеров, повстанцы в первые же часы восстания уже не в состоянии были сопротивляться преобладающим численностью и вооружением немецким войскам. Восставшие были обречены на гибель. Восстание захлёбывалось, едва успев начаться.

После обсуждения этого вопроса с генералом Власовым, генерал Буняченко отдал приказ дивизии на выступление и через два часа полки уже были в походе в направлении чехословацкой столицы.

Вскоре после отъезда делегатов штаба восстания, Пражское радио стало передавать радостное для чехов сообщение:

– «Защитники Праги! Доблестные бойцы за свободу и независимость Чехословакии! Стойко держитесь, напрягайте последние силы... К нам на помощь идет армия Власова!»

Дивизия шла форсированным маршем, до Праги предстояло пройти около 50 километров. Во всех селах и городах, через которые проходили полки дивизии, население горячо приветствовало их. Возгласами «Наздар»[1], с цветами и слезами радости сопровождало население Первую дивизию, спешившую на выручку восставшей Праге. Тысячи ликующих людей стояли на улицах и площадях, приветствуя власовцев в благодарность за помощь, оказываемую чешскому народу в их

[1] «Наздар!» – По-чешски означает приветственный клич – «Да здравствует!»

национальной борьбе... Солдатам подносили вино, брагу, молоко, пищу и разные лакомства.

Это неподдельное, искреннее выражение признательности чешского населения не могло не действовать ободряюще на власовских солдат. Они чувствовали себя признанными героями и горели желанием в предстоящем бою на деле оправдать возлагаемые на них надежды чешского народа. Во всех населённых пунктах были подготовлены подводы и грузовые автомобили для перевозки солдат. Количество этих местных транспортных средств было настолько велико, что вся дивизия, фактически совершала свой марш на колёсах. Чехи помогали солдатам нести их заплечные мешки, оружие, снаряжение.

В дивизии ещё раньше были заготовлены портреты генерала Власова, которые раздавались населению. Они были в руках почти у каждого чеха и расклеены на домах. Не было ни одного чешского дома, где не было бы портретов генерала Власова, где не повторялось бы с благодарностью и любовью имя этого человека. При проезде через города и деревни самого генерала Власова с генералом Буняченко, ликование народа доходило до исступления.

Наконец, Пражское радио объявило:

«Защитники Праги, держитесь и не сдавайтесь» Помощь близка! Армия Власова подходит к городу!!!»

К исходу дня 5-го мая дивизия подошла к Праге и с ходу, развернувшись в боевые порядки, вошла в окрестности города.

Штаб дивизии остановился в деревне Бутовиц, в трёх километрах от Праги, а к утру следующего дня перешёл ближе к городу в предместье Иноницы.

Всю ночь чешские офицеры – делегаты штаба восстания приезжали в штаб дивизии. С руководством восстания была налажена непрерываемая связь. Штаб восстания ознакомил генерала Буняченко с положением восставших и с обстановкой, прося помощи в наиболее тяжёлых и угрожаемых для повстанцев участках. Для отличия солдат русской дивизии от немцев, ввиду того, что как те, так и другие были одеты в немецкую форму, – у каждого власовца на груди и головном уборе были нашиты красные, синие и белые ленты национальной расцветки. Эти ленточки в полки привозили сами чехи в громадном количестве.

С утра 6-го мая наступление дивизии развивалось успешно. СС-ские части, подавлявшие восстание, хотя и знали о подходящей к Праге Первой дивизии, но не успели обеспечить свои тылы,

по-видимому, не ожидая столь быстрого скачка дивизии и введения её в бой с ходу.

С раннего утра начала активно действовать немецкая авиация. Полк полковника Сахарова повёл наступление на аэродром, который был захвачен с 56-тью не успевшими подняться в воздух самолётами. Самолёты были в полной исправности, но использовать их не представлялось возможности из за отсутствия в дивизии лётного состава. Все самолёты были уничтожены. Немецкие самолёты сбивались з воздухе зенитными средствами дивизии.

К 12-ти часам дня первый полк подполковника Архипова, захватив мосты через реку Молдаву (Влтаву) западнее Праги, вошёл в город и с боями успешно продвигался к центру.

В 16 часов 30 минут над центром Праги, который еще утром был в руках СС-цев, взвились русский и чешский национальные флаги. В южной части шли бои в предместьях Праги и в черте города, а также по берегам реки Влтавы.

Вся артиллерия Первой дивизии обрушила свой огонь на артиллерийские огневые позиции СС-цев и вскоре немецкая артиллерия вынуждена была замолчать. Артиллерийскому обстрелу были также подвергнуты места скопления СС-ских войск, их позиции и штаб немецкого командования.

При обстреле этих объектов генерал Буняченко проявил особенную осторожность и предусмотрительность, проверяя сведения, которые поступали из штаба восстания и их заявки на артиллерийский огонь. Один раз чешские офицеры связи от штаба восстания просили об уничтожении одной СС-ской группировки, находившейся в районе обсерватории. Ознакомившись по карте с расположением объекта, подлежащего обстрелу, генерал Буняченко назначил для его уничтоженная шесть артиллерийских батарей, после чего вместе с чешскими офицерами выехал на большую возвышенность, западнее Праги, с которой был хорошо виден этот объект. Генерал Буняченко спросил: – «Точно ли вы уверены, что именно этот объект должен быть уничтожен?» И только получив утвердительный ответ, здесь же по телефону отдал приказ об открытии огня. Через несколько секунд мощным артиллерийским огнем из 36-ти орудий был покрыт район сосредоточения войск противника.

Резерв дивизии состоял из второго полка, который заняв завод «Вальтер» западнее Праги, расположился на его территории, ожидая приказа о введении его в бой.

По сообщению разведки с юга к Праге подходили свежие СС-кие части. Первый полк дивизии,

дравшийся на улицах Праги, подвергался опасности удара с тыла. Генерал Буняченко для предотвращения удара с юга бросил в бой находившийся в его резерве второй полк, с задачей преградить подход СС-ским войскам с юга.

Во второй половине дня положение повстанцев было восстановлено и преимущество было уже на их стороне. Большая часть города была полностью очищена от СС-цев и находилась в руках Первой дивизии.

Руководство штаба восстания выражало свою благодарность дивизии, по заслугам оценивая оказанную помощь, полностью признавая, что только благодаря Первой дивизии было спасено положение восставших.

Седьмого мая в Праге заседало только что созданное «Временное чешское правительство». Для связи с ним генерал Власов направил группу офицеров, которые сразу же по прибытии были приглашены на заседание.

На улицах Праги ещё шли бои. Солдаты Первой дивизии вместе с чешскими повстанцами дрались в этом бою; в штабе восстания горячо приветствовали Первую дивизию; гул артиллерийской канонады потрясал воздух. В это время «Чехословацкое правительство» принимало группу власовских офицеров.

– «Зачем вы пришли в Прагу?» – был первый вопрос, когда власовские делегаты вошли в помещение, где происходило заседание «Правительства». – «Мы вас не просили об этом!.. Штаб восстания – это не чешский народ и не его правительство. Это только военное руководство, которое в своих военных целях могло использовать все средства для успеха своих боевых действий. Мы, правительство, представители чешского народа, заявляем вам, что не нуждались в вашей помощи и не хотим иметь дела с изменниками своей родины и немецкими наёмниками!.. Советские войска маршала Конева уже подходят к Праге и поддержат наше восстание ... Ваше командование, по-видимому, рассчитывало искупить свою вину перед советской Родиной, партией и правительством за измену своему народу и теперь в последний момент вы изменяете своим союзникам – немцам ... Но пусть вам будет известно, что вы для нас такие же враги, как и немцы!..»

Власовские офицеры были поражены таким заявлением. Они возмущались, пытались возражать, доказывать несправедливость обвинения, пытались рассказать о сущности освободительного движения, о том, что заставило бывших подсоветских людей встать на борьбу с коммунизмом... Словами простых людей, какими они и бы-

ли, власовские делегаты рассказывали о тех обстоятельствах, которые привели дивизию в Прагу для помощи восставшим чехам... Они пытались передать то, что самим им казалось таким естественным и понятным.

Их слушали с ионическими улыбками, бросая грубые реплики:

– «Ну, вот видите, вы же сами говорите, что вы против коммунистов, а у нас здесь из 12-ти человек присутствующих членов правительства – 8 коммунистов. Вы же сами теперь подтверждаете, что вы наши враги... Мы рекомендуем вам, пока не поздно, переходить на сторону советской армии и постараться искупить свою вину перед вашей родиной. Это для вас единственный шанс!.. Если же наше начальство будет вам в этом препятствовать, то вы уберите его, возьмите командование дивизии в свои руки и делайте то, что мы вам советуем... Тогда и мы поможем вам и поддержим вас и с благодарностью примем вашу помощь штабу восстания и восставшему чешскому народу»...

На этом закончился разговор власовцев с «чешским правительством». Власовские делегаты вернулись в дивизию и доложили генералу Власову о том, что произошло.

Генерал Буняченко в это время находился на огневых позициях артиллерии, которая вела огонь по району города, где размещался штаб СС-ских войск, руководивший подавлением восстания. К нему приехал личный адъютант генерала Власова, капитан Антонов, который был в числе делегатов ездивших для переговоров с «правительством». Он здесь же рассказал о случившемся.

Возмущению генерала Буняченко не было предела. Обратившись к начальнику штаба дивизии, подполковнику Николаеву, он приказал с наступлением темноты выводить части дивизии из города. Сев в автомобиль, генерал Буняченко поехал к генералу Власову.

Когда в чешском штабе восстания узнали о намерении Первой дивизии оставить Прагу, к генералу Власову была послана делегация из высших чешских офицеров, которые упрашивали его не оставлять города и не обрекать восставших на поражение. Они утверждали, что как только дивизия покинет Прагу, немцы тотчас перейдут в наступление, воспрепятствовать которому повстанцы будут не в силах. Советские же войска бездействуют и не оказывают помощь чехам.

«Инцидент» с правительством, они буквально так и выразились – «инцидент», пытались объяснить каким-то «недоразумением», для выяснения

которого, по их словам, из штаба восстания туда уже выехали представители для объяснения. Делегаты штаба восстания наивно заявляли, что эта «ошибка» будет исправлена и генералу Власову будут принесены изменения.

Было очевидным, что чехословацкое временное правительство, организованное Москвой, играет главную роль в происходящих событиях. Очевидным было и то, что штаб восстания не был связан с этим «правительством» и больше того, даже не знал о его существовании...

Вскоре после этого, пражское радио опять стало посылать обращения к советской армии с просьбой выслать десант и ускорить продвижение советских войск к Праге. Восьмого мая по советскому радио было объявлено, что войска маршала Конева подходят к Праге для поддержки восстания. На самом же деле войска советской армии вошли в Прагу только 9-го мая, уже после объявления капитуляции Германии.

В районе действий полка Сахарова восьмого мая появилось несколько американских танков. Полковник Сахаров связался с американцами. Он узнал, что эта группа не имела никаких боевых заданий и направлялась в Прагу с совершенно с другими целями. Это были корреспонденты, репортеры, журналисты, которые с большим интересом рассматривали власовские войска, фотографировали их и делали при этом заметки в своих блокнотах.

Один американский офицер в разговоре с полковником Сахаровым, сказал ему:

– «Я сомневаюсь в том, что американское командование стало бы вести с вами переговоры об интернировании. Но я надеюсь, что ваши боевые действия в Праге против немцев, могут послужить для вас хотя бы частичным искуплением вашей вины перед советским правительством за ваше сотрудничество с немцами во время войны...»

Это была первая встреча и первый разговор с американцами. Тяжело было видеть полное непонимание американцами Власовского Освободительного Движения и полное незнание сущности коммунистического режима. Утешением было только то, что это мнение было выражено каким-то отдельным лицом, которое, по всей видимости, совершенно не понимает сущности событий и создавшейся ситуации и что это совсем не отражает взглядов командования американской армии и правительства США.

Этот разговор с американцами оставил тяжёлое впечатление и был предметом долгих обсуждений среди солдат и офицеров Первой дивизии.

Всю ночь до рассвета 8-го мая полки выходили из боя, собираясь в предместьях Праги, а утром дивизия направилась к тому месту, где стояла до входа в Прагу.

Чешское население с удивлением и тревогой смотрело на уходящие власовские войска. Чехи были поражены, узнав о происшедшем. Никто не мог понять причины такого отношения со стороны откуда-то появившегося «правительствам к власовцам, которые оказали чешскому народу, как они сами говорили, «братскую помощь в минуту их смертельной опасности ...» Население выражало удивление и самому факту существования «правительства», о котором ничего не было до этого известно.

Дивизия пешим маршем отходила от Праги.

Снова улицы были заполнены народом. Но не радостным было его прощание с власовскими войсками. Не с восторженными криками и приветствиями, а со слезами страха и отчаяния люди провожали бойцов, обращаясь к ним с мольбой не уходить, а остаться защищать их. Женщины, плача, становились на колени, протягивали своих детей, преграждая путь уходящим полкам ...

Солдаты шли с мрачными, суровыми лицами, молча, не глядя на убитое горем мирное население... Объяснения, которые давались населению о причине ухода Первой дивизии, мало утешали чехов. Многие говорили, что это была советская провокация... Чешские офицеры из штаба восстания несколько раз догоняли уходящую дивизию на автомобилях, умоляя вернуться в Прагу...

Переночевав в районе Бораун, Мнишек, Горшовиц, Первая дивизия тронулась в дальнейший путь с целью выйти на территорию, занятую американскими войсками... По радио было объявлено о капитуляции Германии. Война была закончена, но мир еще не наступил, бои местного характера продолжались... Во многих местах еще существовали очаги сопротивления немецких войск. В лесах и горах отсиживались СС-цы, не желая сдаваться, продолжая свое бессмысленное, безрассудное сопротивление. Упорство этих немецких войск доходило до фанатизма. Поразительной была сила дисциплины и самоотверженное выполнение воинского долга – подчинение приказу!..

По пути движения, части её головного походного охранения, иногда обстреливались немецкими заслонами. Головное охранение разворачивалось в боевые порядки, но немцы не ввязывались в бой, поспешно снимались с позиций и уходили... В этих местах ещё не было ни американских, ни советских войск.

При прохождении дивизии через город местные

жители сообщили о том, что накануне чешские коммунистические партизаны захватили каких-то трёх власовских генералов и держат их в своём штабе, который находится в этом же городе. Через город проходил первый полк дивизии. Командир полка, подполковник Архипов, получив сведения о пленении власовских генералов, немедленно окружил партизанский штаб и потребовал выдачи захваченных генералов. Партизаны ответили, что генералов у них нет. Обыск, произведённый во всем доме, обнаружил несколько человек солдат и унтер-офицеров из группы охраны начальника штаба Освободительной Армии, генерал-майора Трухина. Они сообщили, что чехами были захвачены генерал-майор Трухин, генерал-майор Боярский и генерал-майор Шаповалов с небольшой группой охраны в то время, когда они ехали на автомобилях в Первую дивизию. Куда делись генералы, тогда установить так и не удалось. Только позднее выяснилось, что генерал Боярский и генерал Шаповалов были убиты партизанами, в то время когда они пытались оказать сопротивление, а генерал Трухин был передан советским войскам и впоследствии отправлен в Москву.[1]

[1] Примечание:

В газете «Красная Звезда», органе Министерства Обороны СССР от 10.12.1959 года это событие описывается так: ... «На подавление восстания в Праге, Гитлер бросил армию предателя Власова. Пока его части двигались на город, высшие чины так называемой русской освободительной армии – решили покинуть «тонувший корабль» и поспешили повернуть туда, откуда подходили американцы и англичане. Не зная еще, что город Пришибрам в руках партизан, 30 власовских полковников и три генерала (Трухин, Боярский и Шаповалов) на машинах примчались в город. Но, вместо привычного для них флага со свастикой, они увидели чешский и советский. Однако, поворачивать было уже поздно: партизаны схватили их. Допрос «высокого» начальства помог выяснить местонахождение самого Власова. И в том, что этот предатель предстал впоследствии перед советским судом и понёс заслуженную кару, – немалая заслуга партизанского соединения, которым командовал Олесинский...»

... 9 мая в чешскую столицу вошли советские танки. Отступающие фашисты ринулись на запад, чтобы сдаться в плен американцам и англичанам ...»

Что же касается вышеуказанного капитана Олесинского, то за два дня до этого опубликования, в газете «Красная Звезда» от 8. 12. 1959, сказано что:

«Олесинский Евгений Антонович, советский капитан. В феврале 1945 года он был направлен в Чехословакию для организации партизанского движения. Перед заброской в Чехословакию его инструктировал лично Н.С.Хрущёв, который тогда был членом Военного Совета Украинского фронта».

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

I

Поздно вечером 9-го мая всё ещё на территории Чехословакии, дивизия пришла в район Розенгал, Боильшиц, Классойовиц, в 30-ти километрах юго-западнее Пршибрам. Танковые части 3-й американской армии находились уже в этом районе, но дивизия ещё не встречалась с ними. Штаб дивизии расположился в деревне Хвождианы.

С утра 10-го мая в расположении полков стали появляться американские танки. Американские офицеры требовали сдать оружие и отвести полки в указанные ими районы, где ожидать новых распоряжений. Командиры полков категорически отказались выполнить распоряжение американцев и заявили, что они не станут выполнять никакие распоряжения, помимо своего командира дивизии. Американцы, не желая создавать конфликтов, уезжали, не вступая в споры. Полки же оставались на местах, ожидая дальнейших событий в полной боевой готовности. После этого все вопросы стали разрешаться через штаб дивизии. В тот же день генерал Буняченко получил приказ от американского генерала разоружиться. Пришлось подчиниться безоговорочно. Части дивизии сдали оружие 10 и 11 мая. В полках разрешено было оставить по десять винтовок на роту, а всем офицерам их личное оружие. Первая дивизия начала рушиться. Дальнейшая её судьба оставалась неизвестной.

К концу дня 11-го мая обезоруженные полки дивизии были стянуты в одно место, где расположились бивуаками, строго сохраняя свою организацию, поддерживая внутренний порядок, дисциплину и внешний вид воинских частей. Солдаты смотрели на своих командиров с полной надеждой и верой, вручив им свои судьбы. Дивизия считала себя интернированной и с доверием относилась к американскому командованию. Все верили, что американцы не предъявят власовцам незаслуженных обвинений и, что они получат, если не признание и поддержку, то, во всяком случае, право убежища и защиту.

Генерал Власов 11 мая приехал в американский штаб и был помещён в замок Льнарж, возле города Шлюссельбурга. В тот же день стало известно, что район, в котором была расположена дивизия, должен быть передан советским войскам, прибытие которых ожидалось буквально с часу на час.

Генерал Буняченко попытался связаться с американским командованием, чтобы добиться права перехода дивизии на американскую территорию, где и ожидать разрешения вопроса о судьбе дивизии. Попытка эта не увенчалась успехом. Дивизия должна была оставаться на месте, на нейтральной, вернее, ещё не занятой советскими войсками территории. Это взволновало людей – что же будет дальше? Появились признаки морального разложения, дисциплина падала, но вера в своих командиров ещё оставалась. Они оставались на своих местах, в своих подразделениях, со своими солдатами .Это действовало сдерживающе и ободряюще. Это поддерживало надежду, что переговоры с американцами приведут к благоприятному исходу, а, значит, и к выходу из создавшегося положения.

Во второй половине дня в расположении полков стали проникать советские офицеры-пропагандисты. Они всячески порочили имя генерала Власова, генералов и офицеров – власовцев, называя их немецкими агентами, фашистскими наймитами, изменниками Родины, предателями и врагами русского народа. В своих речах они говорили: – «Ваши командиры продались немцам и обманывали вас! А теперь они торгуются с американцами, чтобы ценою вашей жизни создать своё личное благополучие. Советское правительство не винит вас – простых солдат в ваших заблуждениях, в ваших ошибках, не винит раскаивающихся офицеров, вставших на путь измены под влиянием трусости, для спасения своей жизни в немецких лагерях смерти. Вас ждёт прощение... Вас ждёт Родина-мать, ваш нарой, ваши родные, близкие, друзья... На Родине вас ждет счастливая, радостная жизнь!.. Советская власть не мстит и милостиво плошает искренне раскаявшихся... Не слушайте ваших командиров, они продолжают обманывать вас и теперь, когда положение уже стало совершенно безнадёжным. Они запугивают вас клеветой на советскую власть, чтобы удержать вас в своих руках, не допустить возвращения на Родину. Переходите немедленно и вы убедитесь в правдивости наших слов и не раскаивайтесь в этом...»

Молча слушали власовцы несправедливые обвинения и упреки, направленные по адресу их командиров и самого генерала Власова, – того человека, чьё имя глубоко запало в сердца каждого из них на чужбине. Для них имя Власова было неразрывно связано со светлыми надеждами на освобождение России от коммунизма. Слушали власовцы нечестные заверения советских пропагандистов и не верили им... Все, что говорилось про-

тиворечило тому, что каждый власовец, будь то солдат, офицер или генерал, пережил на Родине, на самом себе, что видел собственными глазами. Переубедить таких людей пустыми словами, заверениями малограмотных наёмных пропагандистов было невозможно ... Слушали и думали каждый по-своему... Что делать? -– Поддаться-ли советской пропаганде, сделать вид, что веришь тому, что говорят, что обещают и отдаться на милость победителя? – Но всё равно не удастся миновать суровой расправы... Пойти на предательство своих соратников, тех, с которыми стоишь вот сейчас плечо к плечу, чтобы этим сыскать себе снисхождение?.. – Где взять столько лицемерия и подлости для этого?.. Затаив в душе бессильную обиду, уйти на Запад в неизвестность, в страну своих врагов, побеждённых другими, в чужой мир?.. – Но как, куда? Без языка, без средств для существования, без перспектив.... – Что будет дальше?..

С быстротой, на которую способны только мысли, мелькало пережитое: – убогая, в потогонном труде жизнь на родине, в стране «победившего социализма»; массовые сталинские репрессии, тюрьмы, лагери; война, паническое бегство советских армий не желавших защищать ненавистный режим; позорное поражение и уничтожение целых армий силой немецкого оружия; плен со всеми ужасами, немецких лагерей, в которых сотнями тысяч гибли советские люди от истощения... Затем пробеск – Идея освободительной борьбы против коммунизма... Движение генерала Власова!.. Наконец, – Первая дивизия, обреченная немцами на бесцельную, никому ненужную, гибель... Её нелепые боевые действия и конфликт с немцами в целях сохранения людей; неоправданные надежды на американцев, безвыходность и отчаяние ... И вот, – советские пропагандисты обещают всепрощение и счастливую радостную жизнь на горячо любимой Родине... Но суровый, не знающий снисхождения советский закон не отменен и остается в полной силе: – «Отход, без приказа с занятой позиции – расстрел!.. Сдача в плен – расстрел!.. Переход на сторону врага – расстрел!.. Неисполнение боевого приказа – расстрел!.. Нарушение присяги в бою – расстрел!.. Где же место милости обещаемой маленькими политическими пропагандистами? Для кого существует счастливая жизнь на осовеченной Родине?.. Что делать?..

Выступления советских пропагандистов оказывали действие, совершенно обратное тому, какое они хотели вызвать. Сердце каждого власовца кипело возмущением от явной лжи, которой рассчитывали воздействовать на них... Однако, с советскими офицерами власовцы держались коррект-

но, с выдержанностью и не проявляли против них никаких враждебных выпадов.

Советские пропагандисты обычно приезжали в сопровождении нескольких вооружённых солдат и делали свое дело. Но иногда в расположение полков дивизии случайно попадали отдельные советские офицеры, едущие и по другим делам. Таким образом, в одну из деревень, занятую власовцами, приехал советский майор. Он был без шофера и вёл машину сам. Группа власовских офицеров остановила его, окружила и стала приглашать зайти в дом, выпить, поговорить по душам, майор упорно отказывался, но тем настойчивее были приглашения. Наконец майор понял, что ему не удастся отделаться от своих гостеприимных соотечественников и что отказываться бесполезно. Чувствуя невозможность иначе убедить добродушную компанию, он с полной откровенностью сказал: – «Бросьте, ребята, не надо! Отпустите меня. С вами посидишь, а после неприятностей не оберёшься» ... И, видимо, желая пошутить, со смехом добавил – «Вам то всё равно быть повешенными, а я ещё пожить хочу»...

Власовцев нисколько не обидела, да и не смутила эта горькая шутка столь похожая на правду. Они продолжали настаивать на своём, не давая уехать советскому майору. Чуть ли не силой они заставили его выйти из автомобиля и войти к ним в дом.

Гостя усадили за стол. Появилась водка, закуска, завязалась оживлённая беседа. Разговор сразу же начался на политические темы, разгорался спор. Власовцы с лёгкостью разбивали все доводы советского офицера, который по долгу службы должен был возражать и защищать коммунистическую систему в своей стране. Но постепенно, он из горячего соучастника спора превращался во всё более и более заинтересованного слушателя. Он всё чаще и чаще задавая вопросы, внимательно и с интересом выслушивал то, что говорили власовцы. В конце-концов, под влиянием выпитого, располагающего дружеского приёма и всего им услышанного, забыв об осторожности и благоразумии, он сказал:

– «Да, ребята, всё это верно, что вы говорите... Плохо только то, что связались вы в этом деле с фашистами...» На это власовцы дружно ответили широко распространенным в то время выражением: – «Нам бы хоть с самим чёртом, только бы против коммунизма!» ...

Через два часа советский майор уехал. Он долго и тепло прощался со своими новыми случайными друзьями... Не поздоровилось бы этому майору, если бы там узнали об его откровенной беседе.

В тот же день, в один из полков на грузовом автомобиле приехал советский лейтенант в сопровождении четырёх вооружённых автоматами солдат. Вокруг него собралась большая толпа власовцев. Некоторые были вооружены винтовками. Взобравшись на крышу кабины грузовика, советский офицер начал произносить речь. Это было обычное, стандартное выступление всех приезжавших пропагандистов. Он заискивающе, лицемерно называл власовцев дорогими друзьями, братьями, соотечественниками, русскими людьми, ребятками и т.п. Он клеймил позорными и оскорбительными кличками генерала Власова и всех офицеров РОА. Он призвал к немедленному добровольному переходу на советскую сторону и к выдаче командиров.

В это время к собравшейся толпе подошел командир полка. Послушав оратора, он стал пробираться в толпе к грузовику. Власовцы заметили своего командира, расступались, давая дорогу, подталкивали стоящих впереди со, словами: – «Дайте дорогу нашему полковнику»...

Советский пропагандист заметил движение в толпе, увидел и подошедшего командира полка, но продолжал свою речь, хотя заметно смягчил тон, воздерживаясь от оскорблений генерала Власова и его офицеров.

Подойдя к грузовику, командир полка, обращаясь к лейтенанту строго произнёс: – «А ну-ка, слезайте вниз!. »

Оратор опешил и замолчал, не зная как ему поступить.

Он не хотел терять своего престижа перед толпой власовцев, да и перед своими четырьмя солдатами, с интересом наблюдавшими из кузова за происходящим. Продолжая стоять на крыше кабины, советский лейтенант заносчиво спросил: – «А вы кто такой?» ... Несколько голосов из толпы одновременно ответили: – «Это наш командир полка». Лейтенант, чтобы показать свою независимость и своё пренебрежение к власовскому офицеру, принадлежавшему к числу тех, которых он только что так бесцеремонно поносил, с высокомерием произнёс:

«Ну что-ж из этого, что командир полка?.. Теперь у вас уже нет полков. Кончено!.. Навоевались!.. Теперь домой ехать надо!..» – Затем, обращаясь к толпе, ожидая одобрения и поддержки, самоуверенно воскликнул: – «Правильно я говорю, ребята?» ... Толпа молчала.

«Марш вниз!» – возвысив голос, тоном приказа повторил командир полка.

Советские солдаты, перехватили свои автоматы на боевую изготовку. В ответ на это в толпе вла-

совцев, со всех сторон послышалось щёлканье винтовочных затворов. Послышались угрожающие возгласы.

Лейтенант никак не ожидал такого оборота дела. Самоуверенная мина исчезла с его лица, и он стал медленно и неловко слезать с грузовика, нерешительно бормоча при этом: – «Ну и что же – слезу... В чём дело? Я приказ имею» ...

Спустившись на землю и очутившись в толпе рядом с командиром полка, советский офицер окончательно сконфузился и растерявшись стал оправлять свою форменную рубаху, потом вытянулся и с выражением полной готовности подчиниться любому приказу, ожидал, что будет дальше. Советские солдаты, опустив автоматы в нерешительности стояли в кузове грузовика, не зная, что им предпринять.

«Идите за мной!» – приказал командир полка и стал выходить из толпы расступавшихся перед ним своих солдат. Отойдя в сторону, командир полка, сказал советскому офицеру:

«Я сейчас отпущу вас, и вы убирайтесь отсюда к чёрту! Но до этого вы должны ответить мне на вопросы, которые меня интересуют».

«Хорошо, – ответил лейтенант – только прошу вас позвать сюда моих солдат».

«Нет! – возразил командир полка. – Я хочу задать вам такие поросы, на которые вам будет неудобно отвечать в присутствии ваших подчинённых. Будем говорить наедине, без свидетелей».

Лейтенант буквально взмолился, настоятельно прося позвать его солдат.

«Неужели вы не понимаете, товарищ полковник, – говорил он, – что если я буду разговаривать с вами без свидетелей, то меня могут обвинить черт знает в чем. Ведь вы же сами, наверное, служили в советской армии и хорошо знаете, что как только я вернусь в свою часть, меня сразу потянут куда полагается... Начнутся допросы, мне грозят большие неприятности... Пожалуйста, разрешите подойти моим солдатам»...

«Я очень хотел бы, чтобы то, что вы сказали мне сейчас, слышали бы те, перед которыми вы только что держали свою лживую пропагандную речь, – сказал командир полка, – замечательно характерно для советской системы... Эти ваши слова спасли бы многих от опасного доверия и опрометчивых поступков. Но не будем терять время. Сейчас же отвечайте мне на вопросы: Где сейчас находятся советские войска и когда они подойдут сюда? Где будет проходить граница между американской и советской территориями в этом районе? Какие указания имеет ваше коман-

дование в отношении власовцев? ... Отвечайте, и я отпущу вас...»

Лейтенант боязливо оглянулся в сторону своего грузовика, украдкой посмотрел по сторонам. Рядом никого не было. Секунды поколебавшись, он пониженным голосом, быстро, почти скороговоркой, стал говорить: – «Наши подойдут сюда сегодня вечером. Мы должны будем занять эту территорию вплоть до Дуная, ко когда американцы отведут свои войска за Дунай, нам не известно. Кажется, они не хотят этого. В отношении власовцев существует приказ во что бы то ни стало добиться их перехода на нашу сторону и как можно скорее. В крайнем случае, захватить силой. Ни в коем случае не допустить их перехода к американцам... Отпустите меня, товарищ полковник. Я сказал всё, что знаю. Я не могу больше оставаться с вами, мне грозят большие неприятности. Вы меня очень подвели»...

Командир полка отпустил растерянного и напуганного лейтенанта, который почти бегом направился к грузовику. Грузовик тронулся. Толпа расступилась, давая ему проезд. Со всех сторон слышались насмешливые выкрики и пронзительный свист.

Лейтенант поместился не в кабине с шофером, где было его место, а в кузове с солдатами. На ходу, он, энергично жестикулируя, что-то с жаром возмущённо рассказывал.

Власовцы окружили своего командира полка. Они шутили, высмеивая советского пропагандиста, со свойственным русскому человеку юмором, хотя на сердце каждого была тяжесть от сознания создавшегося положения и самых мрачных перспектив.

II

В тот же день разведка Первой дивизии установила, что с востока, в направлении расположения дивизии, двигаются советские танки. Штаб дивизии находился в деревне Хвожднаны. Генерал Буняченко немедленно, по радио вызвал к себе командиров полков, но вскоре советские танки показались вблизи деревни Хводжианы. Штаб дивизии поспешно перешёл из деревни в находящийся поблизости лес. Когда же командиры полков подъезжали к Хводжианы, то там уже находились советские войска. Куда переместился генерал Буняченко со своим штабом, никто не знал.

Спускались сумерки. Командир второго полка в сопровождении своего шофёра и ординарца, на автомобиле подъехал к деревне Хводжианы, в полной уверенности, что там находится штаб дивизии. При въезде в деревню, машина была остановлена автоматчиками сторожевого охранения.

Даже в сумерках не трудно было разглядеть советскую Форму. Положение создалось критическое, и казалось, явно безвыходное. Плен и, конечно, неминуемая гибель ... Сопротивляться под направленными стволами автоматов было бесцельным и равносильно самоубийству. Как всегда, даже в самые опасные моменты не покидает надежда на спасение, самые неожиданные планы появляются в голове, которые не придумаешь и при глубоком раздумье. Так и здесь – хитрая уловка, даже самая рискованная, – единственный шанс. Только бы не показать своего страха, не растеряться, не допустить оплошности... Командир полка назвал себя парламентёром от генерала Власова и сказал, что он приехал к старшему начальнику стоящих в этом районе советских войск для переговоров. Его, под конвоем повели в штаб. Сзади, в нескольких шагах следовал автомобиль с двумя власовскими солдатами, окружёнными советскими автоматчиками. Предательство шофера или ординарца, далее неосторожно сказанное слово без всякого злого умысла, могло стоить жизни их командиру. Но они слышали, что он сказал при задержании и, к счастью – не оказались предателями ...

Как позднее выяснилось, здесь находилась 162-я танковая бригада, которой командовал полковник Мищенко.

Пока шли под советским конвоем, буквально, за несколько минут до встречи с полковником Мищенко, созрел отчаянный и рискованный план ... Подошёл полковник, Мищенко с группой своих офицеров – небольшого роста, коренастый, крепкого сложения человек. Власовский «парламентёр» представился по воинскому этикету и доложил, что прибыл, чтобы договориться о взаимоотношениях между Первой дивизией генерала Власова с советскими войсками. Он сказал, что дивизия расположена неподалёку, имеет в своем составе до двадцати тысяч человек и, что в связи с подходом советских войск могут произойти нежелательные конфликты. Во избежание вооружённых столкновений и ненужного кровопролития, генерал Власов прислал его, чтобы установить образ действия и поведения советских и Власовских войск, стоящих друг перед другом, в полной боевой готовности.

Для полковника Мищенко приезд власовского «парламентёра» был совершенно неожиданным. Он, по-видимому, не знал, как ему поступить. Арестовать власовского офицера, имеющего полномочия переговоров в интересах обоих сторон,

он не решался. Двадцатитысячная дивизия, стоящая неподалёку оказалась серьезной угрозой, которая, вероятно, и возымела свое действие на решение полковника Мищенко. Тень былой Первой дивизии спасла жизнь мнимому парламентёру. Мищенко сказал, что его бригада только что подошла сюда, утомлена большими переходами и сейчас располагается на отдых. Of: сказал также, что не ориентирован в обстановке и предложил «парламентёру» подождать в штабе или приехать через два часа. К тому времени, он, мол, закончит дела с расположением бригады и получит указания по поводу переговоров.

Командир полка ответил, что его долгое отсутствие может вызвать недоумение и нежелательные последствия и, что будет лучше, если он теперь вернётся к себе, а через два часа приедет опять. Пока же он просил полковника Мищенко принять меры, чтобы не допустить столкновения между советскими и власовскими частями. Полковник Мищенко обещал это сделать и со своей стороны просил такие же меры принять и в Первой дивизии. Назначив своего офицера, чтобы вывести власовского «парламентёра» из расположения своей бригады, полковник Мищенко сказал, что при вторичном приезде достаточно будет назвать имя командира второго полка, чтобы его беспрепятственно пропустили и сопроводили в штаб бригады.

Командира полка вместе с шофёром и ординарцем на машине проводили за кольцо охранения. С облегчённым сердцем они поехали к себе в полк... Благодарение Богу! Чудо-спасение... Ехали молча, не проронив ни слова в вечерней сумеречной полутьме. Молча поглядывали друг на друга, понимая мысли без слов, не веря счастливому исходу... А может быть, здесь кроется какой-нибудь подвох?.. Нет! Они определённо боятся столкновений. Война кончена. Каждому хочется остаться живым. Так же как и мне самому. Нет, подвоха быть не может! Быстрее в полк!.. Нервы не выдерживают. Чем меньше сознания опасности, тем больше теряется самообладание ...

Поднявшись по тревоге, второй полк двинулся к городу Шлюссельбургу, который был занят американскими войсками. Американцы отказали дивизии в переходе на свою территорию и выставили танковые заслоны. Советские войска на утро должны были занять этот район. Наступавшая ночь давала возможность выиграть воемя только до утра. Советские части ночевали в 3-5 километрах от линии американских войск, возле которой, на окраине Шлюссельбурга, в сомкнутых колонах беспомощно стояли полки Первой дивизии.

Генерал Буняченко и штаб дивизии находились здесь же. Связь с генералом Власовым была потеряна. Предполагали, что он уже с американцами и это поддерживало дух. Попытки генерала Буняченко связаться с американским командованием, по-прежнему оставались безрезультатными. На настойчивые просьбы пропустить генерала Буняченко, через танковый заслон, для переговоров в американский штаб, ему сообщили, что переговоры назначены в 10 часов утра следующего дня. По-видимому, и для американцев надо было иметь время, чтобы получить указания свыше как поступить с власовской дивизией. Было совершенно ясно, что американское командование не понимало и не хотело понимать того, что с наступлением рассвета советские войска подойдут к границе американской зоны, и Первая дивизия очутится в их руках...

Наступила ночь. Надежда на пропуск дивизии была сомнительной. Переговоры назначенные на утро могу! стать уже не нужными, да и, по всей видимости, вообще они не предвещали ничего хорошего. Сомнения перерастали в отчаяние, растерянность, страх. Необходимо было немедленно, что-то предпринять, чтобы спасти людей. Но, что можно было сделать?...

Около 23 часов к генералу Буняченко приехали два советских офицера – майор и лейтенант. По внешнему виду и по манере держать себя, оба они были типичными политработниками, если не чекистами особых отделов НКВД. Представляясь генералу Буняченко, они особенно подчеркнули, что является строевыми офицерами. Это получилось так неестественно, что только подтверждало обратное. Буняченко принимал их в своем автомобиле т.к. не имел другого, более подходящего места. В это время подъехал командир второго полка. Увидев его, генерал Буняченко вышел из автомобиля и командир полка рассказал ему, как он попал к полковнику Мищенко и всё, что произошло с ним. Генерал Буняченко уже знал об этом, от приехавших советских офицеров, которых полковник Мищенко прислал узнать – куда же девался парламентёр?.. Из разговоров между Буняченко и советскими офицерами было видно, что советскому командованию не было известно о том, что дивизия разоружена и в каком безвыходном положении она находится. Они были в полной уверенности, что дивизия имеет возможность уйти на американскую территорию.

Советские офицеры, от имени своего командования, заявляли о полной гарантии сохранения жизни всему личному составу Первой дивизии.

Они утверждали, что советским правительством объявлена амнистия всем участникам Освободительного движения, которые добровольно перейдут на советскую сторону. Они предлагали генералу Буняченко немедленно перевести дивизию, обещая сохранить её в том организационном виде, в котором она находилась, до окончания разрешения вопроса о том, как может быть использована дивизия после перехода на советскую сторону. Единственное условие, которое ставилось при этом это то, чтобы дивизия немедленно сдала бы свое вооружение.

Слова советских представителей не внушали никакого доверия. Все их обещания были весьма сомнительными, более того, для знающих советские порядки – просто абсурдными. Была совершенно очевидна уловка, целью которой было добиться перехода дивизии. Несмотря на это, генерал Буняченко поддерживал переговоры в деловом тоне, делая вид, что верит даваемым обещаниям. Это была тактика применения хитрости в условиях беспомощности и отчаяния. Обман должен был быть похожим на правду. Надо было выиграть время, задержать репрессивные действия советских войск против дивизии. Генерал Буняченко давал понять, что согласен на переход, но что он настаивает на соблюдший некоторых формальностей. Он просил письменную гарантию советского командования о сохранении жизни всему личному составу, и объявить ее по радио. Буняченко ещё надеялся на успешные переговоры с американцами, которые были назначены на утро.

Для оформления вопроса о переходе дивизии и для выработки условий перехода, было здесь же решено послать с советскими представителями старшего офицера. Первоначально Буняченко хотел послать начальника штаба дивизии подполковника Николаева, но тот в тот момент где то отсутствовал. Когда же неожиданно появился командир второго полка, Буняченко решил послать его. Он дал ему указания наедине о том, как себя вести и чего добиваться при переговорах. В заключение генерал Буняченко добавил: – «Вам там будет виднее, как лучше поступать. Но помните, что нам нужно выиграть время до двенадцати часов завтрашнего дня. От того, как вы сумеете выполнить эту задачу, будет зависеть спасение дивизии...» Дав эти указания и пожелав успеха. Буняченко крепко обнял своего парламентёра.

Около двенадцати часов ночи парламентёр выехал с советскими офицерами в расположение советских войск. За ними следовал автомобиль командира полка. Через несколько минут они приехали в деревню Хводжианы, в бригаду полковника

Мищенко... Конечно, было ненормально, что переговоры о переходе дивизии будет вести командир бригады, а не в высшем штабе. Но не следовало ничем выражать своего недоумения.

В доме, где остановился на ночлег полковник Мищенко, несмотря на поздний час, был накрыт к ужину большой стол на двенадцать персон. Множество разнообразной еды, как видно из трофейных складов и напитков, среди которых преобладала водка, свидетельствовало, что «хозяева» намеревались удивить «гостей» изобилием. Видно было и то, что гость заставил себя долго ждать. Здесь же был и полковник Мищенко со своими офицерами. «Переговоры проходили успешно» для обеих сторон. Было решено, что в 12 часов дня, 12 мая дивизия должна быть подготовлена к переходу на советскую сторону, для чего она должна прибыть в установленное место. Советская бригада полковника Мищенко в развёрнутом строю, с оркестром и знаменем торжественно будет встречать Первую Дивизию. Были выработаны условия перехода, подписать которые должны будут генерал Буняченко и полковник Мищенко перед строем стоящих друг перед другом советских и власовских войск. После этого церемониала дивизия должна будет сдать оружие и поступить в распоряжение полковника Мищенко. Естественно, что Мищенко был очень заинтересован заполучить власовскую дивизию и, может быть, даже с самим генералом Власовым. Ещё раз подтверждалось, что советским войскам не было известно о том, что дивизия была уже разоружена американцами. Иначе полковник Мищенко не стал бы церемониться, разыгрывать роль каких то переговоров и прочее.

Когда официальная часть переговоров была закончена, сели за стол. Разговоры приняли более свободный характер. Говорили о военных годах, о жизни в Советском Союзе, о том, что заставило советских людей встать на стороне Германии для борьбы против коммунистического режима и о целях Освободительного движения возглавленного генералом Власовым. Советские офицеры заученными, шаблонными фразами дешёвой пропаганды с беззастенчивой ложью говорили о том как хорошо и счастливо живет советский народ на своей любимой Родине и, вероятно, сами искренне веря в свои радужные надежды, говорили о том, как прекрасна будет жизнь теперь, после победы над гитлеровской Германией. С привычным лицемерием восхваляли они «гениального вождя, отца и учителя, любимого и мудрого, непревзойдённого Товарища Сталина»...

Возражая власовскому парламентёру на его доводы об убогой жизни и жестоком режиме в советской стране, советские офицеры говорили! – «Это всё правда, что вы сказали, но это было раньше, теперь всего этого больше нет. Вы не можете себе представить, как всё изменилось... Вот вы сами скоро увидите это»...

Опровергая по обязанности ту горькую истину, которая была хорошо известна всем подсоветским людям и, о которой говорил им власовский офицер, советские офицеры всё же не могли отрицать того, что им говорилось...

– Да, все это было раньше, уверяли они, но этого уже нет теперь... Лицемерно лгали они власовскому парламентеру, обречённому ими на смерть, говоря – Вы сами увидите скоро.

В продолжение всего вечера, каждое движение советских офицеров не оставалось вне внимания «парламентера» и хотя, как казалось, разговор проходил в миролюбивом тоне, но, тем не менее, пистолет в кармане успокаивающе действовал на случай нарушения неприкосновенности личности парламентёра. Это была единственная возможность избежать жестокой расправы. Надо было быть всё время на стороже. Даже алкоголь не дурманил голову... Разговор принимал всё более и более откровенный непринужденный характер. В конце концов, нарушая самые элементарные правила официальных переговоров и такта, советские офицеры, возбужденные выпитой водкой бесцеремонно стали поучать своего гостя:

– Что там решат ваши генералы Власов и Буняченко это их дело. Переходите к нам со своим полком теперь же не дожидаясь завтрашнего дня. Если удастся, то повлияйте и на другие полки и ведите их за собой. Обратитесь с воззванием к солдатам и офицерам дивизии, чтобы следовали бы вашему примеру... Мы сейчас дадим вам форму советского полковника, поезжайте, покажитесь своему полку. Вы одним своим видом рассейте все сомнения...

Опять следовали заверения и обещания – «Советское правительство высоко оценит такую услугу, вас восстановят в чине, наградят орденом», – но вместе с тем торопили – «Только скорей, скорей, до рассвета, как можно скорей переводите свой полк!. .

В доказательство своей благожелательности говорилось:

– Вот видите, вы приехали к нам, мы принимаем вас по-братски, вместе сидим за столом, пьём в дружеской беседе. Ну, разве мы враги?.. Мы с вами русские люди. Мы готовы понять вас и простить за то, что было сделано вами. Натворили вы

глупости, может быть даже под давлением нацистов, спасая свою жизнь. Вас поймут, простят все ваши ошибки. Но вы должны искупить свою вину и теперь доказать свое раскаяние, преданность Партии и Правительству. Для вас теперь создалась к этому полная возможность. Именно теперь, как никогда!.. Поверьте – вас ждет прощение, Родина, Семья...

– Война кончилась, нам нужны люди, нужны опытные хорошие офицеры...

Рано утром, перед рассветом, парламентёр благополучно уехал из советского штаба. Приехав в дивизию, он явился к генералу Буняченко и доложил о результатах переговоров. Затем вернулся к своему полку.

Время, как будто бы, было выиграно. Можно было надеяться, что до 12-ти часов дня со стороны советских войск по отношению к дивизии не будет принято никаких враждебных действий... Но зато, когда полковник Мищенко убедится в том, что его провели, следовало ожидать самых решительных и суровых мер. Оставался единственный шанс на спасение – предстоящие утром переговоры с американским командованием.

III

Тем временем полки Первой дивизии продолжали стоять в ожидании и в полном неведении у города Шлюссельбург (*Schlüsselburg*). То, что советские войска подошли к району расположения дивизии и, что американцы отказывают в приёме, было уже всем известно. Стали распространяйся самые нелепые, противоречивые слухи: – «Сталин объявил амнистию всем власовцам, добровольно перешедшим на советскую сторону...», «Американцы насильно выдают власовцев советской армии...» «Генерал Буняченко ведёт переговоры с советским командованием для перехода...», «Американцы принимают дивизию для отправки ее на фронт против японцев...», «Советское правительство предполагает отправить дивизию на фронт против японцев...» и т.д. и т.д.

У людей терялась вера в своих командиров. Безвыходность положения стала почти очевидной. Надежда на возможность благополучного исхода была разрушена... Командиры уже не в состоянии были воздействовать на своих подчинённых. Они сами находились в состоянии полной неизвестности и отчаяния. Каждый думал теперь только о том, как спасти самого себя... Если ещё совсем недавно, всего несколько часов тому назад,

Богослужение в I Дивизии Р.О.А.

все были уверены, что сплочённость дивизии, сохранение её организованности и высокой дисциплины принесут спасение, то теперь, наоборот, многие были убеждены в совершенно обратном. Думали, что дивизия, захваченная советскими войсками силой, будет рассматриваться, как пленная, враждебная. Но существовала надежда, что добровольный переход послужит на возможность снисхождения. А может быть, и слухи имеют под собой какую-то реальную почву?... Спасением казалось даже участие в войне против Японии... Так думали многие... Надо было искать выход, и по мнению многих отчаявшихся, единственным выходом был добровольный переход на советскую сторону. Думалось, что лучше перейти добровольно сейчас, чем через несколько часов оказаться взятым силой или быть выданным американцами. И, многие пошли... Поодиночке, по два, группами отделялись люди в темноте от своих колонн, и взвалив на плечи свои походные мешки, медленно, в полной подавленности и неуверенности направлялись в ту сторону, где находились советские войска. Никто не задерживал их, не уговаривал, не упрекал... Остающиеся смотрели вслед уходящим и, быть может, в ту минуту осуждали их, но через некоторое время сами шли туда же...

Люди устали... Необыкновенное напряжение физических и моральных сил в продолжение последних дней, при всё возрастающей опасности и с той и с другой стороны, наконец сказалось. Наступила страшная реакция. В условиях видимой безнадёжности люди теряли самообладание их одолело состояние полной апатии... Всё равно – рассуждали они – будь то, что будет, лишь бы скорей конец нравственным мучениям. Хоть какая-нибудь, но только определённость... И где-то, в глубине сознания всё же продолжала теплиться надежда на прощение и люди хватались за нее, отгоняя прочь все остальные мысли, сомнения. Так было легче... Верили в то, во что каждый хотел верить...

В ту ночь, может быть три, четыре тысячи, а может быть, и больше ушло на советскую сторону... Рассветало. Поредевшие колонны полков все еще стояли на окраине Шлюссельбурга перед американскими танковыми постами. Когда же рассеялась ночная тьма, стоявшие в головах колонн с удивлением увидели, что американские танки и пешие посты снимаются и уходят. Радостная весть мгновенно разнеслась по колонам полков. Все ожили, воспряли духом. Настроение поднялось, вновь появилась уверенность в спасении, сила и энергия. Надежда воскресла. Шедшие,

было, на восток возвращались и становились в строй. Не теряя времени, без всякой команды, полки в полном порядке ринулись вперёд на американскую территорию, прошли Шлюссельбург и остановились западнее его в ожидании дальнейших распоряжений. Не менее десяти тысяч человек выдержавших кульминационный момент опасной неизвестности были уже спасены. Только штаб дивизии, полк снабжения, запасный полк и мелкие штабные части, стоявшие в стороне от дороги, поздно хватились и замешкавшись не смогли использовать благоприятного момента, чтобы проскочить на американскую территорию. Американские посты были вскоре восстановлены.

Генерал Буняченко послал на имя американского командования письменную просьбу о разрешении перейти останкам дивизии на американскую территорию, но ответа не последовало.

Около восьми часов утра генерал Буняченко получил от полковника Мищенко копию письменной гарантии о сохранении жизни личному составу дивизии при переходе на сторону, и о всех прочих взаимных обязательствах. Этот документ должен был быть подписан при церемонии перехода, обеими сторонами.

Ровно в десять часов утра генерал Буняченко с начальником штаба подполковником Николаевым, как было условлено накануне, выехали в американский штаб для переговоров. При въезде в Шлиссельбург, их задержали американские посты. С американского танка связались по радио со штабом и сообщили о приезде генерала Буняченко. Через несколько минут приехал на джипе американский офицер и от имени своего генерала заявил, что – «Генерал очень сочувствует вам и вашей дивизии... Он хорошо понимает создавшуюся для вас тяжёлую обстановку, но, к сожалению, принять дивизию в американскую зону он не имеет права. Он сделал уже всё, что мог, но большего сделать уже невозможно... – По союзному договору все вражеские части должны принадлежать тем армиям, на территории которых они находятся. Дивизия же находится на территории, принадлежащей советской армии»...

При этом американский капитан добавил, что через четыре часа американские войска отходят от города Шлюссельбурга и передают город советским войскам. – «У вас ещё много времени – пояснил он – Вы имеете возможность спасти своих людей, если распустите свои части и все будут пробираться на Запад небольшими неорганизованными группами, без оружия и в разные стороны. Для неорганизованного передвижения через

демаркационную линию – запрета нет...» закончил он свой добрый совет, как бы от себя лично.

Тогда Буняченко попросил препроводить его к генералу Власову, который был в замке Льнарж, недалеко от Шлюссельбурга. Американец знал, где Власов и охотно согласился на просьбу Буняченко. Взяв его и подполковника Николаева в свой джип, они поехали к генералу Власову.

Встреча с генералом Власовым продолжалась не более пятнадцати минут. Буняченко доложил ему создавшуюся обстановку и своё решение последовать совету американца и распустить дивизию. Власов одобрил это решение и сказал, что в 12 часов дня ему назначен приём у американского генерала. При этом генерал Власов выразил сомнение, что американцы окажут дивизии какую-либо помощь. «Надежды – бесполезны» – сказал Власов, прощаясь с Буняченко.

Вернувшись, генерал Буняченко, по радио вызвал к себе командиров полков, находившихся с полками на американской территории...

Восточнее Шлюссельбурга, у небольшого озера, где стояли подразделения дивизии, не успевшие перейти на американскую территорию, царило полное смятение. Солдаты и офицеры поспешно срывали с себя погоны, многие переодевались в штатскую одежду, выманенную у чехов за продукты, оружие и другие вещи. Это была большая беспорядочная толпа, среди которой пробивались пешие, конные, мотоциклисты, повозки и автомобили бывшей Первой Дивизии. Люди расходились во все стороны – кто куда. Американцы не препятствовали этому беспорядочному, неорганизованному переходу на свою территорию. Только время от времени, когда проходила уж слишком большая толпа, американцы задерживали её и пропускали небольшими группами, приказывая двигаться по разным дорогам или в разных направлениях без дорог...

Шли и на Восток...

Было около 12 часов, когда к Шлиссельбургу на боевых машинах подошла бригада полковника Мищенко. Американцы преградили ей путь, выдвинув танковые заслоны несколько вперёд перед городом. Впереди колонны находился сам полковник Мищенко. Колона остановилась. Советские солдаты и офицеры, выйдя из танков и машин, толпились, с любопытством глядя вслед беспорядочно уходившим на Запад, но уже за линией американских постов, власовцам ... Послышались команды – «По машинам!» ...

В стороне, на хорошо видимой возвышенности, в одном километре от Шлюссельбурга, стояло пять легковых автомобилей и автомобиль с радио-

станцией. Возле них находились генерал Буняченко, подполковник Николаев и несколько старших офицеров штаба Первой дивизии. По возвышенности проходила цепь американских танков, которые и задержали колонну генерала Буняченко.

Генерал Буняченко, как и другие бывшие с ним офицеры, были в форменной одежде, но уже без погон. Бледный, взволнованный Буняченко старался держать себя в руках и не терять самообладания. Ему плохо удавалось скрывать свое волнение, растерянность и отчаяние. Это был уже не тот твёрдый, решительный, волевой и смелый командир Первой дивизии генерал Буняченко, каким все привыкли видеть его всегда, даже в моменты самой большой опасности, в которой не раз находилась дивизия...

По мере приезда командиров полков, которых Буняченко вызвал после того, как его колонна была задержана американским заслоном, он поспешно, как-то несвязно и нервно говорил с каждым из них в отдельности. Казалось, что он чувствовал себя очень неловко, даже как бы виноватым перед своими командирами полков. Был короток разговор, короток был и последний приказ генерала Буняченко, который был похож скорее на совет, на просьбу:

– «Американцы в 14.00 часов отводят свои войска от Шлюссельбурга и передают город советским войскам. Распускайте полки, рекомендуйте всем кратчайшими путями идти в Западную Германию. Пусть идут одиночками, мелкими группами, избегая больших дорог и населенных пунктов. Дальнейшая судьба каждого теперь будет зависеть от самого себя... Я буду на юге Германии. Вы сумеете разыскать меня... Наше спасение только в Германии!..»

Задавать вопросы было бесполезно. Было ясно, что генерал Буняченко больше ничего не может сказать и сам находится в растерянности перед полной неизвестностью... Сухое пожатие рук. Холодно расставались командиры полков со своим командиром ...

В это же время подполковник Николаев на ломанном английско-немецком языке энергично пытался в чём то убедить стоявших на постах американцев, показывая им какую то бумагу. Наконец, американец, сделав повелительный жест рукой, произнес: – «О кэй!..»

Бывший генерал Буняченко и сопровождавшие его сели в автомобили и, беспрепятственно миновав, американские посты, взяли направление на запад...

Бригада полковника Мищенко, развернувшись, стояла перед американскими танками в бездействии.

IV

В полках дивизии, находившихся западнее Шлюссельбурга, уже на американской территории, ещё не было ничего известно. Бойцы отдыхали после бессонной, тревожно проведённой ночи, в ожидании дальнейшего приказа. После перехода в американскую зону, люди ободрились, повеселели, настроение поднялось и вновь вернулась утраченная было надежда на благополучный выход из создавшегося положения.

Люди спокойно и крепко спали, устроившись на зелёной траве на живописном лугу у речки, пригреваемые лучами солнца. Офицеры были на своих местах. Несмотря на все неудачи и на неопределённость положения, колебания л тяжёлые моральные испытания, полки опять стали организованными и дисциплинированными войсковыми частями. Солдаты по-прежнему относились с уважением к своим офицерам и были готовы выполнить любой их приказ. Чувство ответственности и отношение офицеров всех рангов к своим обязанностям не понижалось до последних минут существования дивизии. При всех пережитых испытаниях честное отношение большинства стойких, не потерявших самообладания офицеров к своему долгу было высоко оценено подчинёнными.

По приезде в свои части от генерала Буняченко командиры полков объявили построение. Полки строились с надеждой на добрые вести, которые, может быть, привезли им их командиры. Полкам было сообщено создавшееся положение и передан приказ о роспуске дивизии... – «Спасайтесь сами, идите на Запад!..»

Тяжёлым ударом это известие было для всех. Понуря головы, молча, не шевелясь, продолжали стоять в строю солдаты и офицеры. Каждый отдался своим мрачным мыслям о безвозвратно потерянных надеждах. Прошло несколько секунд полной тишины...

– «Прощайте, друзья мои боевые!.. Благодарю за службу солдатскую!.. Желаю вам удачи!..»

Последняя команда – «Разойтись!» – всколыхнула неподвижно стоявших в строю людей. Этой последней командой было разрушено всё то, что до сих пор объединяло, сколачивало людей, создавало из них мощную дисциплинированную военную организацию. Был разрушен сплочённый в своем единстве боевой коллектив, каким являлась Первая дивизия... Так вдруг разрушилась та сила массы, которая являлась следствием организован-

ности, психологического и морального воздействия. Та сила, которая заставляла людей забывать всё личное и беззаветно идти на самопожертвование; сила, которая направляла мышление людей, заставляла их рассуждать, чувствовать и действовать не иначе, как в интересах воинского долга... Перестали существовать полки, батальоны, роты. Всё было сломлено и мгновенно превратилось в толпу, каждый человек которой был одержим лишь мыслью о своем личном спасении и благополучии... Случилось так, что всё то, что еще так недавно крепко объединяло людей, всё то, ради чего они готовы были идти на смерть, и шли – сделалось вдруг для каждого таким далёким, чуждым и ненужным... Не стало силы, организующей и направляющей людскую массу. Каждый почувствовал себя растерянным, неуверенным, беспомощным перед непривычной необходимостью самостоятельно выбирать решение о своих дальнейших поступках. Люди, привыкшие подчиняться, готовы были и теперь последовать любому приказу, который мог бы ответить им на вопрос – что делать?..

Но такого приказа не было, и ожидать его было не от кого...

И людьми овладел страх. Страх перед неизвестностью и отчаяние приводили к самым бессудным поступкам. Торопились... Люди срывали с себя погоны, снимали мундиры, торопливо собирали свои вещи, из которых выбрасывалось всё то, что было когда то необходимо, а теперь стало совершенно ненужным. Все были нервно возбуждены, настроение было неестественно приподнятым, движения, голоса резкие, отрывистые.

Солдаты и офицеры расставались, обнимали друг друга, как близкие друзья, как родные и, давая друг другу советы, желали благополучия, удачи... Расходились... Повсюду были слышны реплики: – «Лучше бы умереть в бою, чем так расходиться, неизвестно куда и зачем...» «Пропало наше дело – освободили Родину!..» Слышались и упрёки по адресу американцев за неоправданные надежды, которые возлагались на них. Слышались возмущённые отзывы о политической близорукости американцев, не понимавших сущности коммунизма, не понимавших и людей, восставших на борьбу с этим злом человечества... Наряду с этим выражались и другие мысли; мысли полного отчаяния: – «Теперь уже всё равно, где погибать – здесь или там...». «Пойдём к советам – всех не перевешают, посидим в Сибири и выйдем на свободу, будем жить на своей родине. А Сибирь ведь тоже русская земля...» Но ни одного слова упрека не было брошено по адресу своих командиров. Ни

одного плохого слова не было произнесено против своих офицеров, против генерала Власова.

Солдаты и офицеры подходили к своему командиру полка, наблюдавшему за поспешными сборами своих людей, желая получить от него последний совет. Некоторые робко высказывали свое намерение идти на советскую сторону, с трепетом ожидая ответа на мучивший вопрос. Подходили группами по пятнадцать, двадцать человек, спрашивая: «А. вы куда, господин полковник?» И получив ответ – «на Запад!» – тотчас решали: «Ну, тогда и мы на Запад! Пошли, ребята, а кто не хочет, пусть идет к красным, им там шкуры посдирают!..» – И решительно шли на Запад, хотя только за несколько минут до этого сообща уже решили было идти к советам. Иногда такие группы разделялись и расходились в противоположные стороны – кто на Запад, кто на Восток. Расходясь на советскую и американскую стороны, люди не проявляли по отношению друг к другу ни малейшей враждебности, не бросали друг другу упреков. Никто никого не принуждал и не удерживал, каждый поступал так, как казалось лучшим...

Солдаты подходили к своему командиру полка, чтобы проститься с ним и, протягивая ему свои заскорузлые, мозолистые руки, обнимались, благодарили и, по русскому обычаю, просили прощения – «Простите, если было что не так, не поминайте лихом»... За что благодарили солдаты своего командира, расставаясь с ним навсегда и, может быть, даже перед смертью?... И люди пошли... Невозможно сказать, сколько при этом ушло на советскую сторону и сколько ушло на Запад. Истомившиеся в борьбе, павшие духом – шли на Восток, навстречу неминуемой жестокой расправе и хотя сознавая это, в глубине души всё же тая надежду на спасение. Те же, которые сохранили волю и способность к преодолению трудностей – шли на Запад, в неизвестность, но готовые к дальнейшей борьбе, с надеждой на лучшее будущее. Но как те, так и другие несли в сердцах своих любовь к Родине, к своему Народу и непримиримую ненависть к коммунистическому режиму...

Полки были распущены... Из Шлюссельбурга стали отходить американские войска, а вслед за ними в город входили советские танки. Шедшие на Запад были уже вне досягаемости советских войск ...

Так прекратила свое существование Первая дивизия Русской Освободительной Армии. Ее трагическим концом можно считать тот момент, когда в двенадцать часов дня, двенадцатого мая генерал Буняченко сорвал со своих плеч генеральские погоны.

ЭПИЛОГ

Власовцев, пробиравшихся в Западную Германию, вылавливали чешские партизаны. Теперь они уже открыто и безбоязненно действовали по всей своей стране. Захваченных, под вооружённой охраной, сосредотачивали на сборных пунктах. Затем их партиями отправляли на территорию, занятую советскими войсками. Никакие просьбы и увещевания отпустить пойманных власовцев не действовали на чехов. Они были неумолимы и безжалостны. Люди метались, как затравленные звери, ища укрытий в лесах, где отсиживались в ожидании ночи, чтобы под покровом темноты продвигаться дальше. Все стремились как можно скорее уйти вон из братской Чехословакии, в ненавистную Германию, дававшую убежище и спасение своим врагам. Шли, избегая населённых пунктов. Многочисленные группы вооружённых чехов в штатском с красными звёздочками и красными ленточками на груди, с собаками рыскали по лесам и разыскивали прятавшихся. На дорогах и в населённых пунктах устанавливались круглосуточные пикеты для выслеживания и захвата, ищущих спасения власовцев. Даже детей опасно было встретить на своём пути ...

Пусть не поймут меня, что здесь я огульно бросаю упрёк всему чешскому народу. Это было бы с моей стороны несправедливо...

В ожидании советских войск, повсюду вывешивались портреты Сталина и транспаранты с надписями на русском и чешском языках, льстиво восхвалявшие советскую армию – освободительницу. Национальные чешские и красные советские флаги украшали здания. Флаги же западных союзников уже исчезли. В эту часть страны ещё не вошла советская армия, она была ещё занята американцами, но они со дня на день должны были уступить эту территорию советским войскам. Чешские коммунисты готовились к встрече. Москва делала свое дело ...

Страшные дела рассказывали власовцы, побывавшие в то время на советской стороне, которым каким-то чудом удалось бежать и пробраться в Западную Германию. Расправа, которая была учинена над многими солдатами и офицерами Первой дивизии была поистине чудовищной.

Все, независимо от того, добровольно ли они перешли или были силой захвачены, разделили одинаковую участь. Вот что рассказывают очевидцы:

– В последнюю ночь, накануне роспуска Первой дивизии, на сторону советских войск перешёл офицер с группой своих солдат. Их водворили вместе со всеми ранее захваченными, кроме офицера, которого оставили в штабе. На другой день рано утром всем власовцам приказали построиться. Их было более тысячи человек. Перешедший накануне офицер был приведён к построившимся, в сопровождении группы советских офицеров. Он был одет в советскую форму с погонами капитана. Лицо его было бледным. Он с трудом сдерживал свое волнение и должен был произнести речь. После некоторого колебания, он громким, надрывным голосом объявил: – «Меня сейчас застрелят! Спасайтесь!.. » Больше ничего сказать он не успел. Раздались несколько выстрелов. Офицер повалился на землю.

Стоявшие в строю власовцы шарахнулись в разные стороны. Несколько столпившихся групп, боясь пошевельнуться, с ужасом глядели на происходившее. По убегающим был открыт пулемётный огонь из скрыто стоявших вокруг лужайки, в кустах, танков. Несколько очередей было дано и по стоящей без движения обезумевшей толпе. Люди падали на землю, молили о пощаде.

По ним продолжали стрелять ...

В тот же день, но уже после того, как дивизия перешла на американскую территорию, и была распущена и разошлась, недалеко от Шлюссельбурга, было собрано несколько тысяч перешедших на советскую сторону и захваченных власовцев. В течение дня поступали всё новые и новые группы, которых привозили чехи с американской территории. Офицеров отделяли от солдат, их выискивали, скрывавшихся в общей массе. Находились предатели, которые выдавали прятавшихся офицеров, в надежде на снисхождение в отношении своей участи. К вечеру всем приказали построиться, открыто окружили танками с направленными на пленных стволами пулемётов. Предупредили о полном спокойствии и повиновении. Привели несколько человек непокорных власовских офицеров, объявили постановление Военного трибунала и тут же расстреляли их, на глазах у всех.

В этом же месте, к вечеру, к власовцам пришли три молодых советских офицера. Все они были сильно пьяны, громко разговаривали между собой, смеялись. Обращаясь к власовцам, один из них спросил: «А-ну, кто из вас здесь сталинградские? Подходи ко мне!..» И когда к нему, с какой-

то надеждой, робко, робко, заискивающе улыбаясь, подошло несколько человек, он, со словами: – «Земляки, значит, – сталинградские...» – вынул из кобуры пистолет и застрелил находившихся ближе к нему в упор. Остальные «земляки» бросились к толпе своих товарищей. Разъярённый, от водки, злобы и крови офицер продолжал стрелять вслед убегающим, поражая пулями и бежавших и стоящих в толпе. Удерживаемый своими же товарищами, он продолжал стрелять, пока не израсходовал весь магазин. Его друзья отобрали у него пистолет и силой увезли. Он упирался, стараясь вырваться, выкрикивал грязную ругань, истерически рыдал в припадке бешенства ...

В течение двух суток власовцы под сильной охраной, содержались недалеко от Шлюссельбурга. Их почти не кормили, отобрали все более или менее ценные вещи, вплоть до нагрудных золотых крестов, часов, бумажников с деньгами, зажигалок. Даже обувь, если она была хорошей, снимали с ног. Люди оставались босыми. Больных и раненых, захваченных в санитарных автомобилях, лишали лечения и выбрасывали прямо на землю, вместе со всеми остальными... Попавшие с дивизионным лазаретом женщины – врачи, медицинские сёстры, обслуживающий персонал, жены офицеров, подвергались оскорблениям и насилованию ...

Наконец, большую колонну власовцев пешком, под усиленным конвоем повели в армейский тыл. Навстречу колонны шёл советский грузовик. Пьяный советский офицер, высунувшись из окна кабины, что-то кричал, со смехом выпускал по колонне очереди из автомата...

Власовцы подвергались издевательствам, над ними чинился произвол опьянёнными победой, водкой и пропагандой советскими офицерами и солдатами. Людей, одетых в военную форму, натравляли против, так называемых, изменников Родины. Всеми средствами возбуждались и поощрялись самые резкие проявления ненависти, вплоть до кровавой расправы, оставляя всё это безнаказанным. В советских людях вызывалась непримиримая враждебность к власовцам. Внушалась необходимость жестокой расправы с изменниками, предателями, фашистскими наймитами, военными преступниками и продажными шкурами – как называла советская пропаганда власовцев. Этого было достаточно, чтобы в пьяном угаре безжалостно карать. Карать беспощадно, с наслаждением садиста...

Командир 162-й танковой бригады полковник И.П.Мищенко на деле показал цену своим лице-

мерным заверениям, призывая Первую дивизию к переходу на советскую сторону – «Вас ждёт Родина-мать и полное прощение» ... С присущим ему двуличием и холодным равнодушием попрал он свою гарантию о гуманном отношении и о сохранении жизни солдатам и офицерам Первой дивизии... Помните ли вы все это, полковник Мищенко?...

После победы над Германией, в далёкой Сибири, в диком суровом крае, были созданы изолированные от внешнего мира концентрационные лагери особого назначения. В них были, сосредоточены уцелевшие власовцы. Их содержали в жутких условиях, принуждали к изнуряющим физическим работам. Кормили впроголодь. За малейшую провинность виновных предавали суду Военного трибунала и к ним применялись наивысшие нормы судебных наказаний. Специальные войска государственной безопасности несли охрану этих лагерей. Охране запрещалась разговаривать с особо-опасными преступниками.

Сейчас, когда всё стало ясным, легко судить о чём угодно. Нет ничего проще возвращаться к событиям и давать оценки, когда последствия этих сложно переплетённых событий стали уже известны. Но и нет ничего сложнее, чем разбираться в совокупности вопросов при противоборстве сил, противопоставлении множества мнений в тот или иной исторический момент. Однако, никому не позволено порочить людей, самоотверженно шедших на борьбу, во имя светлой бессмертной идеи – свободы и счастья своего народа.

Вожди Русского Освободительного Движения, во главе с Андреем Андреевичем Власовым, за свою борьбу для освобождения народов России от коммунистического порабощения, отдали свои жизни. Это должно наложить венец на их усилия и деятельность, даже если они и допускали ошибки. Вечная им память и слава!..

И там и здесь тернист был наш путь.

Приложение № 1. **ЗАХВАТ ГЕНЕРАЛА ВЛАСОВА**

Автор книги ПЕРВАЯ ДИВИЗИЯ не был очевидцем того, как генерал Власов был захвачен советскими войсками. Существуют различные повествования об этом обстоятельстве, и нередко противоречащие друг другу. Как то, в 1946 году в немецкой газете, издававшейся в Западной Германии, было сообщено, что генерал Власов, переезжая границу между Чехословакией и Германией был схвачен советскими патрулём с помощью местных жителей – чехов. Рассказывалось и то, что генерал Власов был опознан и задержан остарбочими и освобождёнными из лагерей военнопленными, когда он[1] пробирался по Чехословакии к границе Германии. Говорилось, что он перевезён англичанами в Лондон и начал новую акцию по борьбе с коммунистическим режимом. Наконец, усиленно ходили слухи, что Власова выдали американцы по соглашению с советским командованием... Слухи были самые различные. Значительно позже, через много лет после окончания войны в советской прессе стали появляться описания обстоятельств пленения генерала Власова. В этих описаниях фигура генерала Власова выставляется в очень невыгодном для него свете, даже в насмешливом изображении. Воспоминания некоторых маршалов также грешат бессовестными и совершенно сознательными искажениями фактов.

Вероятно, наиболее правдоподобными свидетельствами захвата генерала Власова являются рассказы очевидцев – офицеров РОА, на глазах которых произошел этот роковой эпизод.

Вот как подполковник РОА Тензоров рассказывал об этом:

– Генерал Власов с группой сопровождавших его офицеров РОА 11-го мая был помещён американцами в замок Лыкарж возле города Шлюссельбург. Восточнее, неподалёку, части 1-й дивизии ожидали решения своей судьбы перед заслоном американских танков. Советские войска ещё не подошли сюда, находясь в нерешительном бездействии в нескольких километрах от Шлюссельбурга.

На другой день, 12-го мая, вскоре после 12 часов, в замок Лыкарж прибыли два американских танка и джип с американскими офицерами. Генералу Власову было предложено ехать в американский штаб с теми офицерами, с которыми он пожелает. С Власовым отправились только что

приехавший в замок генерал Буняченко и еще несколько старших офицеров. Подполковник Тензоров оставался в замке.

Через тридцать, сорок минут в замок прибежал взволнованный офицер с тревожной вестью, что генерал Власов захвачен советскими войсками. Следом стали прибегать и другие офицеры, которые рассказали следующее:

Впереди и позади колонны автомобилей, в которых ехали генерал Власов и его сопровождающие, следовали два американских танка. В голове колонны шёл джип с американскими офицерами. Недалеко от замка колонку обогнал легковой автомобиль с советскими офицерами. Этот автомобиль задержал колонну, отсеченную им от головного танка. Среди советских офицеров был один в форме РОА без погон, который подошел к машине, в которой находился Власов и указал на него. По требованию советских офицеров генерал Власов вышел из автомобиля, за ним вышел шофёр с пистолетом в руке с явным намерением стрелять. Власов не допустил этого. Произошёл короткий разговор, во время которого американский грузовой автомобиль медленно проезжал мимо образовавшейся группы споривших военных. Шофёр Власова быстрым движением открыл дверцу кабины грузовика и с чьей то помощью буквально втолкнул генерала Власова в кабину. Американец, сидевший за рулём, видимо, понял в чём дело, приостановился и, улыбнувшись, дал газ. Проехав 300-400 метров, американский грузовик остановился. Генерал Власов вышел из него и вернулся к своей колонне. Здесь уже откуда-то появились советские солдаты с автоматами. Все, кто не успел убежать, были схвачены и увезены на советскую сторону. Экипаж находившегося в хвосте колонны американского танка, высунувшись из люков, с интересом наблюдали за тем, что происходит между этими русскими и их союзниками. Может быть, они думали, что русские выручают русских от захвативших их американцев?.. Но вернее всего то, что в происходящем они ничего не понимали...

Капитан Антонов, адъютант генерала Власова, бывший все время при нем, которому удалось спастись, рассказывал следующее:

– Когда колонна автомобилей генерала Власова тронулась от замка Лынарж в сопровождении американцев, её обогнала советская машина с офицерами. Эта машина с раннего утра дежурила возле замка, а советские офицеры внимательно наблюдали за тем, что делается около него. Приблизительно в трёх километрах от замка навстречу появилась грузовая машина с советскими солдатами. Сзади колонны подошла еще одна. Совет-

ские офицеры и солдаты вышли из автомобилей и окружили власовскую колонну. Сказав что-то американскому офицеру, советский офицер в сопровождении офицера в форме власовца стали проходить вдоль колонны автомобилей. Подойдя к автомобилю генерала Власова, советский офицер объявил ему, что он арестован. Шофёр Власова выхватил пистолет, но Власов удержал его за руку. Последовали угрозы, грубые оскорбления. Дело грозило дойти до вооружённого сопротивления. Советский офицер направил на генерала Власова автомат. Власов спокойно ответил: «Ну, что ж, стреляйте» ...

Советские солдаты стали хватать власовских офицеров, разоружать и тащить их в свои машины. Некоторым из спутников генерала Власова удалось скрыться незамеченными в происходившей суматохе.

Приложение № 2. **ВОСПОМИНАНИЕ БЫВШЕГО КОМАНДИРА 25-го ТАНКОВОГО КОРПУСА ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ЗАПАСА Е. ФОМИНЫХ**

«Известия» советов депутатов трудящихся СССР № 239 (14098), 7 октября 1962

«КАК БЫЛ ПОЙМАН ПРЕДАТЕЛЬ ВЛАСОВ»

« К концу боев за Берлин, танковый корпус, которым я командовал, получил новую задачу. Предстояло действовать на фланге войск, спешивших на помощь восставшей Праге.

Стараясь не задерживаться, движемся к Праге. Последняя остановка перед броском. Слили горючее с большинства машин, заправили машины мотострелковой бригады и вперед, на Прагу!

На марше меня нашел полковник – представитель штаба фронта и передал приказ командования. Корпус ЕЫХОЛНТ из оперативного подчинения армии и имеет задачу, совершив бросок на юго-запад, войти в соприкосновение с главными силами американских войск.

Над нашими колонами стали появляться самолеты с опознавательными знаками американских войск. От шоссе Прага-Пильзен мы уклонились на юг, в леса. Утром 11-го мая подошли к реке Услава, где были встречены союзниками. Переправились через реку и сосредоточились в районе города Непомук.

Во время встречи с командиром американского корпуса я предложил ему разоружить остатки фашистских войск и бандитов-власовцев, бродивших по лесам с оружием.

– Мой дорогой гость, – ответил американец, – мы с Вами военные люди, пусть политикой занимаются те, кому это положено. Не спешите. О вашей просьбе я доложу своему шефу.

О власовцах, не говоря уже о самом Власове, американец не хотел и говорить.

Пришлось действовать самостоятельно, и вскоре и мой штаб доставили Власова.

– Я и начальник политотдела П.М.Елисеев с любопытством разглядывали приближавшегося к нам, в сопровождении комбата капитана Якушева, высокого сутулого генерала в очках без головного убора, в лёгком, стального цвета, плаще. Так вот каков этот выродок!

– Как прикажете считать, – высокомерно, поддергивая левой бровью, начал Власов, – я у вас в плену или вы в плену у американцев? На каком основании вы меня задержали?

– Уточним вашу личность. Кто вы? Какие при вас документы? – осадил я его.

– Я Власов.

Власов сорвал с себя плащ и бросил его на спинку стула. Странная форма цвета хаки. Без погон. На брюках малиновые шелковые лампасы.

Трясущимися руками, спеша и не попадая во внутренний карман кителя, он достал удостоверение личности. Знакомые подписи удостоверяют, что перед нами бывший командующий 2-й Ударной армией Ленинградского фронта.

– Будете писать приказ своим подчиненным о безоговорочной сдаче в плен и полном разоружении?! Или я немедленно прикажу своим войскам уничтожить ваши банды!

Власов взялся обеими руками за голову и задумался. Я закурил и наблюдал за ним. Власов попросил бумагу и быстро написал приказ.

Этот приказ был размножен, и все экземпляры подписаны Власовым. В каждую часть был направлен наш офицер, там зачитывали приказ и выводили колонны обезоруженных власовцев на дороги.

Всё прошло быстро и организованно. С наступлением темноты колонны с техникой, с больными и ранеными двинулись в наш тыл. Многие самые отъявленные мерзавцы, особенно офицеры, карательи и кандидаты в диктаторы, которые находились в обозе Власова, успели бежать в американскую зону.

... Власов быстро утратил свое высокомерие и гонор.

– Лучше было застрелиться, – мрачно сказал он.

– Да, пожалуй, и чем раньше, тем лучше для всех.

Власова отправили в штаб фронта. Затем, как известно, изменника Родины судили и казнили.

Как же был пленён Власов?

После того, как наша разведка обнаружила месторасположение штаба Власова и его войск, за ними установили тщательное наблюдение, а дороги на запад перекрыли. Власов знал, что мы рядом, и по чьей-то рекомендации решил немедленно отойти в глубь расположения американских войск.

Однако его части рассыпались, и многие офицеры-власовцы искали встреч с советскими воинами, чтобы перейти к нам. Наш комбат капитан Якушев познакомился таким образом с одним офицером из войск Власова, в прошлом тоже капитаном и тоже комбатом.

Узнав о выступлении Власова, этот капитан прибежал к Якушеву. Недолго думая, Якушев вскочил в машину капитана Кучинского и пом-

чался на перехват колонны Власова, успев предупредить об этом своего начальника штаба. Обогнав колонну легковых и специальных машин, Якушев поставил свою машину поперёк дороги.

Колонна встала. Танки, двигавшиеся несколько впереди, продолжали движение и вскоре скрылись за поворотом лесной дороги.

В первой остановившейся машине ехал командир дивизии генерал Буняченко, который на требования Якушева следовать за ним категорически отказался выполнить его. В это время капитан Кучинский сообщил Якушеву, что в колонне находится и Власов. Обежав все машины и бегло осмотрев их, они Власова не обнаружили.

Положение становилось критическим. Шофера выходили из машин и по немецкой выучке выстраивались у крыльев. С любопытством наблюдали они за мечущимися капитанами, одного из которых они знали и, видимо, поэтому не поднимали тревоги. А может быть, и не хотели её поднимать.

И вдруг шофёр четвертой машины кивком головы показывает Якушеву, что Власов здесь. Заглянув внутрь, Якушев увидел на заднем сидении двух перепуганных женщин. Он зло оглянулся на шофера, который только и ждал этого взгляда и вновь кивком подтвердил, что Власов здесь.

Дальнейшее происходило молниеносно. Якушев рванул дверку машины и увидел неестественно свернутый ковёр. Он сорвал ковёр и буквально вытащил Власова из под него. Недолго думая, на глазах всех Якушев потащил Власова к своей машине. К этому времени из леса стали появляться цепи автоматчиков мотострелкового батальона бригады полковника Мищенко.

– БЫСТРО В ШТАБ! – Скомандовал шофёру Якушев, и тот рванул машину.

Шофёр плохо ориентировался, и они стали путать по лесу, забитому власовцами. Власов осмотрелся и, выбрав подходящий момент, выскочил из машины и побежал, ловко перебирая длинными ногами.

Якушев на миг остолбенел, а потом рванул за ним, доставая пистолет из кобуры. Но, видя, что это соревнование не по плечу, быстро выдохнувшемуся генералу, стрелять не стал...

Власова доставили в расположение корпуса.

Таков был бесславный конец карьеры генерала-предателя.

Е. Фоминых

Герой Советского Союза.

Генерал-лейтенант танковых войск.

Бывший командир 25-го танкового корпуса.

Приложение №3. **ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (1941-1945)**

Том 5-й, стр. 328 и 329. ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР. Москва 1963 г.

«Советские войска замкнули кольцо вокруг основных сил немецко-фашистской группы армий «ЦЕНТР». В окружении сказались почти вся вражеская группировка, действовавшая и Чехословакии. Только несколько дивизий, находившихся на флангах группировки, прорвались в зону действий американских войск. Окружённые немецко-фашистские войска, потеряв всякую надежду прорваться на запад, начали складывать оружие. В течение 10 и 11 мая основные силы вражеских войск были пленены.

При преследовании противника 25-й танковый корпус вышел в район Клатови, глубоко вклинившись в расположение американских войск. Здесь корпус, имевший задачу не допускать перехода отступающих частей в американскую зону, был остановлен и развёрнут фронтом на восток.

11 мая было установлено, что в районе Бржезнице вместе с немецкими частями отступает 1-я дивизия предателей-гласовцев. Командир корпуса, генерал-майор танковых войск Е.И.Фоминых решил взять в плен изменника. Командир 162-й танковой бригады И.П.Мищенко, получив эту задачу, выслал капитана М.Н.Якушева с группой бойцов и офицеров в расположение 1-й дивизии. Встретив колонну машин, Якушев внимательно осмотрел их. В это время шофёр-власовец, которому, как и другим солдатам дивизии, надоела бессмысленная борьба, выдал изменника. Прикрывшись одеялом, он сидел в одной из автомашин. Под угрозой расстрела капитан Якушев приказал предателю следовать за ним. Власова доставили в штаб 25-го танкового корпуса. По предложению генерал-майора Фоминых он написал приказ солдатам и офицерам дивизии о немедленном переходе На сторону Красной Армии.

13 и 14 мая дивизия, насчитывавшая 9 тысяч человек, была разоружена. Власов и его ближайшие помощники были отправлены в Москву и преданы суду военного трибунала».

Архив Министерства Обороны СССР.
Фонд 236, опись 2727, дело 30, лист 182.

Приложение №4. **МАРШАЛ ЖУКОВ О ЗАХВАТЕ ГЕНЕРАЛА ВЛАСОВА**

Заключительной операцией советских войск в Великой Отечественной войне стала Пражская операция ...

Еще 5-го мая Ставке стало известно о восстании чехов в Праге и боях восставших с немецкими войсками. (Как здесь, так и ниже подразумевается ставка верховного главнокомандующего Сталина). Ставка приказала 1-му, 2-му и 4-му Украинским фронтам ускорить движение наших войск в район Праги, чтобы поддерживать восставших и не дать гитлеровцам подавить восстание.

Выполняя приказ Ставки, фронты бросили туда свои подвижные части. В ночь на 9 мая они вошли в район Праги, а утром вошли в город, горячо приветствуемые населением...

Немецкие войска поспешно отходили на запад, стремясь сдаться в плен американским войскам ... Американское командование, нарушив свои союзнические обязательства, не преградило немецко-фашистским войскам отход в их зону, а даже содействовало этому...

В расположение американских войск спешила отойти и дивизия власовцев, изменников Родины. Однако её отход был решительно пресечен 25 танковым корпусом, которым командовал генерал майор Е.И.Фоминых. В дивизии находился и сам Власов. Было решено взять его в плен живым, чтобы воздать полностью за измену Родине. Выполнение этой задачи было возложено на командира 162 танковой бригады полковника И.П.Мищенко, а непосредственный захват Власова поручен отряду под командованием капитана М.И.Якушева.

Власова захватили в легковой машине отходящей колонны. Спрятавшись под грудой вещей и укрывшись одеялом, он притворился больным солдатом. Он тут же был разоблачен своими телохранителями.

Власов и его единомышленники были осуждены Военным трибуналом и казнены.

Г. К. Жуков. Маршал Советского Союза. «ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ». Стр. 695 и 696. Издательство АПН. Москва, 1969 год.

Приложение № 5. **СООБЩЕНИЕ ВОЕННОЙ КОЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК**

На днях Военная Коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела дело по обвинению: ВЛАСОВА А.А., МАЛЫШКИНА В.Ф., ЖИЛЕНКОВА Г.Н., ТРУХИНА Ф.И., ЗАКУТНОГО Д.Е., БЛАГОВЕЩЕНСКОГГО И.А., МЕАНДРОВА М.А., МАЛЬЦЕВА В.И., БУНЯЧЕНКО С.К., ЗВЕРЕВА Г.А., КАРБУКОВА В.Д., ШАТОВА И.С. в измене Родине и в том, что они, будучи агентами германской разведки, проводили активную шпионскую, диверсионную и террористическую деятельность против Советского Союза, т.е. в преступлениях предусмотренных ст. ст. 58-16, 58-8, 58-9, 58-10, 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР.

Все обвиняемые признали себя виновными в предъявленных им обвинениях.

В соответствии с пунктом 11 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1943 года, Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила: Власова, Малышкина, Жиленкова, Трухина, Закутного, Благовещенского, Меандрова, Мальцева, Буняченко, Зверева, Карбукова и Шатова к смертной казни через повешание. Приговор приведён в исполнение.

ИЗВЕСТИЯ Совета Депутатов Трудящихся СССР. № 81, 2. 8. 1946 год.

Приложение №6. **ПОЧЕМУ Я СТАЛ НА ПУТЬ БОРЬБЫ С БОЛЬШЕВИЗМОМ?**

(Открытое письмо генерал-лейтенанта А. А. Власова)

Призывая всех русских людей подниматься на борьбу против Сталина и его клики, за построение Новой России без большевиков и капиталистов, я считаю своим долгом объяснить свои действия.

МЕНЯ НИЧЕМ НЕ ОБИДЕЛА СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

Я – сын крестьянина, родился в Нижегородской губернии, учился на гроши, добился высшего образования. Я принял народную революцию, вступил в ряды Красной Армии для борьбы за землю для крестьян, за лучшую жизнь для рабочего, за светлое будущее Русского народа. С тех пор моя жизнь была неразрывно связана с жизнью Красной Армии. 24 года непрерывно я прослужил в её рядах. Я прошел путь от рядового бойца до командующего армией и заместителя командующего, фронтом. Я командовал ротой, батальоном, полком, дивизией, корпусом. Я был награждён орденами: Ленина, «Красного Знамени» и медалью «XX лет РККА». С 1930 года я был членом ВКП(б).

И вот я теперь выступаю на борьбу против большевизма и зову за собой весь народ, сыном которого я являюсь.

Почему? Этот вопрос возникает у каждого, кто прочитает мое обращение, и на него я должен дать честный ответ. В годы гражданской войны я сражался в рядах Красной Армии потому, что я верил, что революция даст Русскому народу землю, свободу и счастье.

Будучи командиром Красной Армии, я жил среди бойцов и командиров – русских рабочих, крестьян, интеллигенции, одетых в серые шинели. Я знал их мысли, их думы, их заботы и тяготы. Я не порывал связи с семьей, с моей деревней и знал, чем и как живёт крестьянин.

И ВОТ Я УВИДЕЛ, ЧТО НИЧЕГО ИЗ ТОГО, ЗА ЧТО БОРОЛСЯ РУССКИЙ НАРОД В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ, ОН В РЕЗУЛЬТАТЕ ПОБЕДЫ БОЛЬШЕВИКОВ НЕ ПОЛУЧИЛ.

Я видел, как тяжело жилось русскому рабочему, как крестьянин был загнан насильно в колхозы, как миллионы русских людей исчезали, арестованные, без суда и следствия. Я видел, что растаптывалась всё русское, что на руководящие посты в стране, как и на командные посты в Красной Армии, выдвигались подхалимы, люди, которым не были дороги интересы Русского народа.

Система комиссаров разлагала Красную Армию. Безответственность, слежка, шпионаж делали командира игрушкой в руках партийных чиновников в гражданском костюме или военной форме.

С 1938 по 1939 годы я находился в Китае в качестве военного советника Чан-Кай-Ши. Когда я вернулся в СССР, оказалось, что за это время высший командный состав Красной Армии был без всякого повода уничтожен по приказу Сталина. Многие и многие тысячи лучших командиров, включая маршалов, были арестованы и расстреляны, либо заключены в концентрационные лагеря и навеки исчезли. Террор распространился не только на армию, но и на весь народ. Не было семьи, которая так или иначе избежала этой участи. Армия была ослаблена, запуганный народ с ужасом смотрел в будущее, ожидая подготовляемой Сталиным войны.

Предвидя огромные жертвы, которые в этой войне неизбежно придется нести русскому народу, я стремился сделать все от меня зависящее для усиления Красной Армии. 99-я дивизия, которой я командовал, была признана лучшей в Красной Армии. Работой и постоянной заботой о порученной мне воинской части я стремился заглушить чувство возмущения поступками Сталина и его клики.

И вот разразилась война. Она застала меня на посту командира 4 мех. корпуса.

КАК СОЛДАТ И КАК СЫН СВОЕЙ РОДИНЫ, Я СЧИТАЛ СЕБЯ ОБЯЗАННЫМ ЧЕСТНО ВЫПОЛНИТЬ СВОЙ ДОЛГ.

Мой корпус в Перемышле и Львове принял на себя удар, выдержал его и был готов перейти в наступление, но мои предложения были отвергнуты. Нерешительное, развращенное комиссарским контролем и растерянное управление фронтом привело Красную Армию к ряду тяжёлых поражений.

Я отводил войска к Киеву. Там я принял командование 37-й армией и трудный пост начальника гарнизона города Киева.

Я ВИДЕЛ, ЧТО ВОЙНА, ПРОИГРЫВАЕТСЯ ПО ДВУМ ПРИЧИНАМ: ИЗ-ЗА НЕЖЕЛАНИЯ РУССКОГО НАРОДА ЗАЩИЩАТЬ БОЛЬШЕВИСТСКУЮ ВЛАСТЬ И СОЗДАННУЮ СИС-

ТЕМУ НАСИЛИЯ И ИЗ-ЗА БЕЗОТВЕТСТВЕННОГО РУКОВОДСТВА АРМИЕЙ, ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ЕЁ ДЕЙСТВИЯ БОЛЬШИХ И МАЛЫХ КОМИССАРОВ.

В трудных условиях моя армия справилась с обороной Киева и два месяца успешно защищала столицу Украины. Однако, неизлечимые болезни Красной Армии сделали свое дело. Фронт был прерван на участке соседних армий. Киев был окружен. По приказу верховного командования я был должен оставить укрепленный район.

После выхода из окружения я был назначен заместителем командующего Юго-Западным направлением и затем командующим 20-й армией. Формировать 20-ю армию приходилось в труднейших условиях, когда решалась судьба , Москвы. Я делал все от меня зависящее для обороны столи- 4 цы страны. 20-я армия остановила наступление на Москву и затем сама перешла в наступление. Она прорвала фронт Германской армии, взяла Солнечногорск, Волоколамск, Шахов-. сткую, Середу и др., обеспечила переход в наступление по всему Московскому участку фронта, подошла к Гжатску.

Во время решающих боев за Москву я видел, что тыл помогал фронту, но, как и боец на фронте, каждый рабочий, каждый житель в тылу ДЕЛАЛ ЭТО ЛИШЬ ПОТОМУ, ЧТО, СЧИТАЛ, ЧТО ОН ЗАЩИЩАЕТ РОДИНУ. Ради Родины он терпел неисчислимые страдания, жертвовал всем. И не раз я отгонял от себя постоянно вставший вопрос: ДА ПОЛНО, РОДИНУ ЛИ Я ЗАЩИЩАЮ, ЗА РОДИНУ ЛИ Я ПОСЫЛАЮ НА СМЕРТЬ ЛЮДЕЙ? НЕ ЗА БОЛЬШЕВИЗМ ЛИ, МАСКИРУЮЩИЙСЯ СВЯТЫМ ИМЕНЕМ РОДИНЫ, ПРОЛИВАЕТ КРОВЬ РУССКИЙ НАРОД?..

Я был назначен заместителем командующего Волховским фронтом и командующим 2-й ударной армией. Пожалуй, нигде так не сказалось пренебрежение Сталина к жизни русских людей, как на практике 2-й ударной армии. Управление этой армией было централизовано и сосредоточено в руках Главного Штаба. О её действительном положении никто не знал и им не интересовался. Один приказ командования противоречил другому. Армия была обречена на верную гибель.

Бойцы и командиры неделями получали 100 и даже 50 граммов сухарей в день. Они опухали от голода, а многие уже не могли двигаться по болотам, куда завело армию непосредственное руководство Главного Командования. Но все продолжали самоотверженно биться.

РУССКИЕ ЛЮДИ УМИРАЛИ ГЕРОЯМИ. НО ЗА ЧТО? ЗА ЧТО ОНИ ЖЕРТВОВАЛИ ЖИЗ-

НЬЮ? ЗА ЧТО ОНИ ДОЛЖНЫ БЫЛИ УМИРАТЬ?

Я до последней минуты оставался с бойцами и командирами армии. Нас оставалось горсточка и мы до конца выполняли свой долг солдат. Я пробился сквозь окружение в лес и около месяца скрывался в лесу и болотах. Но теперь во всём объеме встал вопрос: СЛЕДУЕТ ЛИ ДАЛЬШЕ ПРОЛИВАТЬ КРОВЬ РУССКОГО НАРОДА? В ИНТЕРЕСАХ ЛИ РУССКОГО НАРОДА ПРОДОЛЖАТЬ ВОЙНУ? ЗА ЧТО ВОЮЕТ РУССКИЙ НАРОД? Я ясно сознавал, что РУССКИЙ НАРОД ВТЯНУТ БОЛЬШЕВИЗМОМ В ВОЙНУ ЗА ЧУЖИЕ ЕМУ ИНТЕРЕСЫ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ КАПИТАЛИСТОВ.

Англия всегда была врагом русского народа. Она всегда стремилась ослабить нашу Родину, нанести ей вред. Но Сталин в служении англо-американским интересам видел возможность реализовать свои планы мирового господства, и ради осуществления этих планов ОН СВЯЗАЛ СУДЬБУ РУССКОГО НАРОДА С СУДЬБОЙ АНГЛИИ, ОН ВВЕРГ РУССКИЙ НАРОД В ВОЙНУ, НАВЛЕК НА ЕГО ГОЛОВУ НЕИСЧИСЛИМЫЕ БЕДСТВИЯ, И ЭТИ БЕДСТВИЯ ВОЙНЫ ЯВЛЯЮТСЯ ВЕНЦОМ ВСЕХ ТЕХ НЕСЧАСТИЙ, КОТОРЫЕ НАРОДЫ НАШЕЙ СТРАНЫ ТЕРПЕЛИ ПОД ВЛАСТЬЮ БОЛЬШЕВИКОВ 25 ЛЕТ.

Так не будет ли преступлением и дальше проливать кровь? НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ БОЛЬШЕВИЗМ И, В ЧАСТНОСТИ СТАЛИН, ГЛАВНЫМ ВРАГОМ РУССКОГО НАРОДА?

Не есть ли первая и святая обязанность каждого честного русского человека стать на борьбу против Сталина и его клики? Я там, в болотах, окончательно пришел к выводу, что МОЙ ДОЛГ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ТОМ, ЧТОБЫ ПРИЗВАТЬ РУССКИЙ НАРОД К БОРЬБЕ ЗА СВЕРЖЕНИЕ ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКОВ, К БОРЬБЕ ЗА МИР ДЛЯ РУССКОГО НАРОДА, ЗА ПРЕКРАЩЕНИЕ КРОВОПРОЛИТНОЙ, НЕНУЖНОЙ РУССКОМУ НАРОДУ ВОЙНЫ ЗА ЧУЖИЕ ИНТЕРЕСЫ, К БОРЬБЕ ЗА СОЗДАНИЕ НОВОЙ РОССИИ, В КОТОРОЙ МОГ БЫ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ КАЖДЫЙ РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК.

Я пришёл к твёрдому убеждению, что задачи, стоящие перед русским народом, МОГУТ БЫТЬ РАЗРЕШЕНЫ В СОЮЗЕ И СОТРУДНИЧЕСТВЕ С ГЕРМАНСКИМ НАРОДОМ. ИНТЕРЕСЫ РУССКОГО НАРОДА ВСЕГДА СОЧЕТАЛИСЬ С ИНТЕРЕСАМИ ГЕРМАНСКОГО НАРОДА, С ИНТЕРЕСАМИ ВСЕХ НАРОДОВ ЕВРОПЫ.

Генерал-лейтенант А.А.Власов

Высшее достижение Русского народа неразрывно связаны с теми периодами его истории, когда он связывал свою судьбу с судьбой Европы, когда он строил свою культуру, свое хозяйство, свой быт в тесном единении с народами Европы. Большевизм отгородил Русский народ непроницаемой стеной от Европы. Он стремился изолировать нашу Родину от передовых европейских стран. Во имя утопических и чуждых Русскому народу идей он готовился к войне, противопоставляя себя народам Европы.

В союзе с Германским народом, Русский народ должен уничтожить эту стену ненависти и недоверия. В СОЮЗЕ И СОТРУДНИЧЕСТВЕ С ГЕРМАНИЕЙ ОН ДОЛЖЕН ПОСТРОИТЬ НОВУЮ СЧАСТЛИВУЮ РОДИНУ В РАМКАХ СЕМЬИ РАВНОПРАВНЫХ И СВОБОДНЫХ НАРОДОВ ЕВРОПЫ.

С этими мыслями, с ЭТИМ решением, в последнем бою вместе с горстью верных друзей я был взят в плен.

Свыше полугода я пробыл в плену. В условиях лагеря военнопленных, за его решеткой я не только не изменил своего решения, но укрепился в своих убеждениях.

На честных началах, на началах искреннего убеждения, с полным сознанием ответственности перед Родиной, народом и историей за совершаемые действия, я призываю народ на борьбу, ставя перед собой задачу построения Новой России.

Как я себе представляю Новую Россию? Об этом я скажу в свое время.

История не поворачивает вспять. Не к возврату к прошлому зову я народ. Нет! Я зову его к светлому будущему, к борьбе за завершение Национальной Революции, к борьбе за создание Новой России – Родины нашего великого народа. Я зову его на путь братства и единения с народами Европы и в первую очередь на путь сотрудничества и вечной дружбы с великим Германским народом.

Мой призыв встретил глубокое сочувствие не только в широчайших слоях военнопленных, но и в широких массах Русского народа в областях, где еще господствует большевизм. Этот сочувственный отклик русских людей, выразивших готовность грудью встать под знамена Русской Освободительской Армии, даст мне право сказать, что Я НАХОЖУСЬ НА ПРАВИЛЬНОМ ПУТИ, ЧТО ДЕЛО, ЗА КОТОРОЕ Я БОРЮСЬ, – ПРАВОЕ ДЕЛО, ДЕЛО РУССКОГО НАРОДА. В ЭТОЙ БОРЬБЕ ЗА НАШЕ БУДУЩЕЕ Я ОТКРЫТО И ЧЕСТНО СТАНОВЛЮСЬ НА ПУТЬ СОЮЗА С ГЕРМАНИЕЙ.

Этот союз, одинаково выгодный для обоих великих народов, приведет нас к победе над тёмными силами большевизма, избавит нас от англо-американского капитала.

В последние месяцы Сталин, видя, что Русский народ не желает бороться за чуждые ему интернациональные задачи большевизма, изменил политику в отношении русских. Он уничтожил институт комиссаров, он попытался заключить союз с продажными руководителями преследовавшейся прежде Церкви, он пытается восстановить традиции старой армии. Чтобы заставить Русский народ проливать кровь за чужие интересы, Сталин вспоминает великие имена Александра Невского, Кутузова, Суворова, Минина и Пожарского. Он хочет уверить, что борется за Родину, за отечество, за Россию.

ЭТОТ ЖАЛКИЙ И ГНУСНЫЙ ОБМАН НУЖЕН ЕМУ ЛИШЬ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ УДЕРЖАТЬСЯ У ВЛАСТИ. ТОЛЬКО СЛЕПЦЫ МОГУТ ПОВЕРИТЬ, БУДТО СТАЛИН ОТКАЗАЛСЯ ОТ ПРИНЦИПОВ БОЛЬШЕВИЗМА.

Жалкая надежда! Большевизм ничего не забыл, ни на шаг не отступил и не отступит от своей программы. Сегодня он говорил о Руси и русском только для того, чтобы с помощью русских людей добиться победы, а завтра с ещё большей силой закабалить Русский народ и заставить его и дальше служить чуждым ему интересам.

Ни Сталин, ни большевики не борются за Россию.

ТОЛЬКО В РЯДАХ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ СОЗДАЕТСЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НАША РОДИНА. ДЕЛО РУССКИХ, ИХ ДОЛГ – БОРЬБА ПРОТИВ СТАЛИНА, ЗА МИР, ЗА НОВУЮ РОССИЮ. РОССИЯ – НАША! ПРОШЛОЕ РУССКОГО НАРОДА – НАШЕ! БУДУЩЕЕ РУССКОГО НАРОДА – НАШЕ!

Многомиллионный Русский народ всегда на протяжении своей истории находил в себе силы для борьбы за свое будущее, за свою национальную независимость. Так и сейчас не погибнет Русский народ, так и. сейчас он найдёт в себе силы, чтобы в годину тяжёлых бедствий объединиться и свергнуть ненавистное иго, объединиться и построить новое государство, в котором он найдёт свое счастье.

Генерал-лейтенант А. А. Власов

Примечание: Печатается по фотостату листовки, распространявшейся весной 1943 года в лагерях военнопленных, а также по тексту газеты «Возрождение на Востоке», .N? 4, март 1943 г., Псков.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 4
ВСТУПЛЕНИЕ. ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ В НЕМЕЦКОЙ АРМИИ 15
ГЛАВА ПЕРВАЯ. СОЗДАНИЕ ПЕРВОЙ ДИВИЗИИ 33
ГЛАВА ВТОРАЯ. ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ 43
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ВЫХОД ИЗ ПОДЧИНЕНИЯ НЕМЕЦКОГО КОМАНДОВАНИЯ 60
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. В ЧЕХОСЛОВАКИИ 84
ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ 106
ЭПИЛОГ 128
Приложение № 1. ЗАХВАТ ГЕНЕРАЛА ВЛАСОВА 133
Приложение № 2. ВОСПОМИНАНИЕ БЫВШЕГО КОМАНДИРА
25-го ТАНКОВОГО КОРПУСА ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ЗАПАСА Е. ФОМИНЫХ 136
Приложение №3. ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (1941-1945) . 139
Приложение №4. МАРШАЛ ЖУКОВ О ЗАХВАТЕ ГЕНЕРАЛА ВЛАСОВА 140
Приложение № 5. СООБЩЕНИЕ ВОЕННОЙ КОЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК 141
Приложение №6. ПОЧЕМУ Я СТАЛ НА ПУТЬ БОРЬБЫ С БОЛЬШЕВИЗМОМ? 142

Пожертвования на издание Материалов к Истории Освободительного Движения Народов России и в фонд Издательства СБОНР.

Н.Орехов	10 дол.
о. Иоанн Ильинский	10.
М. Бугураев	2.
Н.А.Логунова	10.
В.Семенюк	5.
Б.Волошин	5.
А.Наконечный	10.
О.Домбровская	6.
А.Томилин	5.
П.Богданович	8.
В.Азар	100 дол.
В Игнатович	20.
И. Корниенко	100.
И. Моисеев	200.
А. Климов	25.
И. Гурлеский	200.
М. Коржинек	100.
П. Стоянович	100.
Н. И.	20.

Н. Д.	5.
П. Штеров	5.
М. Климецкий	10.
А.Боско	10.
Н. Скородинский	10.
В. П. М.	50.
Е. В. А.	50.
Кузминскпй	5.
С. В. А.	50.
С. Козодой	20.
А. А. Власов	10.

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО СБОНР

Манифест воли народной. (Манифест К. О. Н. Р.) 20 стр. Германия. 1960 г. (0,50 долл.).

Б. Кузнецов. В угоду Сталину. (Насильственные репатриации 1945-47 г. г.). 94 стр. Канада. 1958 г. (2,50 долл.).

Манифест К. О. Н. Р. — 1944 -1969. 8 стр. Канада. 1969 год. (0,50 долл.).

Статьи о Манифесте К. О. Н. Р. (Приложение к газете «Русская Жизнь»). 2 стр. США. 1969 г. (0,25 долл.).

Материалы к истории О Д Н Р. Выпуск первый. 78 стр. Канада. 1970 г. (2 долл.).

Материалы к истории О Д Н Р. Выпуск второй. 79 стр. Какада. 1970 год. (2 долл.).

Дело Солженицына. Второе издание Канада 1971 год. (1,50 долл.).

А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича.
Канада. 1971 год. (3 долл.).

Свен Стеенберг. Власов.
Австралия, 1974 г.

Все заказы направлять по адресу: SBONR. P.O. Box 411
Station «B»
London, Antario
Canada